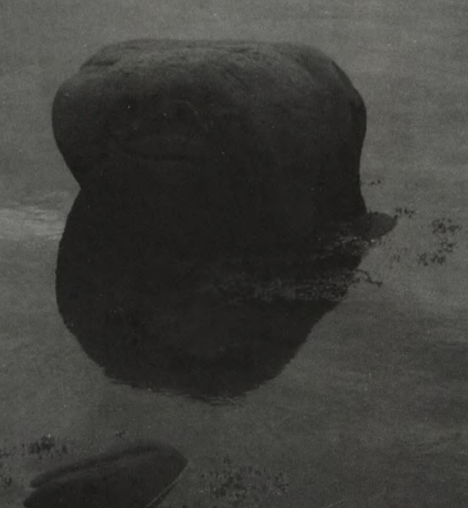
Л. П. МИХАЙЛОВА

ИСТОРИЯ КРАЯ В НАРОДНОМ СЛОВЕ

РУССКИЕ ГОВОРЫ КАРЕЛИИ

На Белом море недалеко от Вирмы есть ***Ку́мень-Ка́мень.*** *«Старики рассказывали, что каждое утро приплывала к нему русалка, расчесывала свои длинные до пят зеленые волосы зеленым гребнем и, посидев немного, уплывала». (Из рассказа К. В. Дементьевой.) Ср. фин.* ***kumma*** *– чудо*



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАРЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Л. П. МИХАЙЛОВА

ИСТОРИЯ КРАЯ В НАРОДНОМ СЛОВЕ

РУССКИЕ ГОВОРЫ КАРЕЛИИ

ПЕТРОЗАВОДСК
2004

ББК 81.2 Рус-67
М69

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУВПО «КГПУ»

Рецензенты:

Г. М. Керт, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (*ИЯЛИ КарНЦ РАН*);

Л. А. Воронова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета (*КГПУ*)

Михайлова, Л. П.

М69 История края в народном слове. Русские говоры Карелии / Л. П. Михайлова; ГОУВПО «КГПУ». — Петрозаводск, 2004. — 288 с.

ISBN 5-900225-82-8

В предлагаемом научном издании показывается связь лексики русских говоров Карелии, региональной ономастики с историей Карелии, с этнокультурными традициями; отражение древнейших исторически обусловленных процессов взаимодействия славянских и прибалтийско-финских языков.

Адресуется студентам филологических и исторических факультетов, учителям русского языка, истории и географии и всем, кого интересуют история края и живое слово.

ББК 81.2 Рус-67

ISBN 5-900225-82-8

© ГОУВПО «КГПУ», 2004
© Л. П. Михайлова, 2004

Поразительное разнообразие, вряд ли находящее что-либо подобное себе в другой части России, делает Олонецкую губернию неистощимой хранительницей в высшей степени драгоценного научного материала.

А. А. Шахматов

ВВЕДЕНИЕ

История, отраженная в слове... При этой мысли в памяти возникает множество событий, связанных со становлением государственности, формированием различных типов общества, с культурой, бытом, обычаями, особенностями психического склада того или иного народа. Ушли из нашего обихода, оставшись достоянием прошлого, многие понятия и обозначающие их слова. Сменили друг друга в течение веков этносы и государства, изменился быт, условия существования человека. Изменилась и сама среда обитания человека.

Киевская Русь — оплот древнерусской народности X–XIII вв. — разделилась на три территориально-государственных объединения: Русь Великую, Русь Малую и Русь Белую. В них соответственно сформировались русская, украинская и белорусская народности, переросшие в нации. Имеющие много общего в мировоззрении, культуре, они сосуществуют как семьи родных братьев и сестер. Хотя все понимают друг друга в главном, несколько по-особому обозначаются многие понятия. На обширной российской территории живут разные народы, язык многих из них относится к неродственным группам; русский же язык представлен во множестве диалектов, сложившихся в течение веков в результате переплетения явлений древних и новых, на всех языковых уровнях.

Язык народа — показатель его духовного, культурного уровня — остается выразителем самых разных оттенков мыслей и понятий. С помощью слова называется все самое возвышенное и низменное, отвлеченные понятия и конкретные предметы. Словом обо-

значаются нации (народности, племена) и отдельные люди, места их проживания, многонаселенные города и деревни, где всего один-два дома.

Карелия — часть России. Среди ее жителей есть карелы, вепсы, русские, белорусы, евреи, украинцы и многие другие. Для всех Карелия — это родной дом, Родина, как и Россия, объединившая сотни национальностей. Разные исторические события привели к тому, что в Карелии большинство людей говорит на русском языке, при сохранении родных языков карелами и вепсами, преимущественно в устной форме. В настоящее время практически имеет место сосуществование разных языков, а во многих случаях мы можем говорить о карельско-, вепсскорусском двуязычии, которым пользуются преимущественно карелы и вепсы, реже — русскоязычные.

В течение веков происходило взаимодействие языков на территории Карелии, их взаимообогащение на всех уровнях, особенно на лексическом. Язык, как никакой другой показатель национального своеобразия, отражает весь комплекс событий, фактов, реалий, понятий, представлений, эмоций. Если нас интересует наша история, наши корни, то мы не можем быть равнодушны к языку, в котором словесно выражены фрагменты прошлого, настоящее и намечены пути дальнейшего развития. В условиях нашего времени, когда произошел отказ от советской системы и наметились повороты к новой системе экономических и социальных отношений, очевидно временное вхождение в наш словарь новых слов, возвращение забытых, находящихся долгое время в пассиве (ср. *приватизация, ваучер, мэр, губернатор* и т. п.). Это история, происходящая на наших глазах, ярко представленная в слове. Слова приходят, уходят, возвращаются, некоторые умирают, но оставляют следы, историческую память. Еще не совсем вышло из употребления слово *СССР*, обозначавшее недавно исчезнувшее государство, а слово *СНГ* входит в нашу речь с некоторыми трудностями. Нет единой нации под названием «советский народ», но есть самостоятельные нации, как и были они на протяжении веков. Каждая прожила жизнь по-особому, накопив определенный историко-культурный опыт. В языке каждого народа произошли изменения, но длительное время существует

именование народа, т. н. этнонимы, происхождение которых представляет большой интерес. Об этом мы можем узнать из работ известных ученых — А. И. Попова, О. Н. Трубачева, П. Я. Черных, В. И. Паранина, в этимологических словарях. О происхождении многих слов такого содержания, о названиях селений, рек, озер Карелии пишут такие ученые Карелии, как Г. М. Керт, И. И. Муллонен, Н. Н. Мамонтова, В. А. Агапитов и др. История Карелии описана не только историками и археологами — М. Г. Косменко, Ю. А. Савватеевым, С. И. Кочкуркиной, И. А. Черняковой и др., но и этнологами, языковедами, архитекторами и фольклористами — К. К. Логиновым, Н. А. Криничной, В. П. Кузнецовой, Р. Б. Калашниковой, Д. В. Бубрихом, В. П. Орфинским, Т. В. Краснопольской. Последние средствами своей науки изучают материальную и духовную культуру, язык народа как компоненты историко-культурного характера. В этом плане можно с полной уверенностью утверждать, что история слова, фольклорного текста, народной музыки, архитектурных сооружений, бытовых реалий — это частички истории народа.

Краеведение как совокупность знаний об отдельных районах страны обычно связывают с географическими особенностями края, экономикой, историческими фактами, этнографическими сведениями, описанием жизни известных деятелей в разных областях, но о языке, на котором говорят местные жители, как правило, забывают, как не помнят о воздухе, которым дышат, не замечая его. В курс по историческому краеведению включаются данные памятников письменности, топонимии и антропонимии как ценнейшие источники изучения истории края [см., напр., Ашурков и др., 1980; Борисов и др., 1982]. Историческое лингвокраеведение, понимаемое как «лингвистическое источниковедение, которое использует в качестве научного объекта местный языковой материал» [Глинкина, 1992: 7], введено в практику ряда вузов при изучении дисциплин историко-лингвистического цикла. Серьезное внимание необходимо уделять региональному компоненту при обучении русскому языку в школе [Коренева, 1993]. В последнее время стали вводить курс лингвистического краеведения в школах некоторых регионов России, особенно по

топонимике, антропонимике [Бондалетов, 1992; Чайкина, Майорова, Климкова, 1991 и др.]. Г. М. Керт, подчеркивая большое значение топонимических данных для изучения древних исторических процессов, считает, что «при соответствующей подготовке школьники под руководством преподавателей-словесников или географов могли бы досконально зафиксировать топонимические богатства своей деревни» [Керт, 1991: 11].

Предлагаемая работа содержит ряд лексикологических очерков, в которых в разной степени представлена история края. Часть работы непосредственно связана с историческими фактами, отраженными в памятниках письменности. Бóльшая же часть посвящена исследованию разных лексических групп, выявлению историко-этимологических и ареальных связей лексики русских говоров Карелии с другими говорами русского языка, с карельским, вепсским, саамским и другими языками. Многие слова хранят память о довольно древних лингвистических связях.

Основой исследования послужили преимущественно данные «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) и других областных словарей, экспедиционные записи автора и студентов Карельского государственного педагогического университета, данные Картотек следующих словарей: СРНГ (Институт лингвистических исследований, г. Санкт-Петербург); СРГК (Санкт-Петербургский государственный университет); ПОС (Псковский педагогический институт); НОС (Новгородский государственный университет). Используются также данные словарей карельского языка А. В. Пунжиной и Г. Н. Макарова, словаря вепсского языка М. И. Муллонен и М. И. Зайцевой, словаря саамского языка Г. М. Керта, словарей финского языка. Привлекаются данные памятников письменности, связанных с Карелией, известных исторических словарей русского языка.

Мы поставили своей основной задачей описание лексики русских говоров и ономастики Карелии в историческом аспекте. Понимая невозможность полного охвата материала, мы ограничиваемся некоторыми лексическими группами, фрагментарно отражающими реальную историю края, взаимодействие неродственных языков в разных тематических группах. Считаем, что

лингвистическое краеведение как часть общего краеведения должно в большей степени опираться на лексические данные, так как именно слово отражает особенности природы, быта, жизненного уклада, отношений между людьми, объединенными условиями исторического и географического характера.

Основной лексический материал представлен в четырех разделах. В *первом* уделяется внимание характеристике говора как источника изучения истории, различиям русских говоров Карелии на лексическом уровне, описываются слова, свидетельствующие о наличии индоевропейского ингредиента в составе собственно диалектной лексики с затемненным морфемным составом, отмечаются факты лексической интерференции в древнейший период. *Второй* раздел посвящен лексике и ономастике в памятниках письменности, относящихся к Карелии. В *третьем* разделе описаны географическая, земледельческая, бытовая лексика в историко-географическом аспекте, местная топонимия, отражающая социальный уклад в прошлом. Материал *четвертого* раздела связан с духовной культурой человека, его нравственными, этическими и эстетическими представлениями. В *приложении* даются некоторые рекомендации методического характера по лингвокраеведению для учителей средней школы*.

* В книгу вошли в основном новые изыскания автора, а также некоторые изданные публикации, большей частью дополненные и переработанные.

ГОВОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРАЯ

Русские говоры Карелии, их современное состояние, внутритерриториальные отличия на разных уровнях, историческая интерпретация диалектных явлений на этой, относительно ограниченной, территории давно привлекают внимание исследователей. В частности, П. Н. Рыбников, характеризуя олонецкое наречие во 2-й половине XIX в., сделал вывод о том, что «влияние корелов и чуди, побежденных предками русских олончан, новгородцами... и с каждым годом более и более сливающихся с русским населением, обнаружилось не в произношении звуков или наплыве финских слов, а в ударении» [Рыбников, 1991: 271]. Говоры Заонежья неоднородны по типу вокализма, в них выделяются екающий и якающий диалекты [Ардентов, 1955: 86–89]. По-разному пытаются объяснить происхождение явления, называемого *ляпаньем, ляпсаньем, заонежским яканьем,* — переходе гласного [*е*] в [*а*] после мягких согласных при перетяжке ударения на предшествующий слог (в лесу́ → в ля́су, веду́ → вя́ду) — влиянием карельского языка [Ардентов, 1955], происхождением говора Заонежья из псковских акающих говоров [Гринкова, 1947], внутрисистемными отношениями [Колесов, 1975]. Видимо, следует учитывать и тот факт, что подобное явление наблюдалось и в древнейшую эпоху, в частности, при заимствовании общеславянских слов типа **verteno* в прибалтийско-финские языки — фин. *värttinä,* карел. ливв. *värtin,* вепс. *värtiń* 'веретено'. Большинство исследователей считает, что «на рубеже VIII–IX вв. прибалтийские финны вступили в контакт с восточными славянами. Правда, некоторые ученые полагают, что эти контакты начались значительно раньше. Так, карелы называют Россию словом *Venäjä,* которое первоначально означало название одного из славянских племен — венедов, живших на Висле еще до VIII в.» [Керт, 1983: 72]. Решение вопросов истории формирования русских говоров Карелии, их лексического состава требует внимания к комплексу явлений, отражающихся в словарных связях с другими русскими говорами (в этом отношении исключительно

важны сведения, представленные в этимологическом диалектном словаре А. С. Герда [Герд, 1995а, 1999]), в совпадении отдельных слов каких-либо тематических групп [см., напр., Воронова, 1968] или целых лексико-словообразовательных объединений в славянских и прибалтийско-финских языках и др. В промысловой лексике рыбаков Беломорья основным источником признается древняя терминология, занесенная новгородцами, но важную роль сыграли и заимствования из финно-угорских языков [Воронова, 1968].

Вопросы формирования говоров Заонежья, Беломорья, истории диалектных границ вокруг Онежского озера освещаются в ряде работ А. С. Герда [Герд, 1979, 1987, 1991]. Опираясь на многочисленные исследования, А. С. Герд выделяет историческую диалектную зону Верхней Руси — зону псковско-новгородско-тверского единства, которая «должна быть приурочена к эпохе IX–XIII вв. — периоду особого сближения в этих районах различных волн восточных славян, предков будущих севернорусов, ко времени до начала феодальных обособлений Пскова, Смоленска, Твери, Полоцка» [Герд, 1995: 13]. Он считает диалектную зону Верхней Руси, включающую территории вокруг Чудского оз., оз. Ильмень и Селигер, прародиной всех севернорусских диалектов; отсюда по рекам Шелони, Волхову, Свири и другим «началось в XI–XII вв. освоение и всей Верхней Волги, и Приладожья, и Обонежья, и Заволочья, и Беломорья» [Герд, 1995: 14].

В данном разделе мы представим некоторые материалы, свидетельствующие о говоре как источнике изучения истории края.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГОВОРА
(Водлозерье)

По классификации русских говоров 1915 г. территория Водлозерья относится к олонецкой группе говоров северного наречия. В современное северное наречие она не вошла в связи с позицией составителей карты 1965 г., ориентировавшихся на лингвогеографические данные. Новое деление охватывает территорию, ограниченную линией Петрозаводск — Каргополь. Известно, что севернорусское наречие отразило языковые процессы, протекавшие в разных говорах русского языка, как это убеди-

тельно показано авторами монографии «Образование северно-русского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии» [Образование, 1970]. В пределах наречия «языковые комплексы групп характеризуются обычно различным сочетанием в них выступающих в разных соотношениях новгородского и ростово-суздальского происхождения черт, как архаических по своему характеру, так и являющихся инновациями» [Образование, 1970: 237]. Выяснение характера языковых явлений на такой замкнутой территории, как Водлозерье, может способствовать решению вопроса о путях проникновения русского населения и межэтнических процессах, проходивших в данной зоне.

Среди русских говоров относительно полно описаны говоры Заонежья, особенно их морфологические и синтаксические черты (Т. Г. Доля, Н. И. Скуратова). В историко-языковом и историко-культурном плане не меньший интерес представляет и говор Водлозерья, в котором в силу обособленного географического положения региона сохранились архаические черты на разных языковых уровнях.

Проанализируем материал диалектологических экспедиций студентов Карельского педагогического университета в д. Куганаволок в 1983 и 1990 гг., а также некоторые данные 1993 г., собранные фольклористами и этнографами ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Среди **фонетических особенностей** водлозерского говора выделяются аффрикаты нечистого звучания: литературному звуку *ц* соответствует *ц* с призвуком *ч* — *ц*^{ч}, а литературному *ч* — средний между *ч* и *ц*, а также *ч*^{ц}; при этом наблюдаются и чистые звуки — *ц* и *ч*.

> *Края́ заструа́т, э́тот коне́ч^{ц}-от. Ц^{ч}а́повица — где к говённому-то вя́зу идёт, чтобы по́лоз-то не отошёл. Пили́ли са́мы луч^{ц}ко́м. До́ц^{ч}ери со́рок лет. Научи́сь ты ката́ть ва́ленки. Всё привве́ццязя. Его́вой до́ц^{ч}ки ската́ла (валенки. — Л. М.). Двухса́ра ви́ц^{ч}а* (Л. Н. Сухова, 1920 г. р., д. Келкозеро).

> *Двена́ццать ц^{ч}асо́в — в Христо́ську ноч^{ц}. На веч^{ц}о́рку. Яи́ц вари́ли. С це́ркви при́дут, ч^{ц}ай пьют. Я́йца ката́ли да* (А. И. Могучая, 1915 г. р., д. Рахкойла).

Приведенные примеры демонстрируют отличительные черты цоканья при неустойчивости данного явления. Мягкое цоканье частично было свойственно в к. 40-х гг. и говору д. Пильмасозеро Пудожского района, ср.: *ниц'ого́, по ноц'а́м, напи́тоц'ками* и *ф чердаку́, ввечеру́* и т. п. [Кузнецов, 1949: 78–97].

Особый характер аффрикат, а именно шепелявое *ц* (*цᶜ*), отмечался еще в XI–XII вв. на северо-западной и западной территории в памятниках Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка [Горшкова, 1972]. «Группа периферийных говоров северновеликорусского наречия складывается, прежде всего, на основе древненовгородского диалекта — это новгородская, поморская (архангельская), олонецкая и вологодско-вятская группы» [Горшкова, 1972: 144]. Лингвисты отмечают, что собственно новгородские черты, сложившиеся к рубежу XIV–XV вв., неодинаково развивались в группах севернорусского наречия. К тому же, различия в судьбе отдельных диалектных объединений севернорусского наречия возникли и «в результате взаимодействия с системами диалектов других языков, прежде всего финской группы» [Горшкова, 1972: 144]. К таким явлениям многие относят и цоканье [Соколова, 1962]. Что касается исследуемого водлозерского говора, то очевидной становится задача более детального, более точного выявления закономерностей употребления звуков *ц, ч, цᶜ, чᶜ*, для чего необходимы дополнительные систематические записи архаического слоя говора.

На месте древнего звука, обозначаемого буквой «ять», в некоторых случаях под ударением наблюдается *и*:

> *йи́здил, сйи́здил, не сми́йу сйи́здит, сйи́али, ди́ти, цвит, вси, всих*, но: *сено, все, дойе́здишь, хле́ба в пост не йи́ли, смела, де́тушки* (из записей 1983 г.).

Наиболее часто *и* на месте «ять» употребляется в глаголе *ездить*, перед мягким согласным. В записях 1993 г. *е* под ударением отмечено не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными:

> *не йе́здили туда, зде́лают, ме́сто, лес, се́но.*

В целом обнаруживается тенденция произношения на месте старого «ять» звука *е* перед твердыми согласными, *и* — перед мягкими, в позиции же конца слова произносится *и* и *е* — иначе

говоря, в водлозерском говоре наблюдаются черты, присущие олонецкой группе северного наречия.

Среди **морфологических особенностей** выделяется такая, как отсутствие конечного *-т* в формах 3 л. ед. и мн. ч. глаголов; причем эта форма употребляется наряду с имеющими на конце *-т*.

Сича́с дивья́, коро́в подо́ят – и домо́й, аппара́тами доя́. Наб, нала́дится к хоро́шему пого́дью, так проростё ота́ва. (Отава) – ско́шена трава́, когда́ идёт втора́я трава́ на ме́сте ско́шеной. Дере́вня сто́ит на о́строву. Они́ ко́сят в Коскоса́лмы, на мото́рке е́здя. Тра́ктором ко́ся, наро́д ленно́й стал. Ко́ся проко́сья и подме́жки. Места́, где тра́ктором нельзя́ коси́ть, подка́шивают рука́мы. Се́йгод внук не хо́чет коси́ть се́но. Е́сли ко́сит, так молочко́ пьет. Одна́ сестрёночка живё. Авто́бус у нас двадцать пять кило́метров нейдё. Нало́вя ры́бы. Тепе́рь ни ко́льев, ничего́ не ру́бя, всё гото́во. Он уми́е е́здить на мото́рке. Весь день па́шешь, ру́ки все боля́. Ны́нько все на рабо́те, все кося́т. Се́но зимо́й на лошадя́х во́зят. Ры́бу ло́вят се́ткамы и не́водом. Вертолёт, когда́ ду́мно, на́ поле ся́дет. Сюда́ у́дить и́здя, куды́ придётся, тут и ся́дут. На островку́ никто́ не живё. Рыбаки́ се́тки во́зят туда́. Путня́ идё. Наро́ду мно́го хле́ба беру́т. На сеноко́с во́зя хлеб. Дрова́ во́зя мне. Когда́ чу́рки привезу́т. Что заста́вя роди́тели, то и де́лали. Ды́рки просве́рля в опру́ги (из записей 1983 г.).

Итак, в записях 1983 г. без конечного *-т* отмечены формы:

3 л. ед. ч.	**3 л. мн. ч.**
подойдё	*до́я*
проростё	*боля́*
нейдё	*ко́ся*
идё	*ру́бя*
живё	*и́здя*
ска́же	*во́зя*
уми́е	*заста́вя*
	просве́рля

Соотношение ударных и безударных окончаний в ед. ч. – 5 : 2, во мн. ч. противоположное – 2 : 6. Проявляется четкая зависимость форм от спряжения: глаголы I спряжения не имеют конечного *-т* только в ед. ч., глаголы II спряжения – только во мн. ч. Данная черта присуща и пильмасозерскому говору конца

40-х гг. [Кузнецов, 1949]. В говоре Водлозерья формы 3 л. I спряжения мн. ч. и II спряжения ед. ч. имеют конечное *-т* постоянно: *встаю́т, беру́т, привезу́т, мо́гут, набира́ют, ви́дит, сиди́т, смо́трит, говори́т*. Приведенные записи свидетельствуют, что в 3 л. ед. и мн. ч. сосуществуют формы без *-т* и с *-т*: *ска́же, ко́ся, заста́вя, живё, е́дет, говори́т, не уме́ют, не хотя́т, послу́шат, говоря́т, са́дят* и т. п.

При рассмотрении данной особенности, как считает Т. Ю. Строганова, «следует исходить, очевидно, из признания того, что употребление форм глаголов без *-т* конечного в 3 л. ед. ч. I спряжения — черта общерусская (а возможно, и общеславянская; ср. наличие этих форм в украинском, чешском, польском и болгарском языках). Наиболее широко распространена данная форма и во всех современных русских говорах как на юге, так и на северо-западе, т. е. в местах наиболее древней восточнославянской колонизации» [Образование, 1970: 129]. Расширение круга форм без конечного *-т* — явление вторичного порядка [Там же].

Не останавливаясь на различиях во мнениях ученых по вопросу развития форм 3 л. глагола (на *-тъ* и *-ть*), выделим как наиболее существенный для характеристики водлозерского говора факт распространения типичной для него системы форм:

	I спр.	**II спр.**
ед. ч.	*идё, ска́же*	*сиди́т, ви́дит*
мн. ч	*мо́гут, беру́т*	*во́зя, боля́*

Это система 7 (из 11 систем, выделенных Т. Ю. Строгановой в русских говорах), ограниченная двумя островами на территории Ладого-Тихвинской группы говоров: на западе от оз. Ильмень в районе нижнего течения р. Мсты и в восточной части верхнего течения р. Сясь. Данная языковая особенность делает очевидной связь водлозерского говора с новгородскими.

В плане становления системы временных форм глагола в водлозерском говоре небезынтересна форма прош. времени мн. ч. на *-ы* в соответствии с литературной на *-и*. В говоре сосуществуют обе формы. Формы на *-ы* отмечены в 1983 г. в речи лишь нескольких пожилых жителей, носителей архаического слоя говора:

Са́мы ро́стилы и паха́лы, всё де́лали, хлеб пеклы́. Без хле́ба тоже жи́ли. Се́яли рожь, жи́то, пшени́чу, горо́хи… робо́тали мно́го (Е. Т. Марчихина, д. Куганаволок).

Ра́ньше соха́мы паха́лы деревя́ннымы, приу́зами молоти́ли. Коса́мы коси́ли (К. И. Коломеева, д. Куганаволок).

Овёс толклы́ в сту́пах. Сту́пы бы́ли деревя́нны. Овся́ны блины́ пекли́ (А. Я. Боброва, д. Коскосалма).

Пеклы́ кали́тки карто́шные, пшённые, пироги́ горо́ховы, блины́ ска́ли, карто́шку толклы́. Ещё пеклы́ жи́рной пиро́г. Рабо́тали мно́го, са́мы си́яли, паха́лы, рука́мы молоти́ли. Но́чью печь топи́лы. Пироги́ пеклы́. Всё рука́мы де́лали (А. В. Вершинина, д. Бостилово).

Отмечено лишь 11 случаев употребления форм с *-ы*, среди них:

пеклы́ – 4, *паха́лы* – 3, *толклы́* – 2, *топи́лы* – 1, *рости́лы* – 1.

Трудно установить какую-либо закономерность в использовании форм мн. ч. прош. времени на *-ы*, тем более что эти же глаголы имеют и формы на *-и*. Требуются дополнительные наблюдения за естественной речью диалектоносителей. В любом случае в морфологической системе говора сохраняется одна из древних родовых флексий мн. ч. причастия на *-л* (флексия жен. рода — *жёны пеклы́*; ср. флексию муж. рода — *мужи́ паха́ли*).

Являясь остаточным элементом древней системы перфекта, формы на *-ы* могут поддерживаться и местоимениями мн. ч. *оны́*, *са́мы* и т. п., употребляемыми в говоре параллельно с *они́*, *са́ми*. Правда, зафиксирован единственный пример почти полного совпадения флексий глагола и местоимения: *Са́мы ро́стилы и паха́лы, всё де́лали, хлеб пеклы́*. Ср. флексии в других примерах:

Ма́сло са́мы сбива́ли рога́точкамы, де́лали рога́точкы из сосны́. Ши́ли са́мы. Как в а́рмию ушли́ в Оте́чественную, так и не пришли́, оста́лись одны́ с детя́ми. Мы корми́ну ра́ньше са́ми носи́ли. Дельни́цы мы вя́жем са́мы.

Данные иллюстрации не показывают регулярного употребления согласующихся глагольных и именных форм. В целом в водлозерском говоре форма мн. ч. прош. времени глагола на *-ы* не зависит от рода.

Вполне допустима мысль о тенденции новой парадигмы прош. времени, состоящей лишь из четырех форм — *пахал, пахала, пахало, пахали* (где в трех случаях *л* твердое, в одном — *л* мягкое), — к выравниванию основы на твердый согласный *-л*, как это имеет место в соотношении форм местоимений — *он, она, оны; сам, сама, само, самы*. П. С. Кузнецов не отмечает в пильмасозерском говоре форм типа *пеклы*, хотя и указывает на наличие местоимений *оны* (*ёны*), *самы*. Можно считать, что в водлозерском говоре становление форм прош. времени продолжается.

Для исследуемого говора характерно также отсутствие интервокального *-й-* с последующей ассимиляцией и стяжением гласных. Касается это довольно большой группы форм прилагательных:

им. пад. ед. ч. ж. и с. р.	*-айа*	*-а*	*-ойе*	*-о*
вин. пад. ед. ч. ж. р.	*-уйу*	*-у*		
им. пад. мн. ч.	*-ыйе*	*-ы*	*-ийе*	*-и*

Примеры:

Где кака́ дере́вня, там така́ поре́дня. У си́верика (название северного ветра) ба́ба крива́, не ходи́л домо́й к но́чи, к но́чи стиха́л. Каки́ го́ды-то бы́ли, хлёбнуто солёного до слёз. Каку́ пе́нзию получа́ю: хле́ба на де́нь госпо́день одна́ ми́лостыня нужна́. Се́йгод есть я́год, це́ло боло́то куколько́в, по обо́рышам и пройдёшь, ме́лку я́году соберёшь. В сиро́тстве росла́, мать не родна́, так всё-таки чужа́. Чужа́ ма́тушка — не ма́тушка, чужи́ де́тушки — не де́тушки.

Особое внимание обратим на такого рода явления в глагольных формах, а именно на характер парадигмы:

-а́йе- > -а́-		***-а́йе- > -а́-***
знашь	**2 л. ед. ч.**	*рабо́ташь*
знат	**3 л. ед. ч.**	*спра́шиват*
спуска́т		*де́лат*
нагоня́т		
помога́т		
знам	**1 л. мн. ч.**	*рабо́там*
каса́мся		
опуска́м		
поджида́м		
полага́м		

Первая группа, наиболее распространенная в водлозерском говоре, имеет ударное сочетание, вторая — предударное. Следовательно, в описываемой системе, по предварительным наблюдениям, отмечен преимущественно 1-й тип парадигмы глаголов, в котором стяжение не охватывает всех форм:

зна́йу, знашь, знат, но: *зна́йут.*

В меньшей степени представлен 2а тип:

ду́майу, ду́машь, ду́мат, но: *ду́майут.*

В. Г. Орлова выделяет 5 парадигм глаголов [Образование, 1970], в которых различается степень стяжения и ассимиляции гласных. Ср.: в типе 2б — *ду́мут* вместо *ду́майут,* в типе 3 — *уме́м* вместо *уме́йем,* но: *уме́йут,* в типе 4 — *обу́м* вместо *обу́йем,* но: *обу́йут,* в типе 5 — *кром* вместо *кро́йем, кро́те* и *кро́йете,* но: *кро́йут.*

Характерные для говора Водлозерья типы 1 и 2а охватывают преимущественно северо-восточную часть русских говоров. В. Г. Орлова, анализируя данные лингвогеографии, разные случаи выпадения *-й-* и последующих изменений, считает возможным предположить, что «очагом этого явления была примерно та часть территории сложившегося к к. XIV в. Великого княжества Московского, на которой расположены такие современные области, как Московская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, т. е. современная Владимиро-Поволжская группа среднерусских говоров» [Образование, 1970: 275]. На территории Ладого-Тихвинской группы в пределах Онежской подгруппы и новгородских говоров это явление распространилось позднее, «уже в период освоения новгородской территории после покорения Новгорода, в частности и при значительном перемещении населения с центральных территорий Великого княжества Московского» [Образование, 1970: 176].

Из фонетических явлений обратим внимание также на переход ударного гласного [*а́*] → [*э́*] в позиции между мягкими согласными, обнаруживающийся в некоторых словах и формах, напр.: *креж, опе́ть, поре́дня, заготовле́ется,* но: *хозя́йство, взять.*

Данное явление в единичных словах отмечено почти на всей территории русских говоров, однако имеются и компактные зоны распространения отдельных слов и форм — это северо-

восточная и рязанская зоны [Образование, 1970]. Замена букв *я* и *а* буквой *е* «наблюдается (правда, в небольшом объеме) в новгородских и псковских памятниках, которые отражают говоры, легшие в основу северновеликорусских» [Борковский, Кузнецов, 1965: 136].

Показательным в отношении связей Водлозерья с другими русскими территориями в прошлом является **лексический материал**. Жизнь слова в географическом пространстве непосредственно связана с его историей. В Водлозерье, например, довольно разнообразна лексика, отражающая старую систему землепользования: *ни́ва* 'разработанный для посева участок леса', *пал* 'участок, на котором выжжены остатки леса', *леди́на* 'лес, вновь выросший на месте бывшей подсеки', *чи́ща* 'расчищенный из-под леса участок, используемый для сенокоса', *ре́пище* 'подсека, на которой сеяли репу', *горо́ховище* 'место, где сеют горох'.

Ни́ва – где выру́бали лес и рожь се́яли. Пал – э́то когда́ пали́ли лес, выкорчёвывали дере́вья для поса́дки хле́ба, но снача́ла се́яли ре́пку. Всё се́яли вручну́ю. Тепе́рь места́ запустошёны. В крежа́х бы́ли леди́ны. Леди́на – ра́ньше вы́рублено, бере́зник. Пойдёшь туда́ за гриба́ми.

Я́годные места́ – Под Ни́вой называ́ли, то, что за по́лем; а ещё Изо́тихина чи́ща – э́то по́лосы, где вы́чистили лес. Лю́ди называ́ли и мы зовём.

Спра́шиват, не ходи́ла ли в ри́пище, горо́ховище? Пой зна́т, что ходи́ла.

Раз мы шли на отхо́д коси́ть се́но. С кото́мками прошли́ через боло́то. Полдня́ покоси́ли, оста́вили одну́ фата́нку и ушли́ на Ке́ду коси́ть. Дё́дко сходи́л на по́жню. Она́ была́ сгра́блена, у медве́дя все ку́чи раски́даны.

В последнем примере обратим внимание на название реки Ке́да, связанное с именем нарицательным *ке́да* прибалтийско-финского происхождения. Ср. данные словаря географической прибалтийско-финской лексики: ск. *keto, kedo*, ливв., люд. *kedo* 'заросшая подсека, поляна, залежь'. Ср. фин. *keto* в том же значении. Как отмечают составители словаря, «слово заимствовано в русские говоры Карелии: *кедовина* пуд., прион. 'бывшая подсека,

заросшая лесом', *кядовина* петрозав. 'лесная чаща'// мыс Ketoniemi (Юшкозеро, Калев.), руч. Ketoja (Хайколя, Калев.), ур. Kuusikkoketo (Суднозеро, Калев.), р. Кеда и оз. Кедозеро (Куганаволок, Пудож.)» [Мамонтова, Муллонен, 1991: 38–39].

Бóльшая же часть терминологии землепользования, характерная для говоров Водлозерья, является русской по происхождению. Установление ареала бытования этих слов в недавнем прошлом (что, как правило, отражено в архаическом слое говора) и в древние периоды истории может способствовать решению вопроса о формировании русского населения Водлозерья. В этом поиске значительную роль могут сыграть работы по истории лексики Белозерья [Чайкина, 1975], по проблемам региональной исторической лексикологии [Бондарчук, 1978].

В описываемом говоре сохраняется слово *печúще* 'часть деревни, имеющая особое название и, видимо, обособленная в хозяйственном плане' [Окунев, 1993]. Печище, как объект, известно лишь в двух деревнях Водлозерья, и у каждого из объектов, у каждой части деревни, есть собственное название: *Гóра* и *Подгóра* в д. Путилово, *Óгнилова Гора, Кýдрилово, Дéшалово, Пóдгорье, Ѝтогора* в д. Коскосалма. Выделяя эти именования печищ, А. В. Окунев подчеркивает, что «они, видимо, были обособлены в хозяйственном плане. У каждого печища было свое место заготовки дров, сенокошения, рыбной ловли, для занятий земледелием» [Окунев, 1993: 11].

Можно предположить, что названия печищ возникли так же, как и названия деревень. Их связь с именем владельца того или иного участка, важного в хозяйственном отношении, довольно отчетливо обнаруживается в топонимах с элементами *-ово, -ино, -овская/-овское, -инская/-инское*. В XVI в. слово *печище* имело значение 'небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи', а также, уже в XVII в., 'земельное угодье, относящееся к такой деревне', как это засвидетельствовано памятниками письменности: «А та у меня дрвня Олутинская и Дыренское *печище* не продано, ни заложено никому». — Кн. Солев. вотч. креп., около 1559 г. [СлРЯ XI–XVII вв., XV: 40]. Возможно, на территории Водлозерья печи-

ще представляло собой бывшее родовое поселение большой семьи, ср. запись 1990 г.:

> *Боло́та побли́зости есть. Ра́ньше дере́вни бы́ли разделены́ на семе́йства, да и боло́та относи́лись так: Ми́тькькино боло́то, Ива́нково боло́то* (В. А. Данилина, 1930 г. р., д. Качнаволок).

С указанным кругом значений слово *печище* встречается преимущественно в севернорусских говорах, в частности, в архангельских говорах *печище* — 1) 'деревня' Шенк., 'одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением' Пинеж., 'деревушка в 3–6 дворов', 'отдаленная от других селений деревня; отдаленный поселок'; 2) 'сельская община'. Ср. в великолукских говорах *печище* — 'место, где находится дом с хозяйственными постройками, садом и огородом; усадьба' [СРНГ, XXVII: 6–7]. Известное олонецким и архангельским говорам *печище* 'место, где когда-то было жилье, деревня' отмечено также в вологодских, ярославских, тверских и московских говорах. Пудожское *печище* 'часть деревни, имеющая общую долю полей и угодий' выступает, видимо, в качестве эквивалента к более распространенному на Севере слову *деревня* 'земельное угодье (с поселением на нем)', 'двух-четырехдворная деревня'. В к. XV в. в памятниках Центра слово *печище* употребляется в одном ряду с такими словами, как *отчина* и *дедина*: «Обиды деи великие чинятся... поимают у них сильно их дедины и отчины, печища, реки и озера и куньи участки» — Жалованная (подтвердительная) грамота великого кн. Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской, 1484–85 гг. [Акты СВР, 1964: 308].

А. И. Копанев приводит примеры из памятников письменности XVI в.: «С пожни с Плоской в Сосновце за дань и за оброк и за всякие подати 4 алтына *к печищу к Новгородову* к деревне», «к деревне *Шоломовцову печищу*», «давати в *Козановскому печищу*», «живу яз на Ильинской деревне, а Волотуха *нашего печища Шестьденьговского*». (В последнем случае речь идет о спорной земле — Волотухе, владельцем которой некогда был *Василий Степанов сын Шестьденьгов*.) Он обращает внимание на совпадение значений термина *печище* в двинских актах и актах Центра, где «он тогда

означал или место бывшего очага, или земли бывшей деревни. Печище — земли деревни» [Копанев, 1978: 126–128].

Следовательно, предварительные наблюдения приводят нас к выводу о сохранении в говорах Водлозерья термина *печище*, отражающего принципы организации землепользования деревни XV в., исторически связанного с говорами Центра.

В составе лексики говоров Водлозерья содержатся своеобразные слова, отсутствующие в других русских говорах. Они представляют значительный интерес в плане определения историко-этимологических связей с другими языками и диалектами, установления путей проникновения на территорию Водлозерья. Поставим своей задачей описание семантики и географии некоторых лексем, отмеченных нами в последней экспедиции в д. Куганаволок летом 2000 г. Беседы проводились в основном с коренными жителями преклонного возраста, речь которых отличается значительной степенью сохранности архаических черт на разных уровнях, в особенности на лексическом. Привлекает необычайная выразительность народного слова, речевых оборотов, которыми изобилует водлозерский диалект.

Остановимся еще на нескольких словах, известных водлозерскому говору. ***Готяжóк*** 'тесьма, которой привязывается волокно к прялке':

> *Спица у прялки, у спицы колечко и потом готяжóк; этим готяжкóм шерсть привязывают к прялицы. Готяжкú — не верёвочка, а как тесьма* (д. Куганаволок).

Ср. *готя́жка* 'шнурок, ленточка или тесемка, употребляющиеся для украшения' в пинежских говорах, *готя́шка* 'шнурок, ленточка, на которой носится нательный крест; гайтан' в северных говорах [СРНГ, VII: 100]. Пудожским и онежским говорам известно *готя́шка* 'подвязка для чулок' [СРГК, I: 383]; однако заметим, что данное слово иллюстрируется формами множественного числа. В СРГК приводится также омоним *готя́шка* 'длинный стебель', известный пудожским, онежским, каргопольским говорам, и прилагательное *готя́ный* 'длинный', отмеченное в онежских говорах [Там же]. Вероятно, родственным является псковское *гóтень* 'шнурок для нательного [ПОС, VII: 157]. В другой огласовке — с гласным *а* — в псковских говорах отмечены: *гатяжóк*

в опочецких и новоржевских, *гатяшóк* в пушкиногорских в значении `застежка на платье' [СРНГ, VI: 153]; *гатяшóк* известно также в значениях: `шнурок, веревочка' в новоржевских, бежаницких, опочецких, пушкиногорских, `шнурок для башмаков' в пушкиногорских и ашевских [ПОС, VI: 144].

Два варианта *гатя́н* и *готя́н* в говорах северо-восточной зоны: в значении `плетеный шнурок или тесьма; гайтан': *гатя́н* — в белозерских, *готя́н* — в шенкурских, онежских, вятских; *готя́н* `шнур' — в печорских, `тонкий и мягкий стебелек травы подорожника' — в онежских говорах [СРНГ, VI: 153]. Вполне закономерно сравнение с *гатáн* `гайтан; шнурок для креста' в жиздринских/калужских говорах [СРНГ, VI: 152]. В последнем случае имеет место утрата звука *-j-* в общеизвестном слове *гайтáн* `плетеный шнурок или тесьма', которое сопоставляется с турецким *γaitan* `бахрома, шнурок, шелковый или бумажный' [БАС, III: 19]. М. Фасмер считает, что слово *гайтáн* `лента, тесемка или шнурок, на котором носят нательный крест; фитиль', имеющее такие «народные варианты, как *гавитáн, гаветáн, гитáн, гантáн, готя́н*, арханг. (Подв.), др.-русск. *гаитанъ* (грам. 1503 г.) ... укр. *гайтáн* `пояс с сумкой, обитой гвоздями', является заимствованным из греч. от ср.-лат. *gaitanum* `пояс', возможно, галльск. происхождения» [Фасмер, I: 384]. Семантически очень близко ст.-польск. *gat* `пояс, набедренная повязка' — к. XV в. [ЭССЯ, VI: 109].

В русских говорах Карелии и сопредельных территорий известен целый ряд фонетических вариантов слова *гайтан*: *гайтáн, гайтя́н, гайтéн, гайцáн, гатя́н, гойтя́н, голтя́н* в значениях — `то (шнурок, тесьма, тонкая бечевка, цепочка), на чем носили нательный крест' в прионежских, медвежьегорских, тихвинских, волховских, подпорожских, каргопольских, череповецких, `полоса материи, перекинутая через плечо для поддержания поврежденной руки' в подпорожских, `ремень' в лодейнопольских, `кольцо, сделанное из березовой ветки и употребляемое для соединения бревен' — в онежских [СРГК, I: 323].

Каргопольским говорам известно *гайтя́ш* `тесемка', медвежьегорским — *гайтя́шек* `то же, что гайтан', онежским — *гайтя́шек* `шнурок у ботинка' [Там же].

В н. XIX в. русскому просторечию было известно ласк. *гайтя́шек* 'гайтанчик'; в современных псковских/пустошкинских говорах — *гайташо́к* 'поясок, пояс; гашник', в архангельских/шенкурских говорах в к. XIX в. зафиксировано *гайта́шка* 'веревочка, которой привязывается горло аересчанки к палочкам, составляющим ребра этого рыболовного снаряда'; в повенецких — *гойтя́н* 'шнурок, гайтан', в беломорских — *гойтя́н* 'веревка, стягивающая чупу (одну из частей мережи)' [СРНГ, VI: 102].

Следовательно, заимствованное из греческого языка слово *гайтан*, пришедшее, по всей вероятности, с принятием христианства в русский литературный язык, претерпело изменения фонетического, семантического и морфемного характера: 1) многие говоры усвоили в качестве корневой морфемы *гайт-*, преобразовавшейся в *гат-*; 2) северные говоры имеют междиалектные варианты корней в виде *гойт-* и *гот-*, чаще в безударном положении, что может объясняться влиянием полного оканья; 3) в говорах развилась система значений, отражающих особенности отдельных конкретных реалий, в которых используются шнурок, тесьма, лента; 4) в говорах возникли новые слова с известными русскому языку суффиксами, а также своеобразными диалектными суффиксами типа *-яжок, -яшек, -яшка*.

Отмеченное в водлозерском говоре слово *готяжо́к* 'тесьма, которой привязывается волокно к прялке' связывает непосредственно водлозерские говоры с псковскими.

Этимологически загадочными являются и глаголы ***кумла́тать*** 'тискать кого-л.', *кумла́таться* 'барахтаться' и *закумла́тать* 'запихать куда-л.':

> *Он идёт по дороги, видит, в сугробе кумла'тается старушонка. Потом он ю кумла́тал. Пропихали куда-то, закумла́тали да* (д. Куганаволок).

Трудно с определенной долей уверенности выделить исконный корень этих родственных слов. В известных областных словарях данные слова не зафиксированы, включая и СРГК; отсутствует близкая по морфемному составу лексема и в этимологических словарях. Однако имеющиеся в диалектах материалы дают возможность выдвинуть следующие предположения:

I. Возможно, к родственным относится *ку́мельга* \`беспорядок' в кондопожских говорах, *ку́мельгой* \`кувырком' в лодейнопольских, \`быстро' в прионежских говорах [СРГК, III: 58]. В значении \`кувырком, кубарем' отмечены *кумельго́й* в олонецких, *ку́мельгой* в смоленских, *ку́мильгой* в томских, *кумельго́ю* в вятских, *ку́мельком* в кадниковских/вологодских, пермских, уральских, сибирских, томских, *ку́мелью* в псковских, смоленских говорах, *ку́мелькой* в кадниковских/вологодских; в значении \`очень быстро, стремительно' — *ку́мельгой* в подпорожских говорах, *кумельго́й* в олонецких, *ку́мильгой* в псковских; в значении \`беспорядочно, как попало' — *ку́мельгой* в пошехоно-володарских/ярославских, *ку́мелькой* там же, в костромских, свердловских, *кумельго́й* в лодейнопольских, *ку́мелькой* \`кое-как, как попало' в грязовецких/вологодских и ветлужских/костромских говорах, *куме́лько́м* \`неаккуратно' в среднеуральских говорах, *ку́мельгой спать* \`спать не раздеваясь' в якутских, *кумельго́й ронить* \`бросать в кучу все, что попадет, без разбора' в олонецких, *куме́лем* \`неаккуратно, кое-как, наскоро' в свердловских говорах [СРНГ, XVI: 82–83]. Отмечены также *ку́мельга* \`комочек, катышек' в иркутских, верхнеленских, \`клубок' в верхнеленских говорах, *кумельжи́стый* \`плохо очесанный (о льне)', \`мятый, негодный' в тюменских говорах, *ку́мельный* \`кое-какой, какой попало' в вологодских, архангельских, пермских говорах, *ку́мелькой* \`согнувшись' в вологодских, *ку́мелька* \`беспорядок' в пошехонских, ярославских, костормских, \`о неуклюжем, небрежно и безвкусно одетом, неряшливом человеке' в архангельских, вологодских, ярославских говорах, *с ку́мельги, с ку́мольги упасть* \`стремглав упасть' в колымских говорах; видимо, сюда же *ку́мель* \`прическа в виде закрученной в пучок косы' в ярославских и казанских говорах, *куме́лка* — об игре, в которой две девушки должны быстро бежать по кругу, чтобы занять свободное место, а также о самой девушке, участвующей в этом состязании, — в арзамасских/нижегородских говорах [Там же]. Ср. в современных сямженских/вологодских говорах *куме́лка* и *куме́лья* \`куча, груда чего-либо', *куме́лья* \`беспорядок, неразбериха', *ку́мля* \`прическа в виде закрученного сзади пучка волос', *ку́млять* \`одевать кого-л. слишком тепло, кутать' в грязовецких/вологодских говорах [СВГ, 1989: 18–19]; *ку́мелькой*

`беспорядочно, как попало', `небрежно, неряшливо (одеваться)', *кýмель* `нижняя часть снопа (у среза)', `женская прическа, когда волосы собираются в узел на затылке', ср. также *кóмлять* `слишком кутать, тепло одевать ребенка' в ярославских говорах [ЯОС, 1986: 107, 57]. Семантически и по фонетическому составу довольно близко и глаг. междом. *кумы́ль* `кувырк' в вятских говорах, *кумылька́ться* `кувыркаться', `идти с трудом или прихрамывая' в вологодских говорах [СРНГ, XVI: 88], *комыля́ть* `прихрамывать, ковылять', *комыля́ться* `идти хромая, с трудом, медленно' [ЯОС, 1986: 58]. Во всех приведенных примерах следует видеть отражение древнейших чередований *е//о//ы//-*.

II. Есть основания связать слово *кумла'тать*, с безударным *-у-*, со словом *комла́тый* `безрогий, с шишками вместо рогов или с отпиленными рогами (о скоте)', образованным от *комóлый* в том же значении; последнее, в свою очередь, имеет производящую основу *ком* [ЭССЯ, X: 175]. Обратим внимание на то, что имеется и «специальное указание на близость лит. *kamuolỹs*, лтш. *kamuõls* `клубок, моток'... Раннеэкспрессивный характер образования объясняет наличие достаточно старых вариантов... и ареально близких форм вроде лит. *gamulà* `комолая, безрогая скотина', в свою очередь — с целым рядом вариантов» [Там же]. В вытегорских говорах зафиксировано слово *комла́ться* `бодаться (о комолом скоте)' [СРНГ, XIV: 233]. Аналогично возможный вариант *комла́тать* (= *кумла́тать*) образуется от *комла́тый*. Семантическая мотивация вполне объяснима: *комла́тать* `тискать' ↔ `бодать'. С гласным *-у-* в данную лексическую группу может быть включено слово *кýмля* `спиленное под основание дерево' в свердловских говорах [СРНГ, XVI: 85], ср. *кóмель* `корень дерева или растения' в разных говорах [СРНГ, XIV: 230].

Не рассматривая характерные черты других лексических групп, заметим, что их изучение с учетом особенностей хозяйственно-экономического уклада, быта, материальной и духовной культуры, этнического самосознания местного населения представляется важным для организации историко-этнографического комплексного исследования Водлозерского национального парка. Назрела необходимость создания сравнительного диалектного словаря Водлозерья с целью выявления лексических

связей данной относительно замкнутой территории с другими диалектными объединениями. Сравнительный диалектный словарь может отражать: 1) черты материнского русского говора; 2) былые контакты пришлого русского населения с нерусскими, по преимуществу прибалтийско-финскими, народами; 3) своеобразную лексику описываемой зоны, занимающей определенное место во внутрирегиональном членении (по Карелии и сопредельным территориям). Такой словарь должен, на наш взгляд, содержать данные памятников письменности.

Ценнейшим источником изучения истории и культуры края является также местная топонимия, в том числе и ее верхний, русский/славянский слой. Выделим ряд микротопонимов, в образовании которых определенную роль сыграли имена нарицательные, обозначающие географические или хозяйственные объекты:

Е́льское пого́стье, Е́льское у́стье, Золото́е боло́то, Ми́тькин бор, Щеле́йная поля́на, Горба́тая поля́на, Се́льга, Далёкое по́ле, Под Ни́вой, Изо́тихина чи́ща, Сухо́й на́волок, Ве́рхняя ва́дюга, Ни́жняя ва́дюга, Ми́тькино бо́лото, Ива́нково боло́то, А́глимох, Ва́ришмох, Пи́замох, Го́ра, Подго́ра, Ре́болахта, Анто́нов луг, Заамба́риха, Загуме́ниха, Па́лостров, Ка́менки, О́бод, Зи́мник.

Своеобразными являются и местные регионально-групповые прозвища:

А ещё в ка́ждой дере́вне бы́ли свои́ обзы́вки: За́горье <u>вачуга́ми</u> зва́ли, Гумарна́волок <u>кужа́ми</u> зва́ли, Варешпи́льда – зва́ли <u>кошели́</u>, Ва́чилово – <u>клещи́цы</u> зва́ли, а вот <u>рыкуны́</u> зва́ли Ко́лгостров. В Канзана́волоке зва́ли всех <u>безбо́жниками</u>, пото́му что там коммуни́стов мно́го бы́ло (из записей 1990 г.).

Ко́скосалма – «<u>Черныши́</u>», Пе́лгостров – «<u>Верёвочники</u>», Рагуно́во – «<u>Катанёжники</u>», Чу́яла – «<u>Лопота́и</u>» [Окунев, 1993: 41].

Фиксация всей микротопонимии и антропонимии — одна из неотложных задач, от решения которой зависит создание местного водлозерского ономастикона, отражающего историю края в именах собственных.

В говоре Водлозерья происходят сложные процессы, ведущие к образованию нового слова, отсутствующего в других русских говорах. В частности, отметим ряд любопытных употреблений прилагательного ***коньдоро́дный*** в значении 'обладающий какими-л. отрицательными качествами' и наречия или слова категории состояния *коньдоро́дно*, образованного от него: «*Коньдоро́дно* одетось-то, *неприглядно. Коньдоро́дна* корова-то выпущена [о тощей корове]». «*Коньдоро́дно* платье-то сошито, *нехороше, некрасиво* [платье] в деревнях называли». «Сенокосная пора за окном, а погода-то *коньдоро́дна-то* стоит. Сегодня *коньдоро́дно-то* на улице [о непогоде]. *Коньдоро́дно-то* в избе [не прибрано]». «Ой, *коньдоро́дна* девчонка-то идёт [худенькая]». «Ай, *коньдоро́дно-то* вышло у меня сегодня белое [выпечка], хоть в стену кидай [невкусное]». «*Коньдо́ро́дна-то* книга стала [грязная, рваная]» — запись 2000 г.

В одном случае отмечено выражение усиления отрицания признака, обозначенного последующим словом, в отрыве от прилагательного *недоро́дный*, которое уже содержит отрицание: «*Конь* она *недоро́дна-то* стала, что чудо, толстая».

В говоре представлено целостное употребление именно слова *коньдоро́дный* (*-о*), и носители говора обычно не допускают вставки какого-л. другого слова между его составляющими. Следовательно, начальное *конь-* в данном случае является эквивалентом словообразовательной приставки *не-*.

Для всех контекстов со словом *коньдоро́дный* (*-о*) характерно наличие экспрессивности и эмоциональности, выражаемое такими дополнительными показателями, как междометия *ай, ой*, частица *-то*, соответствующая интонация. Основным выразителем коннотативного семантического компонента в слове *коньдоро'дный* является начальное *конь-*, восходящее к отрицательной частице, которая «придает следующему за ним наречию (точнее, слову. — *Л. М.*) противоположный смысл» [СРГК, II: 417]. Составители СРГК отметили наличие такой частицы лишь при наречии, но, как показывает материал, она может употребляться и при прилагательном, и при категории состояния: «Платье-то у тя *конь красиво* [некрасивое]». «Идти вот *конь близко* [далеко]». «Тяжело за водой сходить, а озеро-то вот *конь далёко* [близко]». «Куча сена вот *конь мала* [большая]» — запись 2000 г.

Попытаемся высказать предположение о том, каким образом у слова *конь* могло возникнуть значение отрицания. В н. XX в. в пудожских говорах бытовало выражение *конь доро́дно* в значении \`как нехорошо, как плохо', наряду с *конь ху́до* \`как хорошо'; определительное наречие *конь* \`как, насколько' было известно также тихвинским говорам [СРНГ, XIV: 276]. В настоящее время наречие *конь* \`как, насколько', \`так', \`очень' известно в плесецких, каргопольских говорах Архангельской области и в подпорожских говорах Ленинградской области; *конь* в качестве условно-временного союза бытует также в плесецких и каргопольских говорах [СРГК, II: 417]. По семантике *конь* совпадает с союзом и наречием *коль*, зафиксированном в смежных говорах [Там же: 398]. Отметим лишь как факт трудно поддающееся объяснению фонетическое изменение конечного *-л'* → *-н'*.

В говоре Водлозерья отрицательная частица *конь* еще обнаруживает семантические связи с наречием *конь* \`как, насколько', \`очень'. В сочетаниях типа *конь близко* \`далеко', *конь красиво* \`некрасиво' первый компонент сохраняет значение высокой степени проявления признака, второй же — содержит смысл, противоположный понятийному содержанию нейтрального слова (*близко, красиво*), который обычно вкладывается при неодобрении, ср. разг. *хорош, хороший* \`очень сомнительных достоинств (с оттенком иронического неодобрения)' в литературном языке [БАС, XVII: 399]. Обычно все случаи употребления с *конь-* и *конь* имеют неодобрительный оттенок.

Постоянная препозиция наречия *конь* \`как, насколько' по отношению к слову, иронически обозначающему противоположный смысл в сравнении с его первичным значением, приводит к изменению семантики слова *конь*, и именно последнее приобретает функцию иронического отрицания, сохраняя при этом усилительное значение. В результате таких преобразований меняется лексико-грамматический разряд слова: наречие переходит в отрицательную частицу.

На следующем этапе происходит переосмысление начального *конь-*: оно воспринимается уже не как часть бывшего словосочетания *конь доро́дно*, а как приставка в слове *коньдоро́дно*.

Возможно, образованию самостоятельного слова *коньдоро́дный* способствовало и то, что в пудожских говорах слово *доро́дный* (как и слово *хороший* в литературном языке) имеет систему значений, отражающих положительные качества кого-, чего-л.: 'красивый, мужественный', 'взрослый', 'значительный по размеру, крупный', 'богатый', 'хороший, добротный' [СРГК, I: 489]. А если принять во внимание приведенные нами записи, то следует в целом видеть обобщенное значение у слова *доро́дный* — 'обладающий каким-л. положительным качеством': речь идет о корове, девочке, погоде, книге, одежде, качестве какой-л. работы, порядке в доме, расстоянии, объеме чего-л. и т. п.

Таким образом, возникновение относительно нового слова *коньдоро́дный* в водлозерском говоре сопровождается несколькими процессами: 1) замена конечного *-л'* звуком *-н'*, в чем можно видеть фонетическое «отталкивание» диалектного наречия *конь* от известного, семантически и грамматически адекватного *коль*; 2) употребление сочетания *конь доро́дный* как устойчивого, не допускающего разрыва и перестановки компонентов; 3) воздействие отрицательной коннотации, свойственной основному слову сочетания при неодобрении, на семантику первого компонента ('как, насколько', 'очень' → 'вовсе не', 'совсем не'); 4) изменение лексико-грамматического статуса первого элемента сочетания — переход наречия в частицу; 5) возникновение самостоятельного слова *коньдоро́дный* лексико-синтаксическим способом; 6) восприятие начального компонента *конь-* как префикса с отрицательным значением.

В целом следует отметить, что в данном случае происходит актуализация семантической антонимии основного слова в сочетании, вызывающая целую цепь последующих преобразований, которые приводят к перераспределению семантических компонентов внутри нового слова, перемещению семы отрицания с производящей основы (бывшего основного слова в сочетании) на новую приставку. Данный процесс в говоре касается в настоящее время единичного случая, отражающего наметившуюся тенденцию.

Аналогичный процесс прошел и в слове *коньцве́тный* 'слабый, болезненный' в соседних каргопольских говорах [СРГК, II: 417].

Составители СРГК выделили последнее в самостоятельную лексему, ориентируясь на отсутствие слова *цветный* в значении 'сильный, здоровый', которое можно предположить как потенциально заложенное, обусловленное, по всей вероятности, семантической структурой существительного *цвет*, глагола *цвести*, ср. слова и сочетания *здоровый цвет лица, цветущий вид, цветущий* — 'находящийся в расцвете сил, здоровья' [БАС, XVII: 578].

Возникновение новых слова типа *коньдоро́дный, коньцве́тный* связано с различными явлениями в области фонетики, семантики, синтаксиса, морфологии, действующими в совокупности, отражающими процессы разноуровневой диффузии.

Итак, предварительные наблюдения и анализ некоторых особенностей водлозерского говора свидетельствуют о генетической неоднородности говора, его связях в прошлом с новгородскими и ростово-суздальскими говорами; имеют место также факты языкового родства с юго-западными и западными говорами русского языка. Прибалтийско-финское влияние обнаруживается на фонетическом уровне, но особенно ярко проявляется лексическая интерференция, включая и ономастику. Для воссоздания историко-культурных процессов, проходивших в течение веков на территории Водлозерья со времени славянских поселений, необходимо, на наш взгляд, выполнить, по меньшей мере, три задачи: 1) систематизация фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора, что требует полной фиксации естественно звучащей речи диалектоносителей; 2) подготовка материалов для сравнительного диалектного словаря Водлозерья, включающего исторические данные; 3) создание водлозерского ономастикона.

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ КАРЕЛИИ

Вопросы регионального членения говоров Карелии и сопредельных областей неоднократно рассматривались в работах А. С. Герда. Исследователь стремится преимущественно определить те группы слов, которые, не совпадая по фонемному составу с лексикой соседних территорий, обнаруживают своеобразие того или иного региона. Плодотворной, на наш взгляд, является

методика анализа лексического состава говоров по локальным узлам, представленная также в работах А. С. Герда.

С выходом в свет первых томов «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» появилась возможность определить относительно полно не только лексические особенности, характеризующие говоры Карелии в сравнении с другими русскими диалектами, но и внутрирегиональные различия. Представляется важным не только и не столько выделить группы слов, не отмеченных в говорах других территорий, сколько определить слова, содержащие диалектные корневые морфемы, обнаруживаемые в говорах Карелии, на какой-либо ограниченной ее территории. Именно лексика с диалектными корнями дает основания для решения вопросов историко-лексикологического характера. В наши задачи входит выделение лексических регионализмов, содержащих не известные литературному русскому языку корни, а также попытка определить связи их с другими русскими говорами и славянскими языками.

I. По материалам СРГК особенно ярко выделяется заонежская зона, где отмечается только в первых двух томах около 1 500 слов, известных лишь в медвежьегорских говорах. Приведем примеры некоторых собственно лексических регионализмов этой зоны.

Баде́ть отмечено в медвежьегорских говорах в значении ʽрасти, зеленетьʼ с иллюстрацией: «Как этот сук не растет, не баде́ет, так чирей пусть не растет, не баде́ет» [СРГК, I: 28]. Междиалектным фонетическим вариантом можно считать *боде́ть* ʽсозревать, поспеватьʼ Лодейноп. [СРНГ, III: 55]. Ср. также пск. новорж. *бада́га* ʽрастениеʼ [ПОС, I: 90], новг. *бадя́га* ʽводное растение, лечебная траваʼ [НОС, I: 22]. С ними семантически сходно словен. *bôdati* ʽколотьʼ, ʽпрорастатьʼ, сюда же примыкает сербохорв. *bâdaљ* ʽтравянистое растение Carduusʼ, польск. *badyl, badel* ʽсухой стебельʼ, укр. *бадили́на* ʽстебель, трость, былинкаʼ, блр. *бадыльлё* ʽсухие стебли из соломыʼ [ЭССЯ, I: 121–123]. Следовательно, слова с корнем *бад-/bad-* отмечены широко в славянских языках, однако глагол с семантическим компонентом ʽпрорастатьʼ представлен, по имеющимся данным, в медвежьегорских, лодейнопольских говорах Северо-Запада, в словенском и сербохорватском языках.

Гаме́за 'грязнуля, неряха', *гаме́зить, гамзи́ть, га́мза̂ть* 'пачкать, грязнить' отмечено лишь в медвежьегорских говорах. По семантике близки следующие слова: *га́мза̂ть* 'неаккуратно, небрежно обращаться с чем-н., делать что-н.' в кемских говорах, *гама́зить* 'плохо работать' в медвежьегорских, 'изготовлять, мастерить что-н., не будучи специалистом в этом деле' в онежских, любытинских, чудовских, 'говорить что-н. неразборчиво' в бокситогорских, 'шуметь' в каргопольских говорах; ср. также *гамзи́ла* 'тот, кто плохо что-н. делает, неряха' [СРГК, I: 237].

Группа слов с этим корнем обнаруживает яркие связи с псковскими и тверскими говорами, где *га́мзить* и *гамзи́ть* 'делать неаккуратно; портить что-л.', 'долго, но безуспешно делать что-л.' [СРНГ, VI: 130]; в псковских говорах также *го́мза* и *гамза́* 'неаккуратная, нечистоплотная женщина-стряпуха', 'неповоротливый, неаккуратный человек [СРНГ, VI: 353]. В современных псковских говорах широко распространено слово *гамза́* в значениях с компонентом 'грязный', 'плохой', еще более широкую территорию охватывают однокорневые — *гамзе́ля, гамзи́ла, гамзи́ть, гамзу́ля, гамзу́ха,* объединенные этим же признаком [ПОС, VI: 135–136]. В новгородских говорах употребительны сочетания наречий *га́мезом, га́мозом, га́мызом* с глаголами *взять, сделать, смять* в значении 'разрушить, испортить', 'привести в беспорядок' [НОС, II: 6].

Данные слова связаны с общеславянскими **gъmъzati* (*sę*), **gъmъzěti* (*sę*), **gъmъziti* (*sę*) и т. п. (в которых ярко выделяется семантический компонент 'кишеть'), родственными с **gomonъ, *gomoniti, *gomota* [ЭССЯ, VII: 193–195].

Слово *зако́р* в медвежьегорских говорах бытует в значении 'маленький стог' [СРГК, II: 137], в сравнении с новгородскими, уторгошскими, где *зако́р* — 'возвышенное место', 'большой камень в реке' [НОС, III: 34]. Общий элемент в семантике — 'возвышение' — очевиден. Слово *зако́р* не имеет соответствующей глагольной производящей основы, хотя представляется безаффиксным по образованию. Есть основания считать, что этимологически оно связано с глаголом *корети* 'работать на кого-л., гнуть спину', отмеченном в Док. псков. восст. 1650 г. [СлРЯ XI–XVII вв., VII: 311], который, в свою очередь, соотносится с обще-

славянским **kъrkъ* 'шея', 'затылок' [ЭССЯ, XIII: 218], откуда русск. просторечное *закóрки* 'верхняя часть спины; заплечье' [БАС, IV: 558]. Видимо, медвежьегорское *закóр* 'маленький стог' мотивировано соотношением с 'небольшая куча', 'охапка', 'то, что можно унести за плечами'.

Дубровúца 'отвердевшая, покрытая низкой травой лужайка' является производным от *дубрóва* (*дубрáва*) 'лужайка, на которой скошена трава', а также 'нераспаханное поле'. Оба слова известны медвежьегорским говорам, лексема *дубрáва* 'трава' бытует несколько шире — в медвежьегорских, кондопожских, пудожских и лодейнопольских говорах [СРГК, II: 8–9; СРНГ, VIII: 240].

Близкими по семантике являются *дубрáва* 'лесной покос' в пермских, *дубрóва* 'то же' в пермских, вятских, свердловских, курских говорах, *дубрáвка* и *дубрóвка* 'лужайка, покрытая мелкой травой' в петрозаводских, *дубрóвка* 'поле' в псковских говорах [СРНГ, VIII: 240–241]. Ср. также в псковских говорах *дубрóвка* 'многолетнее травянистое растение, корень которого используется в народной медицине или как приправа, калган' [ПОС, X: 34].

Во всех славянских языках **dobrava*/**dobrova* имеет значение 'лес', 'дубовый лес'; значение же 'трава', 'покос' известно лишь северным русским говорам, ср. арх. *дубрóва* 'покос на сухом месте', *дýбрȍва* 'запущенный покос' [ЭССЯ, V: 93]. Очевидна семантическая связь заонежского слова *дубрóвица*, а также имеющего более широкий северный ареал слова *дубрóва*/*дубрáва* с псковскими говорами.

В медвежьегорских говорах зафиксирован глагол *задыгáть* 'возражать, говорить наперекор' [СРГК, II: 119], при отсутствии бесприставочного дыгать с той же семантикой. *Ды́гать* 'отказываться от намерения, данного слова; уклоняться, увиливать' известно пермским, зауральским, свердловским, курганским говорам, наряду с *ды́гать* 'терять устойчивость, колебаться, гнуться под тяжестью, под напором чего-л.' — в пермских, сибирских говорах и 'трусить, бояться, пугаться' — в вологодских, свердловских, зауральских, курганских, якутских говорах [СРНГ, VIII: 290]. Глаголом *задыгáть* говоры Заонежья, Урала, Сибири связаны с белорусским языком, где *ды́гаць* — 'приседать (делать реве-

ранс)', «если последнее не из польского», в польском же *dygac* — `кланяться, приседая' [ЭССЯ, V: 198]. О. Н. Трубачев приводит в качестве сравнения др.-в.-нем. *tuhhan*, нем. *tauchen*, англ. *duck* (герм. *\*duk-*) `нырять' [Там же: 199]. Следовательно, глагол *задыга́ть* связывает говоры Заонежья с белорусским и польским языками и отражает, возможно, древние локальные контакты русских говоров Севера и западнославянских языков с германскими.

Вы́дебнуть `вымерзнуть', известное медвежьегорским говорам [СРГК, I: 258], семантически связано с орловским *дебе́ть* `очень сильно зябнуть; мерзнуть' [СОГ, III: 49], калужским *дибе́ть* `мерзнуть, коченеть' [СРНГ, VIII: 47]. Глагол *дебе́ть, дибе́ть, дябе́ть* в русских говорах, преимущественно средне- и южнорусских, имеет довольно широкий семантический диапазон, охватывающий семы `медлительный', `длительный', `незаметный', `последний, крайний'. Ср. также в псковских, порховских говорах *дяба́ть* `ломать, портить' [ПОС, X: 99]. О. Н. Трубачев считает, что связь данных русских слов, образованных от основы *deb-*, с южнославянской лексикой несомненна, ср. в болг. *дебя* `подстерегать' [ЭССЯ, IV: 203].

В медвежьегорских говорах обнаруживается группа слов, сохраняющих в своем составе древний префикс *ко-*, являющийся в настоящий период мертвым. К ним относится *ко́лызень*, употребляющееся как экспрессивное `о чем-н. крупном' [СРГК, II: 408]. Родственными, по-видимому, являются *колы́знуть* `ударить' в петрозаводских и новгородских, `швырнуть, бросить' в пудожских говорах [СРНГ, XIV: 208; НОС, IV: 94]. В медвежьегорских, а также в псковских, тверских, северодвинских говорах отмечено бесприставочное *лы́знуть* `ударить' [СРНГ, XVII: 220]. В прионежских говорах употребляется слово *лы́за* `большой ком земли, глыба', наиболее близкое по семантике к *ко́лызень*.

К данной группе отнесем и слово *закоу́жина* `глубокое место, яма в реке, озере', *закотёмки* `темный, укромный уголок', известные медвежьегорским говорам [СРГК, II: 139]. Видимо, сюда же и *закото́мки* `о парочках влюбленных' (что, вероятно, является не первичным значением, а возникло по смежности, на основе признака обособленности, уединенности — `в укромном месте').

Говоры Заонежья характеризуются регионализмами, возникшими под влиянием соседних языков. К ним в анализируемой лексике относятся медвежьегорское *кébовать, кébосить* и кондопожское *кébывать* в значении 'хлопотать, хозяйничать'; последнее также 'беречь что-н., ухаживать за чем-н.' в медвежьегорских говорах [СРГК, II: 338]. По данным СРНГ, *кébовать* отмечено в кемских говорах в значении 'колдовать, предсказывать (о лопарских колдунах)', в кольских — 'болтать в пьяном виде'; *кébовать* 'лечить', *кебоваться* 'иметь дело, возиться с кем-л.' приводится с пометой «Олон.» [СРНГ, XIII: 172]. Слово заимствовано из саамского языка, где соответствующий глагол известен в значении 'приходить в экстаз', откуда *кебýн* саам. 'колдун' [Фасмер, II: 220].

Своеобразным, отмеченным только в медвежьегорских говорах, является подчинительный союз с временным значением *кéнжа* [СРГК, II: 339]. Возможно, здесь отразилась древняя мена гласных *е//о* при усвоении прибалтийско-финского слова, ср. карел. *konzu* 'когда, как только' [СКЯП: 152], вепс. *konz* 'когда' [СВЯ: 224]. Русский фонетический вариант мог возникнуть и путем отталкивания от известного русским говорам Карелии слова *кóнжа* в значении 'детеныш тюленя со второго месяца после рождения до конца мая', бытующего, правда, в кемских говорах [СРГК, II: 414]. В СРНГ *кéнжа* отсутствует.

К заонежским собственно лексическим диалектизмам с корневыми морфемами, не известными литературному языку, относится значительная группа слов: *аранúка* 'название ягоды и растения', собир. *аранúчник, áргать* 'мяукать', *áхвен* 'окунь', *базыкóвый* 'красивый, привлекательный' (ср. *базыкий* в том же значении в кирилловских говорах Вологодской области); *бáлайдать* 'говорить, болтать', *бáрында* 'кожное заболевание на руках, бородавка', *бáчкнуть* 'стукнуть, ударить' (ср. *бáчкать* 'кидать, бросать во что-н.' в подпорожских говорах, *бáчкнуться* 'лечь' в белозерских), *безутыишно* 'непрерывно, постоянно' (ср. *безутыишново* 'все время, постоянно', *безутыишный* 'нерадостный, невеселый' в пудожских), *бобýк* 'кто-н., напоминающий клубок, шарик', *болёма* 'очень высокий человек, верзила', *бóрдать* 'есть', *брóнка* и *брýнка* 'съедобная лесная ягода', *брóнье* 'колосья ржи', *брýхнуть* 'упасть, удариться, производя шум' и 'внезапно потечь, хлынуть (о сле-

зах)', *бýгайдать* `петь', *бýда* `физически сильный, крепкий человек', *бýрбушка* `березовая почка', *бы́снуться* `быстро двигаясь, натолкнуться на что-н.', *валáйдать* `журчать (о ручье)', *вéйга* `время дня, наиболее удачное для лова рыбы', *вок* `сильный крик, вопль', *ворýздить* `грести, работать веслами', *вóрук* `рыба', *врýжах, врýже* `в силе, с хорошим здоровьем', *врýжный* `сильный, здоровый', *выжи́ца* `палка, скрепляющая ручки у сохи', *вы́хлущить* `попарить', *вы́хробать* `поспешно скосить', *гáрда* `растение камыш озерный', *гáржа, гáрша, гаржи́на* `то же, что гарда', *глýздить* `скользить', *горжля́га* `вид озерной травы', *гря́бать* `тянуть', *гугá* `болотное растение с длинными гладкими листьями семейства рогозовых', *гýза, гýзало* `участник игры, отказавшийся выполнять ее правила, водить', *гýзать* `нарушать правила игры, выходя из нее', *есогýлить* `бранить, ругать', *жáбнуть* `укусить, ужалить', *жерéвье* `хворост, валежник', *жóлозда* `желчь', *жупáть* `самовольничать', *жýхаться* `проживать', *загову́ла* `бревно с изгибом', *залáза* `желчный пузырь', *замéзжить* `образоваться, появиться (о льде)', *зачвáрить* `запачкать', *зачи́лайдать* `зажурчать (о воде)', *казóкать, казы́каться* `упрямиться, ломаться, отказываться', *казýкаться* `звать, аукать', *кáйба* `обрыв', *калагá* `поплавок' и `ячейка рыболовной сети', *кóржанье* `убой', *корзак* `сапог (изношенный)', *кóркаль* `застывшая, имеющая неровные края грязь', *кóрсный* `холостой, неженатый' и некоторые другие.

II. Остановимся на лексике, характерной для пудожских говоров. Сюда относится слово *грéбовать* `брезговать'. В отмеченном значении *грéбовать* бытует в тверских, великолукских, брянских, смоленских, калужских, тульских, рязанских, московских, орловских, курских, тамбовских, воронежских, многих сибирских говорах; в том же значении в архангельских говорах употребляется *грёбовать*; в укр. *гребати, гребувати*, блр. *гребоваць* [СРНГ, VII: 125–126]. М. Фасмер, дополняя чеш. *hřebati* `бранить', связывает данный глагол с известным всем славянским языкам *грести* `рыть, копать' [Фасмер, I: 454], восходящим к **grebti*, развивающим значения `скрести, копать' → `ощущать заботу, беспокойство, отвращение' [ЭССЯ, VII: 401].

Пудожское *гурмовáть* `шуметь, веселиться', видимо, имеет генетическую связь с курским *гýрма* `толпа людей; ватага', укр.

гурма́ 'гурьба, толпа; стая, свора', блр. *гурма́* 'гурьба' [СРНГ, VII: 239]. «Обычно объясняют как заимств. через польск. *hurm* м., *hurmą* ж. 'стадо', др.-польск. *hurm* 'множество' (часто в XVII в.) из ср.-в.-нем. *hurm* (*gehurme*) 'вражеское нападение'» [Фасмер, I: 476].

Двори́ть в пудожских говорах отмечено в сочетании *поясо́к двори́ть* 'перебирать при молитве' с иллюстрацией: «*Поясок сложат вдвое и перебирают узелки, поясо́к дворя́ да моляцца*» [СРГК, I: 431]. Семантически *двори́ть* не обнаруживает связи с общеизвестным словом *двор*. В псковских говорах *двори́ть* 'работать по найму на чьей-н. усадьбе', 'принимать гостей' [ПОС, VIII: 156] имеет производящую основу *двор*, как и известное вологодским, тихвинским, северодвинским говорам *двори́ть* 'быть, приходиться к месту, оказываться подходящим к каким-л. условиям, требованиям и т. п.' [СРНГ, VII: 298]. В приведенной иллюстрации *поясо́к* обозначает четки, а глагол *двори́ть* связан прежде всего с понятием передвижения частей замкнутой линии, ограждающей определенное пространство — своего рода «двор»; следовательно, здесь *двори́ть* — создавать это пространство, увеличивая его. Глагол *двори́ть* 'перебирать при молитве' сохраняет память о внутренней форме славянского слова — возможно, **dvoriti* (от которого произведено *двор*), близкого по семантике к лит. *dverti* 'простираться, расходиться в стороны' [ЭССЯ, V: 170].

Гру́дка 'лежанка' в пудожских говорах [СРГК, I: 401] представляет собой омоним к *гру́дка* 'небольшая кучка', ср. *гру́да* 'костер', *гру́да* 'укладка снопов', известные в других говорах Карелии и сопредельных районов. В некоторой степени к пудожскому *гру́дка* 'лежанка' (т. е. 'небольшой выступ печи, на котором можно лежать') приближается псковское *гру́дка* 'печь из камня, без трубы' [ПОС, VIII: 47]. В СРНГ *гру́дка* в данном значении не приводится.

Дяжи́нина 'молодой парень' известно пудожским говорам: «*Дяжи́ниня же они были, один лучше другого*» [СРГК, II: 19]. Приведенная иллюстрация свидетельствует как о положительных физических качествах — силе, росте, здоровье, выносливости, так и об общей положительной оценке человека. Данное слово расширяет географию рефлексов общеславянского **dęga/*dęgъ*: наряду со словен. *dég̨a* 'ремень, стягивающий ярмо, супонь', слвцк.

d'ah `дорога, путь, направление', укр. диал. *d'аг* `полоса лыка', блр. *дзяга* `ремень', в ЭССЯ приводится др.-русск., русск.-цслав. *дѧгъ* `ремень', русск. диал. зап., сев.-зап. *дя́га* `кожаный пояс, ремень', пск. *дя́га* `сила, рост', *дяг* `рост'. О. Н. Трубачев, говоря об этимологическом родстве данных слов с балтийскими и германскими, указывает на связь значений `тянуть' и `двигаться, идти; путь' [ЭССЯ, V: 24].

Компоненты `рост', `сила', `здоровье' обнаруживают себя в новгородском *дя́гнуть* `расти', `поправляться, полнеть' [НОС, II: 114], псковских *дяг* и *дя́га* `рост, сила; здоровье', *дя́глый* `высокий (о росте)', `длинный, сильный' [ПОС, X: 99–100]. Псковское *дя́глый* имеет также значения `решительный, находчивый', `стоящий, хороший, отвечающий каким-л. требованиям', что говорит о развитии значений в сторону общей положительной оценки качеств характера, поведения человека. Видимо, комплекс положительных качеств — физических и нравственных — отражен и в пудожском *дяжи́нина* `молодой парень'. В скрытом виде сохраняется синкретизм значения. Существенным является и факт наличия однокорневых слов с противоположной семантикой в псковских и орловских говорах: *дя́гленький* `худой' [ПОС, X: 99], *дя́гнуть* `терять силы, здоровье; чахнуть' [СОГ, III: 98]. Следовательно, пудожское *дяжи́нина* семантически сближается с новгородскими и псковскими однокорневыми словами.

В пудожских говорах известно слово *закалды́га* `беспутный, опустившийся человек' [СРГК, II: 127], очень близкое к ярославскому *закалды́га* `повеса', `забулдыга' [СРНГ, X: 114]. Ср. *колды́га* `хромой человек', *колдыга́ть* `хромать' в смоленских говорах [СРНГ, XIV: 119]. Родственными являются *колдыба́ться* `терять устойчивость, раскачиваться' в терских говорах Мурманской области [СРГК, II: 397], *колдыбну́ть* `выпить (вина, водки)' с пометой «обл.» [СРНГ, XIV: 119]. Допустимо видеть развитие значений в словах с корнем *колд-*: `неровность, яма, рытвина' → `неуверенное движение при физическом недуге' → `отклонение от норм поведения'. Первое ярко выражено в словах, известных южнорусским говорам: *колды́бина, колдыба́нь, колдыба́ха* и пр. Слово *закалды́га* `беспутный, опустившийся человек' непосредственно связывает пудожские и ярославские говоры.

Пудожские говоры отличаются от других русских говоров Карелии лексемами, содержащими диалектный корень, такими как *бýчень* 'овод, шмель', известном в том же значении архангельским и якутским говорам [СРНГ, III: 329], *бýчок* 'овод'; *вирýшка* 'рассказ, небылица' (ср. в соседних каргопольских говорах *вирушка* 'частушка' от «врать» — 'говорить или петь что-л. пустячное' — замеч. Зеленина [СРНГ, IV: 293]); *вы́жировать* 'выгнать', образованное от широко известного в русских говорах Карелии и сопредельных районов соседних областей *жировáть* 'жить, существовать', 'питаться, кормиться' и т. п.; *глюди́ть* 'скользить', ср. *глюдь* 'гололедица' в вытегорских говорах [СРНГ, VI: 225]; *гря́жать* 'протирать, пропускать (о зерне)', ср. омоним *гряжáть* 'погружаться во что-н. топкое, вязкое; вязнуть' в медвежьегорских говорах; *дёкнуться* 'исчезнуть, подеваться куда-то', ср. в вельских говорах *декнýться* 'скрыться, укрыться' [СРНГ, VII: 336]; *жáковый* 'о ценной древесине', *загрудéть* 'стать твердым, огрубеть', *загýривать* 'затягивать тучами', *задобáться* 'удаться, посчастливиться' и некоторые другие.

III. Из лексики, характерной для говоров северной части Карелии, обратим внимание на кемское *бáндить* 'быть мягким, хорошо поднявшимся (о пропеченном хлебе)' [СРГК, I: 37]. Несомненно, одного корня с ним и слова *бáндарша* 'полная женщина' в онежских говорах, *бандóра* 'головка (лука)' в прионежских, *бандóра* 'любовница' в киришских [Там же]. Ср. *бандóра* 'неповоротливая женщина' в петрозаводских и заонежских, *бандýра* 'толстая и неуклюжая женщина высокого роста' в вологодских говорах [СРНГ, II: 93]. Слово *банды* и его варианты *бандэ*, *бонда* в белорусском языке обозначают булочку из пшеничной муки, обычно круглую, печеный хлеб; в польском *bonda* — 'буханочка хлеба' [СБСЯ: 9]. Ю. А. Лаучюте относит слово *бонда* к балтизмам, известным четырем и более славянским языкам. Оно заимствовано из литовского *bandà*, имеющего среди других и значение 'буханка, каравай хлеба' [Там же], ср. также лит. *bandà*, *bandẽlė* 'булка, хлебец' [ЛРС: 94]. В кемских говорах на базе данного слова по русской модели образовался глагол *бáндить* 'быть мягким, хорошо поднявшимся (о пропеченном хлебе)', сохра-

няющий память о контактах предков-носителей русских говоров Карелии с балтами.

Кемским говорам известно слово *верéг* 'нескошенная полоса травы' [СРГК, I: 173], не отмеченное в словарях. Вероятно, оно относится к этимологической группе с корнем **vьrg-//*verg-* и отражает второе полногласие. В слове *верéг* достаточно устойчиво проявляется и семантическая связь с лексемами, входящими в славянский лексико-семантический комплекс с корнем **ver-//*vor-*: ср., напр., болг. *ѝвер, ѝвор* 'полоска, лента', русск. сарат. *ивор* 'кусок, часть, осколок, чего-либо' [ЭССЯ, VIII: 250], петрозав. *ѝверенье* 'лоскутья' [СРНГ, XII: 58], петрозав. *вéрги* 'зарубки, метки на деревьях' [СРНГ, IV: 125].

К данной группе слов может быть отнесено и слово *верезéйка* 'дверца в заборе, калитка', известное только беломорским говорам [СРГК, I: 174]. В СРНГ и других словарях оно не отмечено. Восходит к **vьrz-* ← **vьrg-* и отражает, как и *верéг*, второе полногласие.

Зафиксированное только в беломорских говорах *áлажма* 'печь, устанавливаемая на лодке' [СРГК, I: 18] имеет ограниченный ареал. В поморских архангельских говорах известны однокорневые *алáжна, алáжка, алáжъ* 'покрытое толстым слоем песка или глины место на носу лодки (судна), на котором разводят огонь для варки пищи', возникшие как результат взаимодействия с карельским языком: карельск. *alaus, alusta* 'подкладка, подсыпка' [СРНГ, I: 229].

Субстратный элемент содержит также слово *вáнделица* 'отелившаяся олениха', *вáндель* 'олениха-трехлетка' в кемских говорах [СРГК, I: 160]. Возможно, в корне слова проявляется фонетическое освоение карельск. *vuoni* 'ягненок' [СКЯМ: 442], финск. *vüona* 'ягненок' [ФРС: 756]. Однако в кемских же говорах известно и *вóнделица* 'самка оленя на втором году жизни' [СРГК, I: 226], что дает основания считать *вáнделица* и *вóнделица* фонетическими и семантическими вариантами. В соседних кадалакшских, как и в кемских, говорах известны также *вóнделка* и *вóнделька* в том же значении, что и *вóнделица*; их география расширяется за счет медвежьегорских и чагодощенских говоров [СРГК, I: 226]. В СРНГ *вóнделка* (*вондéлка* и *вондѝлка*) 'оленья самка в возрасте до

одного года' и т. п., бытующее в архангельских и кольских говорах, характеризуется как заимствование из саам. печенегск. *vuonal* со ссылкой на Фасмера [СРНГ, V: 91]. Видимо, к этой же группе относится и *вóндрец* 'двухгодовалый теленок' в кемских говорах [СРГК, I: 226].

Своеобразие лексической системы русских говоров северной части Карелии и сопредельных территорий (Терский берег Мурманской обл., Архангельская обл.) создается также и за счет следующих слов, содержащих особый корень и отсутствующих в других русских говорах Карелии: *вог* 'мера веса, пуд (?)' в лоухских говорах, *гýса* 'забор из кольев, частокол', *вы́орымок* 'парень, ухаживающий за девушками', *бострáк* 'теплая верхняя одежда', *кежня́* 'о толстом, неповоротливом человеке', *кáлма* и *кóлма* 'вода поверх льда', *капáч* 'кисть руки', *закрóтик* 'щель, паз' в беломорских; *бажули́на, бажýльник* 'сгнившее бревно', *варя́ж* 'неопрятный человек', *кóдать* 'понимать', *кóнжа* 'детеныш тюленя со второго месяца после рождения до конца мая', *кобáрка* 'рука, кисть' (ср. *кóбра* 'рука' в подпорожских говорах), известные кемским говорам.

Проведенные подсчеты показали, что «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» содержит значительный слой своеобразной лексики, отличающей говоры Заонежья, Пудожья и Беломорья.

Медвежьегорские говоры обнаруживают четкие лексические связи с псковскими, тверскими, новгородскими говорами (*гамéза*), псковскими и тверскими (*кóлызень*), только с псковскими (*закóр, дуброви́ца*), с южнорусскими диалектами (*вы́дебнуть*), с южнославянскими языками (*бадéть*). Пудожские говоры лексически объединяются с тверскими, псковскими, брянскими, смоленскими и другими южнорусскими говорами (*грéбовать*), ярославскими (*закалды́га*), только с псковскими (*грýдка*). Русские говоры Беломорья, имея в своем составе рефлексы древних славянских корней типа **vьrg-*, характеризуются наличием субстратной лексики карельского и саамского происхождения (*áлажма, вáнделица*). Субстратная лексика имеет место и в других микрозонах (медв. *кéбовать, кéнжа*).

Следы балтийского влияния отражены в таких словах, как кем. *бáндить*, пуд. *двóрить*. Древние германские элементы, проникшие через польский и белорусский языки, обнаруживаются в медв. *задыгáть*, пуд. *гурмовáть, дяжúнина*. Бóльшая часть русских по происхождению слов восходит к праславянскому.

Анализ лексики с собственно лексическими диалектными морфемами по микрозонам внутри Карелии в целом подтверждает высказанные А. С. Гердом основные положения о путях формирования лексического состава русских говоров Карелии.

АРХАИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ

Словарь русских говоров Карелии и другие лексикографические труды содержат значительное количество слов, объединенных этимологически родственными приставками *ко-, ка-, ку-, ша-, ше-, ши-, шо-, шу-, ш-, ча-, че-, чи-, чо-, чу-* и имеющих нечто общее в семантике. Часто словам с этими мертвыми приставками соответствуют и бесприставочные образования. Имеются в виду, напр., такие слова, как *зобёнка* 'корзина, лукошко' в архангельских, олонецких, вологодских, новгородских, ярославских, костромских, владимирских, вятских, среднеуральских, пермских говорах, *козобёнка* 'плетеная корзинка' в олонецких [СРНГ, XI: 322; XIV: 71]; *верéнька* 'плетеная корзинка' в нижегородских, костромских, владимирских, ярославских, вологодских, тверских, пензенских, орловских, тамбовских [СРНГ, IV: 130], *шеверéнька* 'плетеная полукруглая корзина, в которой носят корм скоту' во владимирских [Даль, IV: 626], ср. также наименования корзин на территории бывшей Владимиро-Суздальской Руси: *верéйка, верéнечка, веренóшка, верóжка, коверýшка, поверýшка, шеверня, шеверёнка, шеверéнька, шеверýшка, шеверóшка* [Мельниченко, 1974]; *кобурúть* 'о действии вина, разбирать, забирать' в череповецких [СРНГ, XIV: 16], *кобурнýть* 'перевернуть, опрокинуть' в рязанских [Там же], *чибýрка* 'небольшой сосуд в виде стакана с ручкой, кружка' в чудовских, *чебурнýться* 'перевернуться, упасть' в говорах Карелии, *шеборнýть* 'выпить что-н. спиртное' в кирилловских, *чебýрить* 'моросить, о дожде' в плесецких говорах [КСРГК].

Вопрос о наличии в структуре современных слов мертвых приставок неоднократно привлекал внимание языковедов [Вар-

бот, 1973, 1980; Вахрос, 1959; Герценберг, 1972; Куркина, 1972; Никончук, 1979; Петлева, 1974; Шанский, 1972]. Помимо указанных выше М. Москов включает в систему префиксов также *ска-, ско-, шка-, шко-*. «Эта система — очень старинное явление. Она была характерна для праславянского языка, и ее можно доказать и в других индоевропейских языках» [Москов, 1962: 149]. Б. Я. Шарифуллин отмечает «возможность экстраполяции реконструированных праславянских префиксальных моделей на протоиндоевропейский уровень», свидетельствующую о том, что префиксация была характерна «для всех периодов индоевропейской общности» [Шарифуллин, 1979: 113]. Он подчеркивает, что «префиксы экспрессивны, с довольно выраженным негативным оттенком» [Там же: 115].

М. Москов [1962: 151], вслед за ним Н. И. Андреева-Васина [1985] выделяют несколько семантических групп приставочных образований, объединителем которых выступает идея движения по кругу, «с извивами, кривыми линиями», «звучания голоса, издаваемого человеком или животным с переливом, понижением и усилением голоса», идея искривления, сгибания, иначе говоря, отклонения от прямой линии (от «нормы»), некоторой нечеткости, небрежности в проявлении признака, действия. А это привело, в свою очередь, к возникновению экспрессивно-оценочных оттенков в словах с указанными архаическими приставками. Учитывая древний характер префиксальных образований, лексемы с производящей основой тем более следует, на наш взгляд, относить к архаическим.

Сделаем попытку определить географию слов с исследуемыми приставками и покажем необходимость учета соотносительных однокорневых образований для этимологических изысканий.

В лексико-семантическом комплексе с корнем **vьr-, *ver-* и его вариантами со значением 'сплетенное, свитое, свернутое', куда входят слова, обозначающие движение по кругу то в одну, то в другую сторону, а также вторичные семантические образования 'говорить пустое, болтать', 'делать что-л. небрежно', 'вести себя плохо', выделим некоторые слова с корнем *-верд-*. Псковское *ковердень* 'орудие, с помощью которого плетут лапти' в пустош-

кинских/псковских [КПОС], севернорусское, олонецкое *кувердать* 'шатать' [СРНГ, XV, 389] имеют ближайшие по семантике родственные слова в южнославянских языках: с.-хорв. *врндати* 'прясть на большом веретене', диал. 'прясть грубо, толсто', 'двигаться туда-сюда, слоняться'; болг. диал. *въpдам* 'отбегать в сторону', словен. *vordati* 'шарить (напр., переворачивать одежду в сундуке)', с.-хорв. *вр̏дати* 'двигаться, меняя направление', 'уклоняться', 'быть нестойким', 'увиливать, лукавить, изворачиваться' [Петлева, 1983: 27–28]. Сюда же И. П. Петлева относит *заковр̏ндать се* 'перепутаться, запутаться (о волосах)'. Она обращает внимание не только на аналогию тематического гласного *-а-* русского глагола *кувердать* 'шатать' и с.-хорв. *заковр̏ндать се*, но и на наличие префикса *ку-* как варианта *ко-*. Ср. данные русских говоров Карелии: *ша́вердать* 'говорить невнятно, небрежно' в медвежьегорских, кемских, 'суетиться по хозяйству' в прионежских, вариант *ша́вертать* 'говорить невнятно' в медвежьегорских, *шеве́рда́ть* 'то же' в кемских, пудожских, *шеверду́нья* 'та, которая говорит много и попусту' в медвежьегорских; ср. также *шавардёнок* 'озорник' в кирилловских говорах [КСРГК]. Лексико-семантические соответствия находим в сербохорватском языке: *шевр̏дати* 'увиливать, уклоняться от работы' чакав., *шевр̏дало* 'ненадежный человек' шток. [Куркина, 1982: 184], *швр̏ндати* 'перебирать и искать что-л. в доме' [Петлева, 1983: 28]. Как видим, псковские и заонежские (по преимуществу) материалы расширяют наши представления о семантических связях и географии слов с *ко-, ку-, ша-, ше-* и корнем *-верд-*, свидетельствуют о древнейших контактах предков южных славян и севернорусского населения. В пределах восточнославянской территории обратим особое внимание на наличие родственной лексики на Псковщине и в Заонежье и прилегающих к нему районах.

Отдельные группы слов с приставками и без них обнаруживают довольно четкую географическую соотнесенность. *Мря* 'непроницаемый туман, во время которого идущий хлопьями снег покрывает землю' в екатеринославских, *мря́ка* 'густой осенний туман, сопровождемый мелким моросящим дождем', *мря́чить* 'моросить' в кубанских говорах [СРНГ, XVIII: 327], *ча́мра́, чёмра́* 'мелкий дождь, иногда со снегом' в кемских, онежских, терских,

терских, *чамри́ть, чёмри́ть* 'моросить' в кемских, беломорских говорах [КСРГК]. *Чамра́, чемра́* 'мелкий дождь на море, мокрый снег в тумане' кольск. (Подв.). М. Фасмер относит к неясным, приводит для сравнения *шамра́, чамра́* 'порыв ветра, зыбь на воде, поднимаемая ветром' касп., *шамри́ть* 'шуметь, причинять головокружение' череповецк., считая его темным словом [Фасмер, IV: 313, 403]. О. Н. Трубачев реконструирует **čamъra/*čamъrva,* добавляя к приведенным выше слвц. *čamъrva, čemrva* 'мелочь, мелюзга (о детях и мелких детенышах', *čamur* 'грязнуля, неряха', др.-русск., русск.-цслав. *чамъри,* и видит здесь «сложение экспрессивной местоименной приставки *ča-* и основы **mъrva, *mъrviti*» [ЭССЯ, IV: 16]. *Лобови́на* 'выпуклое, округлое место; выпуклая шарообразная часть чего-л.' в псковских, осташковских/тверских говорах [СРНГ, XVII: 96], *ко́лоб* 'небольшое вздутие, опухоль' в холмогорских/архангельских, 'о грыже' в свердловских [СРНГ, XIV: 141], *ко́лоб* 'шар, скатанный из теста' и т. п., множество образований с этим корнем и близкой семантикой преимущественно в говорах Севера [СРНГ, XVII: 140–146].

Этимологические словари не дают окончательных решений: «Надежные сопоставления отсутствуют, но вряд ли это слово является заимствованным» [Фасмер, II: 292], «допустимы поиски других возможностей» [ЭССЯ, X: 121]. *Шолобо́вина* 'что-л. выпуклое, круглое, выступающее на ровной поверхности, о бородавке' в киришских [КСРГК], *шолобо́вка* 'больное место на теле от укуса комаров' в молвотицких/новгородских говорах [КНОС]. Вероятно, эти слова имеют общий корень *лоб-*. *Лы́га* 'лживый человек' в обоянских, курских, *лыга́н* 'лгун' в воронежских, *лыгну́ть* 'уйти, удрать; прыгнуть' в белгородских, курских, 'ударить чем-н.' в обоянских, курских, 'увильнуть от дела' в донских говорах [СРНГ, XVII: 218]. *Колы́га* и *калы́га* 'крутой изгиб (санных полозьев, ободов, обручей и т. п.)' в вологодских [СРНГ, XIV: 206], *калыга́н* и *колыга́н* 'плут, мошенник', 'торговец лошадьми' в ярославских, тверских [СРНГ, XIII: 6], *колыга́нить* 'торговать лошадьми' в ярославских, *колыга́нка* 'корзинка, обмазанная навозом и облитая водой, приспособленная для катания с гор' в олонецких [СРНГ, XIV: 207], *колы́житься* 'управляться, делать что-л. по хозяйству' в любытинских/новгородских [НОС, IV: 94]; возможно,

сюда же *калгáнить* ‵болтать попусту, судачить, шуметь′ в рязанских, *калгáниться* ‵капризничать, упрямиться, ломаться′ в среднеуральских, *калгá* ‵грубо вытесанная из дерева миска′ в тверских, рязанских, тамбовских, *калгáн* ‵глупец, дурак′ в куйбышевских, среднеуральских [СРНГ, XII: 341–342]; *шалы́га* ‵пустой, непутевый человек, бездельник′ в прионежских, пудожских [КСРГК], *шалы́га* ‵шатающийся без дела′ в петрозаводских, лодейнопольских [Куликовский, 135]; *шалы́га* ‵моток бересты′ в маревских, ‵глупая, непонятливая женщина′ в старорусских, ‵капустная кила′ в молвотицких, ‵киластая капуста′ в поддорских, *шелыгá* ‵ребятишки′ в старорусских [КНОС; НОС, XII: 88]. В русских говорах широко распространено *шалыгáн* ‵бездельник′, *шалыгáнить* ‵бездельничать′ [БАС, XVII: 1252–1253]; *шалы́га, ша(е)лу́га* ‵округлая верхушка чего-л.′, *шалы́га головы, шалы́га горы, шалы́га свода; шалы́га в озере, в болоте* ‵подводная кочка′; ‵подводная мель, бугор на дне′ астрах., ‵посох с загнутым к руке концом′ влд., ‵большой мяч, или деревянный шар′ пск., ‵плеть, кнут, погонялка′ кстр., вят., *шалы́жный, шалы́гнуть, шалыгáть* ‵охлестывать, хлебать′ кстр., влгд., ‵трезвонить в колокола′ кстр., вят., ‵стегать, хлестать′, *шалыгáн* ‵поп′ [Даль, IV: 619]. Думается, вполне допустимо включить в эту группу слова *шалгáч* арх., *шалгу́н, шелгу́н* нвг., пск., тмб. ‵котомка, мешок для хлеба и припасов в пути′ [Даль, IV: 629], *шалгáч* ‵связанный концами платок, кусок ткани, в который сложено что-л.′ в каргопольских, пудожских, онежских говорах [КСРГК]. В таком случае встает вопрос о правомерности возведения *шалгу́н* к карел. и фин. источнику [Фасмер, IV: 398].

Исследуемая нами территория русского Севера относится к тем архаическим зонам, которые «оказываются также зонами, где немало заимствований и локальных инноваций. Это, как правило (кроме Полесья и западной Болгарии), зоны славянско-неславянской языковой интерференции» [Толстой, 1977: 56]. Неслучайно в нашем материале довольно много слов, сходных с прибалтийско-финскими. Вопрос о заимствовании может положительно решаться с учетом не только прямых соответствий, но и всего словообразовательного, семантического и лексического комплекса в контактирующих языках.

Здесь мы представим преимущественно данные русских говоров, которые в какой-то степени могут быть полезны при уточнении этимологии ряда слов. *Бáндать* 'мешкать, медлить', *бáндаться* 'возиться, мешкать, делать что-л. медленно' в опочецких/псковских, 'возиться с каким-л. делом, проводить время за разговорами' в новоржевских, опочецких, порховских/псковских, осташковских/тверских [СРНГ, II: 93; ПОС, I: 106], *бáндать* 'проводить время в пустых разговорах, бездельничать' в брянских [СБГ, I: 28]; *кóбандать* и *кóбондать* 'мешкать, копаться' в заонежских, 'делать что-л. тихо, тихо ходить' в петрозаводских, 'чесаться, царапать, скрести себя, где свербит' в олонецких; *кóбандать* 'топать' в вытегорских [СРНГ, XIII: 354–355]; *кýбандать, кýбондать* 'скрести, чесать голову' в петрозаводских, архангельских говорах [СРНГ, XV: 376]. Ср. данные картотеки СРГК: *шáбандать* 'ходить, передвигась медленно, с трудом' в подпорожских, вытегорских, 'производить легкий шум' в вытегорских, 'говорить' в пудожских, 'делать что-л. медленно' в подпорожских, *шáбандаться* 'скрестись, шуршать' в пудожских, *шóбандать* 'делать что-л. не торопясь' в белозерских, *шубáндать* 'мурлыкать' в вытегорских, *чúбандать* 'моросить, о дожде' в подпорожских говорах. Добавим сюда же *бáнданье* 'задержка, промедление в чем-л.' в опочецких/псковских и *бáнды бить* 'бездельничать, болтать, пустословить от безделья' в псковских, осташковских/тверских говорах [СРНГ, II: 92–93].

К данной группе слов примыкают близкие по семантике образования с *байд-*: *бáйдать* 'бездельничать, тратить время, бить баклуши' в обоянских, курских, орловских [СРНГ, II: 54], *кóбáйдать* 'скрести, чесать что-л.' петрозаводских, повенецких, пудожских и *кубайдать* 'чесаться' в онежских, кемских, архангельских, *кобáйдаться* 'чесаться' в олонецких, *кобайдýнья* 'о ленивой лошади, которая любит стоять и чесаться' в петрозаводских [СРНГ, XIII: 354], *кýбайдать* 'скрести себя, чесаться' в кемских, архангельских, олонецких, вологодских говорах [СРНГ, XV: 376]; *шáбайдать (ся)* 'шептаться' в холмогорских, шенкурских (Подвысоцкий: 190), *шáбайдать* и *шáбандать* 'тихо говорить, делать что-л., ворчать, производить тихий шум, шелест, напр., перебирая какие-л. вещи; искать, копаться в чем-л., тихо ходить' в

заонежских, свирских, вытегорских, медвежьегорских [Куликовский: 135], *шабáйдать* 'лечить заговариванием, колдовством' в кемских [КСРГК]; *шобáйдать* 'шептать, шелестеть, шуршать' в медвежьегорских, пудожских, *шóбайдаться* 'говорить тихо, едва слышно' в пудожских; *чýбайдать* 'петь, о птицах' в медвежьегорских говорах [КСРГК].

Обычно этимологи возводят слова с *ко-, ку-, ша-* с корнем *байд-, банд-* к прибалтийско-финскому источнику: *кýбайдать, кóбайдать, кýбандать* «из **kubaja-*; ср. фин. *kupauttoa*, вепс. *kubaideitab*, фин. *kupajaa* — 3 л. ед. ч. 'зудит' [Фасмер, II: 394]; *кóбандать* из вепс. *kubaidab*, 3 л. ед. ч. 'медленно работает' [Фасмер, II: 266]; добавим карельск. *kobahuttua* 'трогать, касаться', *kobaittua* 'скрести, производить легкий стук' [СКЯ: 303]; *шáбайдать, шáбандать* — «вепс. *šäbäitä* 'производить шум, греметь, рычать', фин. *sopista* 'производить небольшой шум, бормотать'» [Фасмер, IV: 390]. Однако сравним современные данные вепсского языка: *kobaita, kubaita* и другие фонетические варианты, известные на территории Бабаевского р-на Вологодской обл., Подпорожского, Тихвинского и Бокситогорского р-нов Ленинградской обл., употребляются в значениях: 'шевелиться, двигаться, копошиться', 'пениться', 'бранить, журить', 'быть в состоянии течки, о животных', 'мерцать, мигать, о звездах' [СВЯ: 212]; *šabaita, šobaita* отмечены в значениях 'шуршать, скрестись', 'копошиться, возиться с чем-л.', 'трепетать' в Бабаевском, Вытегорском р-нах Вологодской обл., Бокситогорском р-не Ленинградской, Прионежском р-не Карельской АССР [СВЯ: 541]. Невозможно не заметить семантическую близость между словами с *ko-, ku-, ša-, šo-*. Невольно напрашивается мысль о родстве этих слов, но, как известно, «в финно-угорском языке-основе префиксальный и инфиксальный способы словообразования не были представлены» [Основы, 1974: 330]. Отсутствие префиксальных образований в вепсском и финском языках, семантическая близость с русскими приставочными и бесприставочными глаголами, относительно легкая разложимость русских диалектных слов на морфемы, сравнительно широкая распространенность слов без приставок дает основания предполагать заимствование слов типа *кóбайдать, шáбайдать* (*-ндать*) из русского языка в вепсский и финский. Нельзя не учи-

тывать и данные литовского языка: *banda* 'стадо', *bandyti* 'пробовать, испытывать, делать опыт' [КЛРС: 27]. В любом случае приведенные сведения ставят под сомнение существующую этимологию, требуются дополнительные аргументы.

Приведем еще один пример с архаичными приставками, свидетельствующий о древних славяно-прибалтийско-финских связях. *Шáдра* 'оспины, следы на коже от оспы' в медвежьегорских, кемских, *шадрá* 'неровная, шероховатая поверхность чего-л.' в кемских, *шадрúнá* (*-инка*) 'след от оспы' в белозерских, вашкинских, каргопольских, кирилловских, подпорожских, прионежских, пудожских, *шадринка* 'разновидность узора, рисунка' в бабаевских [КСРГК], широко известное русским говорам *шадрúвый, шадровáтый, шадровúтый* 'рябой' [БАС, XVII: 1239], *шадровúтый* 'неровный, шероховатый, негладкий' в кирилловских, кондопожских, лодейнопольских, медвежьегорских, плесецких, прионежских, сегежских, *шадрýн* 'тот, у кого лицо покрыто оспинами' в вашкинских, *шадрýнья* 'оспа' в каргоплськиx говорах [КСРГК]. Ср. *шедирáвый, шедирявый* 'негладкий, шероховатый, шершавый' в медвежьегорских [КСРГК]; *кóдря* 'половик, дорожка, вытканная вручную из разноцветных лоскутков' в ставропольских [СРНГ, XIV: 46]; польск. диал. *kodra* 'тряпка', укр. диал. *кóдря* 'грубая ткань из волокна или шерсти', *кóдра* 'грубое домотканое полотно', в последнем О. Н. Трубачев видит «сложение приставки **ko-* и основы глагола **dьrati*» [ЭССЯ, X: 107]. Вероятно, по той же модели — сложением приставки **ša-* и основы глагола **dьrati* — образовалось и *шáдра*, хотя обычно возводится к тат. *šadra* 'рябой' [Фасмер, IV: 394]. В вепсском языке *šadr* 'оспина', *šadrakaz* 'рябой', *šadroviti* 'то же' [СВЯ: 541]. Последнее, с суффиксом *-овит-*, особенно выдает русский источник заимствования. Калима считает *šadra* заимствованием из русского языка [Kalima, 1910: 136].

Приведенные данные могут быть продолжены аналогичным материалом с мертвыми на современном этапе префиксами и разнообразными корнями: *вéрзень — кóверзень — шáверзень, верáть — кóверить — шавёровать, лотыхáть —колтыхáть — шалтыхáть, брать — кóбра, кóбрить — шáбрать, шабрёнка, хóботье — шýхоба, шýхоботь, ворыхнýть — чеворы́хнуть, лы́ндать — шалы́ндать, лáнки —*

шúланки, лóбандать – калáбандать и др. Каждое гнездо однокорневых слов требует тщательного сопоставительного анализа, дополнения из других языков.

Сделанные нами наблюдения относительно географии и этимологии ряда слов являютя предварительными. Представляется важным вывод о несовпадении географии бесприставочных и приставочных образований: первые занимают преимущественно территорию южных и среднерусских говоров, вторые – северных и северо-западных, а также южнославянских языков. Однако абсолютно точно это положение в каждом конкретном случае не выдерживается.

Исследуемая группа слов, восходящая к архаическому пласту, может сыграть существенную роль в уточнении этимологии многих слов. При этом необходим поиск и учет хотя бы двух исходно однокорневых лексем из возможных трех: 1) без приставки, 2) с приставкой *ка-, ко-* или *ку-*, 3) с приставкой *ша-, ше-, ши-, шо-, щу-, ча-, че-* или *чу-*. Несомненна важность данных материалов и для более точных выводов о характере контактов славянского и неславянского населения в древнейшую эпоху.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
(названия руки)

Лексика русских говоров Карелии и соседних прибалтийско-финских/финно-угорских языков ярко свидетельствует об их контактах в древнейшую эпоху. Примером такого взаимодействия могут служить названия руки в говорах Севера и Северо-Запада. Выделим славянские по происхождению слова, обозначающие руку. К ним относится *какýля, какýлья* 'рука' в медвежьегорских говорах, ср. *кóкуль* 'палец' в пудожских говорах [СРГК, II: 316]. О. Н. Трубачев относит к родственным н.-луж. *kokula* 'дуга, ярмо, воловье', 'скоба', в.-луж. *kokula* 'изгиб, крюк' и считает, что **kokul´a* образовано с помощью суффикса **-ul´a* и входит в группу родственных образований с общим семантическим компонентом 'скручивание, сгибание' [ЭССЯ, X: 118]. Родственным является экспрессивное, переносное *кокóра* 'о руке' в подпорожских и лодейнопольских говорах [СРГК, II: 391]. В тихвинских говорах бытует слово *карáбали* 'неловкие, неумелые руки' [СРГК, II: 328], по

образованию связанное с глаголом *кара́бать* 'грубо, неумело что-л. перебирать, трогать', известным тихвинским говорам [НОС, IV: 20] и входящим в этимологическое гнездо с основой **(s)krbh-* 'крутить, скрючивать, скручивать, съеживать' [ЭССЯ, XI: 54]. Видимо, в эту же группу входит и слово *кукорю́га* 'что-н. искривленное, скрюченное' в онежских говорах; приведенная иллюстрация содержит характеристику руки: «*Кокорю́га рука была после ранения, вся скрюченная*» [СРГК, III: 25]. Семантически близко слово *колгу́-ша* 'искалеченная рука или нога' в вытегорских говорах [СРГК, II: 397]. На наш взгляд, в этом слове можно выделить этимологический корень *-лг-* (← *-лъг-*), вариант которого проявляется в таких лексемах, как *колы́га* 'крутой изгиб (санных полозьев, ободов, обручей и т. п.)' в вологодских [СРНГ, XIV: 206] и *шалы́га* 'посох с загнутым к руке концом' во владимирских говорах [Даль, IV: 619].

Довольно интересны названия левой руки, например, *шулёпа* в терских говорах [КСРГК], *пакку́ла, паки́ша* в киришских, *па́кколка* в киришских и чудовских говорах [СРГК, IV: 373]. Кисть руки называется *капа́ч* в беломорских говорах [СРГК, II: 32]. Со значением 'рука' зафиксированы также слова: *мозо́лки* 'руки как орудие труда' в каргопольских говорах [СРГК, II: 245], *ка́мзы* 'руки' в кирилловских говорах [СРГК, II: 324], *па́тлы* 'руки' в медвежьегорских говорах, ср. *па́тлы* 'кудри, вихры' в псковских и смоленских говорах, 'космы, пряди волос' в южных и западных говорах [СРНГ, XXV: 273]. В говорах Заонежья Г. Куликовским было зафиксировано слово *храпы́* 'руки от плеча до локтя'. Л. В. Савельева видит в противопоставлении значения слова *храп* как всей руки другим ее частям отражение далекого дославянского прошлого [Савельева, 1974].

В говорах имеется группа слов, бытующих в русских говорах, объединенных общим корнем *-бр-, -бер-, -бир-, -бор-* и имеющих древние, ныне мертвые префиксы *ко-, ша-* и их варианты. Все члены лексико-семантического комплекса представляют собой звенья семантической цепи, входя, на наш взгляд, в единое этимологическое гнездо. Лексико-семантические соответствия имеют место в прибалтийско-финских и некоторых финно-угорских языках. Ср.: *кобра* 'горсть, пригоршня' в архангельских, северных, олонецких [СРНГ, XIV: 16], медвежьегорских [СРГК, II: 381], *ко́бра*

`рука' в подпорожских [Там же]; *ша́брить* `небрежно касаться, трогать что-л.' в вытегорских [КСРГК]; *ки́бры* `руки, кисти руки' в петрозаводских говорах [СРНГ, XIII: 195]; вепс. *kobrastada, kobroita* `лапать, хватать руками' [СВЯ, 212], *šabrotada* `шарить' [СВЯ: 541]; фин. *kourata* `щупать, ощупывать; хвататься', *kouristaa* `жать, сжимать' [ФРС: 267]; коми-зыр. диал. *кабравны, габравны, чабравны* `сжимать в кулаке, стискивать, комкать', *кабыр, капыр, чабыр, шамыр* `кулак, хватка в кулак' [ССКЗД: 144]. Данную группу слов можно продолжить, например, польским *szaber* `расхищение покинутого имущества; грабеж покинутых домов (квартир)', *szabrovac* `расхищать покинутое имущество; грабить покинутые дома (квартиры)' [ПРС: 606–607].

Этимологи, как правило, относят русское диалектное *ко́бра* к заимствованиям из прибалтийско-финских языков [Фасмер, II: 268; Kalima: 120]. ЭССЯ данного слова не приводит. Б. Я. Шарифуллин включает *кобьра* `пригоршня' в группу славянских образований с древнейшим экспрессивным префиксом *ко-* [Шарифуллин, 1979: 120]. Собранные воедино материалы русских говоров и прибалтийско-финских языков, кажется, дают подтверждение последней точке зрения.

Все слова рассматриваемой ЛСГ объединяются двумя семантическими признаками: 1) `рука, ее движение с целью взять, собрать что-л. разъединенное'; 2) `искривление, сгибание, свертывание, отклонение от прямой линии' (за счет последнего часто создается отрицательная экспрессия).

К приведенным выше *ко́бра, ки́бры, ша́брить* добавим слова, изветные русским говорам: *ка́бра* `кисть руки; лапа животного' в олонецких говорах [СРНГ, XII: 286], *ко́бра* `о больших грязных руках' в говорах Заонежья [СРНГ, XIV: 16], `приспособление для сбора ягод' в лодейнопольских [СРГК, II: 381]; *ко́барка* `горсть, пригоршня' в архангельских [СРНГ, XIII: 355], *ко́брица, ко́брушка* `горсточка' в вологодских, ярославских, северных говорах [СРНГ, XIV: 16]; ср. *ко́брить* `прятать в укромном месте', *ко́бриться* `проводить свободное время дома, быть домоседом' в псковских, осташковских/тверских [СРНГ, XIV: 16]; *ку́брить* `упаковывать, закрывать' в волховских, приильменских, томских; `накрывать, укутывать' в куйбышевских, `закупоривать' в терских, брянских,

в орловских, тульских, *ку́борка* 'упаковка для рыбы, сделанная из кожи или рогожи' в томских, *ку́бриться* 'сжиматься, съеживаться, свертываться в клубок' в псковских, осташковских/тверских, 'кутаться' в куйбышевских [СРНГ, XV: 384].

Идея свертывания выражена ярче в таких словах, как *ко́бра* 'мотушка пряжи из льна' в пестовских/новгородских [КНОС] и в ряде образований со значением 'берестяной поплавок у рыболовных сетей': *ке́брик* в архангельских, мурманских, *ке́бришка, кебрю́шка* в архангельских, кемских, беломорских, *киборка* в онежских, медвежьегорских, *ки́бра* в пудожских и медвежьегорских [СРГК, II: 343], *ки́бры* в повенецких, в пудожских, *ки́брюшка* и *ки́бряшка* в беломорских, архангельских говорах [СРНГ, XIII: 172, 194, 195]; а также *кя́бра* в вытегорских, петрозаводских, *ка́брушка* и *кя́брушка* в олонецких, в медвежьегорских, кемских, архангельских [СРНГ, XVI: 209]; *ка́брушка, кабрю́чка, кабрю́шка* в медвежьегорских и кондопожских говорах [СРГК, II: 307–308]. Развиваются переносные значения, связанные с поведением человека и его внешним видом: *ки́бра* 'о капризном человеке' в повенецких, пудожских, *ки́бритаться* 'капризничать', *ки́бринка* 'морщинка', *ки́бриндья* 'морщины' в медвежьегорских [СРНГ, XIII: 195], *ки́брить* 'морщить (лицо)' в пудожских, *ки́бриться* 'конфузиться' в медвежьегорских, 'капризничать' в пудожских говорах [СРГК, II: 343], *ку́бра* 'шалун, проказник' в крестецких/новгородских [СРНГ, XV: 384], пестовских говорах [НОС, IV: 168].

В образованиях с начальным *ша-* (*ше-, шо-, шу-*) преобладают глаголы: *ша́брать* 'небрежно касаться чего-н., щупая со всех сторон' в пудожских, медвежьегорских, подпорожских, 'искать ощупью, шарить' в кемских, медвежьегорских, кондопожских, прионежских, пудожских, вытегорских, подпорожских, 'ходить бесцельно, бродить' в медвежьегорских, 'начинать учиться ходить, о детях' в пудожских; *ша́браться* 'ходить, двигаться медленно, с трудом', 'медленно делать что-н.' в чудовских, 'возиться с чем-н.'; *шабрану́ть* 'внимательно осмотреть, разыскивая что-н.', *шаброну́ть* 'сделать скользящее движение, касаясь чего-н.' в подпорожских; *ша́борить* 'искать' в белозерских, *шо́бритать* 'искать' в подпорожских, *шо́брать* 'возясь с чем-н., шуметь, стучать' в медвежьегорских; *ша́бриться* 'шевелиться, колыхаться, производя

легкий шум' в плесецких; *шубу́рить* 'искать, выкапывая (о картофеле)' в прионежских; *шабрыну́ть* 'пощупать' в пудожских [КСРГК]; *ша́брать* 'ползать где-л., беспокоить' в чудовских [НОС, XII: 72]. Из существительных отмечены *шабро́ня* 'грязнуля' в пудожских, *шабру́нья* 'та, которая отличается медлительностью в работе, в движениях' в прионежских [КСРГК], *шабрёнка* 'сетчатая сумка для продуктов' в солецких [КНОС].

В финском языке от *koura* 'рука', 'горсть', 'лапа' образованы глаголы со значением 'щупать, хватать (ся), жать, сжимать (ся)': *kourata, kouria, kouristaa, kouristalla, kouristua* и др. [ФРС: 267; SKES, II: 226].

Значительный интерес в сопоставительном плане, на наш взгляд, представляет и группа семантически близких слов, начинающихся с *ki-, kä-, ku-* и выражающих идею искривления: *kiperä* 'кривой, крючковатый, изогнутый', *kippura* 'крючковатый, скрюченный' [ФРС: 232], *kupera, kupura* 'выпуклый' [ФРС: 279]; *kiperyys* 'кривизна, крючковатость, изогнутость' [Там же: 232]. Особенно много глаголов: *kipertää* 'скрючивать', *kipristyä* 'свертываться/свернуться' [ФРС: 232], *käpertyä* 'свертываться, закручиваться, коробиться, съеживаться', *käpristellä* 'за-, по-, подкручивать', 'корежить', 'поеживаться' [ФРС: 292], *kupristaa* 'выгибать, делать выпуклым' [ФРС: 279]. Ср. также: *käprü* 'поплавок, свернутый из бересты' [Фасмер, II: 220], *kipru* 'поплавок' [Там же: 228].

В карельском языке имеется, помимо *kobra* 'горсть, рука', также *kobrista* 'сжать, сжимать', люд. *kobrištada* 'то же' [SKES: 226]; в ливвиковском диалекте карельского языка *kobralliine* 'горсть (полная) чего-н.', *kobru* 'горсть', 'рука, пальцы, когти', *kobrištella* 'сжать пальцы в кулак', *kobrištua* 'зажимать в кулак' [СКЯ: 147], *kabrastua* 'убирать' 'прибирать, наводить порядок', 'прятать' [СКЯ: 115], *šaberoittua* 'шарить' [СКЯ: 359]; *käbrü* 'поплавок, свернутый из бересты' [Фасмер, II: 220].

В словаре вепсского языка содержатся подобные лексемы: *kobr* 'горсть, пригоршня', 'ручища, лапа' в бабаевских, прионежских, *kobrastada* в подпорожских, *kobrda* в прионежских, *kobroita* в бабаевских — 'лапать, хватать руками' [СВЯ: 212], *šabrotada* 'шарить' [СВЯ: 541]; *kobrastada* в подпорожских, *kabrata* в бокситогорских, *kaburta* в бабаевских, прионежских, *kabarta* в подпорожских, выте-

горских — 'завернуть, обхватить чем-н.', 'обнять', 'зажать что-л. в руке; взять в охапку', *kabritāzę* в бокситогорских — 'скрестись, рыться', *kabuŕiš* в подпорожских — 'в обнимку, обнявшись' [СВЯ: 162–163]. Возможно, сюда же *kabard* в подпорожских — 'подол балахона при посеве ручным способом' [«при посеве полы балахона захватывали пальцами, и у сеяльщика получался «захват вроде мешка», в этот «захват» вмещался пуд овса» — СВЯ: 161]; ср. также *kibrik* 'поплавок' [Фасмер, II: 228].

Аналогичные лексико-семантические связи наблюдаются в коми-зырянских диалектах. Наряду с *кабыр, чабыр, кабравны, чабравны* и др. (см. выше), сюда входят такие слова, как *кабыртны, кабиртнi, капыртны, габыртны, чабыртны, чабиртнi, дзабыртны, дзабиртнi, шамыртны, шамиртнi* — 'сжать, стиснуть в кулак'; *шебравны, шебралны, шебральнi, шеброонi* — 'укрывать, укрыть, прикрывать, прикрыть (одеялом, покрывалом, шубой)', *шебрас, шеброд* — 'одеяло, покрывало'; *шебыртны, шебрасьны* — 'укрыть, накрыть, покрыть' [ССКЗД: 144], *чабарук* 'воронкообразный берестяной черпачок для питья' [Там же: 409].

Как видим, во всех представленных здесь языках набор лексем характеризуется наличием одинаковых семантических компонентов: 'рука', 'кисть руки с согнутыми пальцами', 'горсть, т. е. количество чего-л., умещающееся в руке', 'движение рукой, ощупыванье, хватанье'. Далее развиваются значения на основе двух сем: 1) 'сжиманье', 'скрючиванье' — на их базе возникли и оценочные значения; 2) 'движение туда-сюда по касательной', сюда же и 'поиск', 'воровство'. На основе внешнего сходства с кистью руки, у которой соединены кончики пальцев, вероятно, возникли значения 'воронкообразный берестяной сосуд', 'свернутый кусок бересты' (*ко́бра, ку́бра, ке́брик, кя́бря* и образования от них). Значение 'укрытие, прятанье, прикрыванье' также, видимо, развивается на базе семы 'свертыванье, сжатие'.

Сходство семантики членов ЛСГ с начальными *k-, š-* вряд ли является случайным. Все приведенные слова объединяются корнем **bьr-* (в финском языке *br-* → *ur-* перед согласным, предшествующим гласному [Бубрих, 1948: 143–144]) и его фонетическими вариантами. Славянский инфинитив **bьrati* «представляет собой

вторичную, местную вокализацию первонач. нулевой ступени **brati* ← и.-е. **bhr-*», как считает О. Н. Трубачёв [ЭССЯ, III: 163].

Выделим особо межъязыковые лексические соответствия с одинаковой семантикой: 1) 'рука, горсть, пригоршня, кулак' — русск. сев. *ко́бра, ки́бры*, фин. *koura*, вепс. *kobr*, карел. *kobra*, коми-зыр. *кабыр, капыр, чабыр, шамыр*; 2) 'свертывать, скручивать, сжимать, -ся' — *ку́бриться* в псковских, осташковских/тверских, фин. *kipertää, kipristyä, kapertyä, käpristellä*, карел. *kobrištella, kobrištua*, вепс. *kabrastada, kabrata, kaburta, kabarta*, коми-зыр. *кабыртны, капыртны, габыртны, чабыртны, чабиртнi, дзабиртнi, шамыртны*; 3) 'берестяной поплавок' — русск. *ке́брик, ке́бришка, кебрю́шка, ки́борка, ки́бра, кибрю́шка, кибря́шка, кя́бра, кя́брушка, ка́брушка, кабрю́чка, кабрю́шка*; фин. *käprü, kipru*; карел. *kabru*; вепс. *ḱibŕik*; 4) 'морщить' — русск. *ки́брить*, фин. *kipristää, kipristellä*; 'жмурить, щурить (глаза)' — фин. *kipristää, sipristää*; 5) 'брать, хватать, касаться, трогать, шарить' — русск. *ша́брать, шаброну́ть*, вепс. *kobrastada, kobroita, šabrotada*, фин. *kourata*, карел. *kabrastua, šaberoittua*.

Среди указанных лексико-семантических соответствий обращает на себя внимание факт наличия разных согласных в начале слова в сочетании с гласными *-а-, -о-* (чаще всего), а также с *-i-, -ä-, -е-*: *ка-, ке-, ки-, кя-, ша-, ча-, ki-, ka-, si-, ko-, kä-, ša-*; в корнях имеют место беглые гласные и чередование гласных: *-бр-, -br-, -pr-, -per-, -bur-, -bar-, -быр-, -пыр-, -бир-*.

Чередование согласных в начале слова требует объяснения. Известно, что в финно-угорских и прибалтийско-финских языках чередование согласных характерно для не-первого слога [Грамматика, 1958: 36–42]. Согласный **k* финно-угорского языка-основы в финском языке остался без изменений, а в коми языке на месте **k* появился *g*, наряду с *k* [ОФУЯ, 1974: 119]. «В финском языке ф.-у. **s-* перешел в *h-*, а твердый **s-* и мягкий **s'-* слились в одном звуке *s-*, т. е. мягкий *s'* отвердел» [Там же: 122]. Среди звуковых изменений, прошедших в отдельных прибалтийско-финских языках, выделяется переход *k* → *č* перед гласными переднего ряда типа *čäsi* 'рука', *čivi* 'камень' в водском языке, ср. фин. *käsi, kivi* [ОФУЯ, 1975: 46]. Это явление напоминает переход общеславянских заднеязычных согласных в шипящие перед гласными переднего ряда общеиндоевропейской эпохи, ср. литов. *keturi*, ст.-слав. *четыре*, др.-прус. *kirsnan*

'черный', ст.-слав. *чрънъ*, русск. *черный*. «В начале исторической эпохи дело сводится уже лишь к чередованиям» [Мейе: 73]. Если в остальных прибалтийско-финских языках и коми языке слова не могли быть связаны чередованием **k//*š//*č*, как, напр., в славянских (*пеку – печешь*), то в описываемой лексической группе, представленной в финно-угорских языках, можно усматривать иноязычное влияние, а именно славянское.

Известно, что в славянских языках сохранились древнейшие, унаследованные от индоевропейской эпохи, мертвые префиксы *ко-, ка-, че-, ча-, ше-, ша-* и т. п. [Москов, 1962; Шарифуллин, 1979]. Этимологические исследования последних лет свидетельствуют о довольно хорошей сохранности слов с этими префиксами в южнославянских и восточнославянских языках [Петлева, 1974; Куркина, 1972; Варбот, 1980]. В группах слов типа *веренька – коверка – шеверенька – шеверушка* 'корзинка' выделяются приставки *ко-, ша-, ше-*, в первой из которых не произошло фонетических изменений, а в случае *ше-, ша-* М. Москов видит вариант приставки *че-* и *ча-*, возникшей как результат первой палатализации [Москов, 1962: 149].

Думается, что в анализируемом нами лексико-семантическом комплексе имели место именно эти явления, приведшие к возникновению *ше-, ша-* на славянской почве и своего рода «чередованию» приставок *ко-//ша-* и т. п.: *кóбрить – шáбрать* и т. п. Слово *кóбра*, вероятно, относится к древнейшим безаффиксным образованиям, подобно русскому *кодолба* 'рытвина' (← **kodьlba)*, возникшему путем сложения приставки **ko-* и основы глагола **dьlbati*, или польскому *kodra* 'тряпка, обрывок', полесск. *кодра* 'грубое домотканое полотно' из **ko-* + основа глагола **dьrati* [ЭССЯ, Х: 107].

В связи с отсутствием префиксального способа словообразования в финно-угорских/прибалтийско-финских языках есть основания считать, что такие пары слов, как вепс. *kobrata – šabrotada*, карел. *kabrastua, šaberoittua*, фин. *kipristaa – sipristaa*, коми *кабравны – чабравны* содержат префиксы индоевропейского/славянского происхождения. А следовательно, и все рассмотренные слова, объединенные общим корнем и семантикой, могут иметь данные приставки.

Труднее объяснить возможность выделения начальных префиксов **ki-, *kä-, *ke-* в словах *кúбра, кéбрик, кя́бра* и т. п. Возможно, при

взаимодействии индоевропейских/славянских и финно-угорских/прибалтийско-финских языков на фонетическом уровне здесь проявилась устойчивость прибалтийско-финских фонетических сочетаний такого типа вообще и сильное их воздействие на усваиваемые иноязычные слова. Соответствие *kipristaa* – *sipristaa* в финском, возможно, отражает более древнее **ki-*, которое на славянской почве могло перейти в *či-*, *ši-*.

Приведенные материалы подвергают сомнению некоторые существующие этимологии, в частности слово *ко́бра* [Фасмер, II: 220]. Совпадение фонемного состава, семантики, частично структурных элементов представленного лексико-семантического комплекса, охватывающего славянские и финно-угорские/ прибалтийско-финские языки, ярко свидетельствует о длительном сосуществовании носителей этих языков на значительной по охвату территории Восточной Европы в отдаленный доисторический период.

СЛОВО В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

ГОРЛАНЫ И ЯБЕДНИКИ
(должностные лица)

О том, кто жил несколько веков назад на территории нынешней Карелии, как назывались люди, исполнявшие те или иные обязанности, занимающие определенное место в общем социальном устройстве, характеризующиеся какими-л. чертами характера, отношением к установленному порядку и т. п., мы узнаем из памятников письменности, относящихся к территории Карелии, особенно XVI–XVII вв., разнообразных по содержанию. Обратим внимание на документ, в котором отражен немаловажный факт в жизни сельской общины — выбор старосты сельским сходом в Остречинском погосте Ладвенской волости в 1677 г.:

> *Излюбили есми и выбрали к себи в старосты того же Остречинского погоста Ладвенской волости государева крестьянина Карпу Савельева — не вора, и не бражника, и не горлана, и не ябедника, и не миропродавца, душею пряма, животом пожиточна...* [ИК, 1972: 51].

Избранный староста должен был исполнять целый ряд государевых дел:

> *...и к государевым посланником ходити, и всякие государевы денежные доходы и хлебные запасы по указу великого государя на нас, мирских людей, збирать и на ослышниках править* [Там же].

В документе указано имя старосты — *Карпа Савельев/Карпа*, а также имя церковного дьячка, писавшего «выбор» «*по мирских людей веленью*», — *Никитка Никитин сын Далнего.*

Всего лишь полстраницы текста рассказывают нам об административно-социальном устройстве на территории Карелии в XVII в., о людях этого времени. Здесь *великий государь* и *мирские люди, государевы посланники* и *государев крестьянин-староста*. Среди мирских людей могут быть *ослышники/ослушники*, т. е. те, кто не платит подати. Но бóльшую часть составляют *мирские люди.*

Наряду со значением 'миряне, светские люди', сочетание *мирские люди* в XVII в. имело и значение 'члены сельской, посадской или церковной общины' [СлРЯ XI–XVII вв., IX: 177], ср. *миръ* 'община (крестьянская, посадская, городская, церковная)' [Там же: 165].

Как считает В. В. Колесов, притяжательные прилагательные типа *мировой, мирской*, выражавшие принадлежность к миру 'общине, коллективу людей', возникли позднее, чем миры [Колесов, 1986: 228]. «Деревенский мир как некая совокупность дружеских родов, живущих в мире, — всего лишь переносное значение слова и является собственно древнерусским; исторически, очень постепенно оно как бы наложилось на более древние обозначения сельской территориальной общины в связи с утратой прежних родственных связей между ее членами», — пишет В. В. Колесов [Там же].

В анализируемом нами тексте речь идет о сельской общине, где живут мирские люди. Слово *мир* вытеснило термин *вервь* после XII в., но сохранило старый смысл, понятный всем. В. В. Колесов с полным основанием рассматривает слово *мир* в ряду других обозначений родовой патриархальной общины — *гой* (родственное слову *жизнь*), *вервь, мир, община*, выделяя внутренний образ этих слов, объединяющий их в одну семантическую цепь: 'жизнь рода' → 'своя граница' → 'мирное сожительство в ее пределах' → 'общность земли' [Там же: 229]*.

В. В. Колесов, анализируя семантические преобразования слова *люди*, приходит к выводу о том, что развитие социальных отношений приводит к накоплению свободных сочетаний типа *даточные люди, дворовые люди, городовые люди*; «Люди, некогда свободные члены рода, свои среди своих, под давлением обстоятельств постепенно распадаются на группы, для которых потребовались специальные обозначения» [Колесов, 1986: 144]. В Московской Руси, по данным В. В. Колесова, слово *люди* приобретает

* Заметим попутно, что слово *люди*, представляющее собой бывшую форму вин. пад. мн. ч. к *людь*, при имен. пад. мн. ч. *людие*, имеет родственников в балтийских и германских языках, ср. нем. *die Leute* 'люди'. Это слово индоевропейского характера связано с готским *liudan* 'расти' и первоначально значило 'нарождавшиеся, растущие'. Об этом см.: [Дегтярев, 1981: 85–86].

значение `зависимые слуги', а в Новгородской земле *люди* — все те, кто не входил в круг семьи, домашнего рода, своих. Это общий мир, то, что «на людях», прилюдно; все люди — подданные общей власти, вольного города Новгорода [Там же: 144–145]. Слово *народ* заключает представление о «роде» как этносе, а *люди* — о социальной группе. *Смерды, жильцы, крестьяне* — тоже народ, находящийся в определенных хозяйственно-экономических, социальных отношениях друг с другом [Колесов, 1986: 145].

Возвращаясь к тексту «выбора», отметим, что *мир* и *мирской* употребляются, сохраняя значение `общий', как и в других памятниках этого периода. Напр., в данной старосты Колодозерской волости 1689 г., где говорится об условиях пользования землей, между мирскими людьми и получившим вместе с другими «в сябры» лесовую запашку Титом Ивановым Поповым, встречаем слово *мир* `община' и сочетание *мирские люди*:

> *А будет он Тит выжнет тое ржи болши 4-х рублев против нашей с ним Титом договорки, ино за ту улишенную рошь нам мирским людем взять на нем Тите в мир денег по полтине за овин* [Мюллер: 312].

В челобитной крестьян д. Гошкилы Коткозерской волости 1691 г. выражается просьба указать Осипу Кузьмину и другим платить налог по количеству земли, а не по дымовому числу:

> *...а ямские денги и мирскую издершку, всякие мелкие росходы и поборы им Оске с товарыщи платить с нами сиротами в одном окладе по земли, как платят во всем Олонецком уезде, чтоб нам сиротам, платячи за них в лишке, и досталь розореным е быть* [Мюллер: 330–331].

Крестьянин Лычноостровской волости Григорий Степанов в 1688 г. просит отменить «ложный выбор»:

> *...по наученью нынешнего кижского кружечного двора голове Григорья Мартемьянова, меня бедного сироту Гришку без мирского выбору Великогубского конца крестьян Кижского конца старосты Иван Семенов да Костянтин Семенов Попов с невеликими людьми с советники своими и хлебояжцы в Кижском концы на меня бедного выбор дали ему голове Григорью, что быть мне бедному на кружечном дворе в сторожах* [Мюллер: 310].

В ответ на последнюю челобитную посылается «память»:

> *...будет он в тое службу выбран не по очереди и не со всего мирского совету, и вместо ево в тое службу велеть выбрать всем миром очередного, а его от того отставить* [Мюллер: 311].

Употребительны также сочетания *мирской расход, без мирского ведома* [Мюллер: 283–284].

В ответе на мирскую челобитную крестьян Оштинского погоста о размежевании земель говорится:

> *...а к межеванию взять старожилцов; а о чем у старожилцов в земли спор учинитца, дать образное хоженье с жеребья, итить с образом тому, кому миром поверят* [Мюллер: 182].

В приговоре Остречинского сельского схода 1677 г. речь идет о мирских людях — членах сельской общины. Память о мире как общине сохраняется в говорах Севера, например, в сочетании *мирская изба* 'изба, где проходят собрания, сходки' в архангельских говорах, *мирские кусочки* 'милостыня' — в онежских [СРНГ, XVIII: 174]. В фольклорных текстах Олонецкого края употребляется слово *мирянушка*, мн. 'миряне, соседи по деревне': «*Собиралися мирянушка На единое крылечушко*» [СРНГ, XVIII: 175]. Последнее ближе всего стоит к слову *мир* 'сельская община'. В современном русском литературном языке слово *мир* 'сельская община' и связанные с ним *мирянин, мирской* являются устаревшими [Ожегов, 1981: 312–313].

Итак, в XVII в. в Карелии, как и в России в целом, жили мирские люди, подчиненные старосте и другим должностным лицам. Слово *староста* 'старшина, староста' известно памятникам письменности с XI в., напр., в Новгородской I летописи за 6524 г. (1016 г.) читаем: «*И нача (Ярославъ) вое свое дѣлити: старостамъ по ї грвнъ, а смердомъ по грвнѣ*» [Срезневский, III-1: 495]. В переводе это означает: «*И начал (Ярослав) воинов своих наделять: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне*» (гривна — денежная единица). С к. XIII в. отмечено *староста* 'представитель местного выборного управления'. В грамоте двинской за 1294 г. читаем: «*Отъ великого князя отъ Ондрея к посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старос-*

тамъ» [Там же]. Современное слово *староста* устойчиво связано своим значением с первоначальным.

Среди людей, живших в Карелии в XVII в., были люди *бобыльские, воинские, волостные, воровские, городские, десятские, добрые, думные, зажиточные, земские, иманные, лихие, лучшие, меньшие, мирские, молодчие, начальные, непашенные, обыскные, пашенные, понятые, посадские, приезжие, приказные, прямые, сильные, сотские, средние, становые, сторонние, работные (людишки), торговые, тяглые, учильные*.

Именования обычно представляли собой сочетание прилагательного со словом *люди* и имели самую разную мотивацию. Среди них некоторые отражают особенности административно-территориального устройства. Ср. *волостные люди* и *волость* 'сельская территориально-административная единица, волость; население волости' с к. XV в.; ранее *волость* – 'область, находящаяся под одной верховной властью (княжество, удел и т. п.)' ← 'власть, господство' в XII в. [СлРЯ XI–XVII вв., III: 9]. *Десятский, десятник* 'лицо, в ведении которого находится десять человек или десять хозяйственных единиц' отмечены в ранних памятниках русской письменности – с X–XI вв., ср. *десяток, десятня* 'десять человек или хозяйств, находящихся в ведении десятника' [СлРЯ XI–XVII вв., IV: 234–235]. *Думные люди* – *думный* 'входящий в состав совета, княжеской или царской думы' – в памятниках Центра XVI–XVII вв., ср. *дума* 'совет из высших государственных чинов при князе, царе', *думать* 'совещаться, советоваться, вместе обсуждать что-н.' в Лавр. лет. 999 г.: «*Бѣ бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строе земленѣм и о ратѣхъ и (о) уставѣ земленѣм*» [Там же: 373]. В русском фольклоре Карелии употребляется сочетание *дума крепкая* 'совет, совещание': «*Ай он пошел ли тут ко князю Владимиру... А на совет пошел думы крепкие*». Пудож. «*Сбежал Саток купец богатый От тых купцов новгородскии, Сбежал из думы из крепкие*». Повен. [СРНГ, VIII: 255].

Определенный интерес представляют наименования лиц, которые могут быть причислены к нарушителям норм общежительства. Текст приведенного выше «выбора» 1677 г. указывает на неприятие сельской общиной воров, бражников, горланов, ябедников, миропродавцев.

Бражник 'тот, кто бражничает; пьяница' отмечено в памятниках письменности с XV в., как и слово *брага* 'брага', напр., в документах Хоз. Мор. за 1659 г.: «*И ты, дурак, пьяница, ненадобный бражник, все ходишь за брагою, а не за моим делом*» [СлРЯ XI–XVII вв., I: 313]. Слово *брага* 'жидкое пиво, полпиво из солода молотых зерен', известное со времен Афанасия Никитина и Домостроя русскому, а также украинскому и белорусскому языкам (в польском же языке оно считается заимствованным), не имеет окончательного этимологического решения. О. Н. Трубачев доказывает происхождение слова *брага* из тюркского, в чуваш. соответствующее слово имеет значение 'выжимки', первоначально 'жидкое пиво, брага' [Фасмер, I: 205].

К сожалению, памятники письменности не дают оснований для установления мотивации слова *горлан*, однако связь его со словом *горло* очевидна. Возможно, лексема *горло* имела какую-то особую семантику, отличную от современной. Ясно одно, что слово *горлан* в документах XVII в. употребляется с отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой.

В архангельских говорах *горла́н* – 'говорун', в говорах Среднего Урала – 'видный, представительный человек' [СРНГ, VII: 38], в русском просторечии – 'крикун' [БАС, III: 298]. Как видим, в современном русском языке, в разных сферах его использования, слово *горла́н* имеет совершенно разные значения. Если мотивация *горла́н* 'крикун', 'говорун' очевидна (ср. также *горла́нить* 'громко кричать'), то *горла́н* 'видный, представительный человек' остается неясной.

По данным исторических словарей можно судить, что *горлан* как должностное лицо исполнял определенные (= некие) обязанности так же, как и целовальник, и ябедник. *Цѣловальник* – 'тот, кто принял присягу, целование' ← «целовать крест» [Фасмер, IV: 297], 'присяжный человек' [Судебник, 1497 г. – по Срезневский, III-2: 1450]. С к. XV в. *целовальник* – лицо, имеющее право судить.

Слово *ябедник* в значении 'служитель, служебное должностное лицо' известно со времен свода законов Древней Руси «Русская Правда»: «*Аще боудеть Роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечник, аще изъгои боудеть любо Словенинъ, то* [40]

гривен положити» Р. Пр. Яр. [Срезневский, III-2: 1631]. Материалы Новгородских летописей, относящиеся к с. XV в., свидетельствуют о жестокости таких служителей, как ябедники. В 1445 г. «в Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть не толко сего единого году, но всю десять лѣтъ… и бысть *скорбь и туга* христьяномъ велми», многие умирали от голода, многие ушли из Новгорода в другие места. «И в то же время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и въсташа *ябетници, изнарядиша четы и обѣты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и волостемъ и по городу: и бѣахомъ в поруганье сусѣдомъ нашiмъ*, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости *изъѣжа велика и боры частыя* крицъ и рыдание и вопль и клятва всими людми на старѣишины наша и на градъ нашь: зане *не бѣ в нас милости и суда права*» [НЛ, 1888: 425]. Эта запись сделана в 1445 г., а на следующий год события подтверждали способствование таких чиновников, как ябедники, разорению и вообще делам неправедным: «Тогда бѣ весь градъ *в сѣтовании мнозѣ*, а голодники и *ябедники* и посулники *радовахуся*, толко бы на кого выговорил (Федоръ серебреникъ) и того самого смерти предаша, а животъ его въ церкци раздѣли (ша) и разграбиша» [Новг., IV л. — Срезневский, III-2: 1631]. В XVI в. слово *ябедник* употребляется уже в значении 'клеветник' [Там же]. Древнерусское *ябедникъ, ябетникъ* 'должностное лицо, судья' заимствовано из др.-сканд. *emb-/Etti, amb/-Etti* 'служба, должность' и является родственным готскому, др.-в.-нем. 'должность', «которые происходят из галльск. *ambactus* 'гонец'. Образование *ябетьникъ* соответствует др.-исл., где родственное слово имеет значение 'прислужник' [Фасмер, IV: 538]. Н. М. Шанский отмечает, что «значение *ябедник* — 'клеветник', *ябеда* — 'клевета' развилось в XVI в.» [КЭСРЯ: 522].

Судьба слов *целовальник* и *ябедник* в некоторой степени сходна. Забылись, ушли в прошлое значения, связанные с исполнением служебных обязанностей. *Целовальник* «на Руси в XV–XVII вв. — сборщик податей или лицо с судебно-полицейскими функциями (при вступлении на должность приносившее присягу целованием креста)» [БАС, XVII: 599]. «В дореформенной России при откупной системе продажи вина — *целовальник* — 'торговец («сиделец») в винной лавке; кабатчик' [Там же]. Слово *целовальник* ушло из употребления.

Ябедник в современном русском языке — ‛тот, кто занимается ябедами, доносчик, фискал’ — является разговорным, как и *ябеда* в этом же значении [БАС, XVII: 2016–2017]. Как устаревшее *ябедник* отмечается в БАС в значении ‛сутяга, крючкотвор’ [Там же]. Последнее значение в некоторой степени связано с древним.

Возвращаясь к слову *горлан*, подчеркнем еще раз, что употреблялось оно обычно в одном контексте со словами *целовальник* и *ябедник*. Содержание деловых документов XVII в. свидетельствует о нарушении должностными лицами закона, неисполнении обязанностей, о превышении полномочий, как выражаемся мы сейчас; часто они занимались «воровством», от которого «чинилось великое разоренье». Ср. примеры из СлРЯ XI–XVII вв.: «Да с тѣхъ же де середнихъ молотшихъ людей, збирая многие деньги, тѣ *горлны и ябедники делятъ по себѣ*, и въ томъ де ихъ *воровствѣ* Устюгу посаду и уѣзду *чинилось великое разоренье* и государеве казнѣ великая доимка», 1645 г.; «Да и того беречь, чтобъ... посадцкие земские старосты и *цѣловалники* и денежные сборщики, и мужики богатые и *горланы* мелкимъ людемъ обидъ и насилств и продажъ ни въ чем не чинили», 1664 г. (где *продажа* обозначает, видимо, ‛побор’). Тексты дают основания считать, что обязанности горлана, целовальника, ябедника были связаны с несением государевой службы на местах, на окраинах Русского государства, с наблюдением за порядком, со сбором налогов, с правосудием.

Мы уже знаем происхождение слов *целовальник* и *ябедник*. Возможно, и слово *горлан* первоначально было связано своим значением с принятием присяги, клятвы. Об этом, как нам кажется, может свидетельствовать текст, относящийся к н. XVI в., приводимый И. И. Срезневским в словарной статье *гърло = горло = гръло* без указания значения: «Тому господару... всякою *вѣрною послугою служили* и противу его непріятелей *руку свою подносили ажъ до горла своего*», 1505 г., документ связан со Смоленской землей [Срезневский, I-1: 616]. Ср. такие выражения, как *битися до горла* ‛биться насмерть’, *горло дати, горло тратити* ‛отдавать жизнь’ в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1566 г., *отъ горла* ‛от смерти, от смертной казни’, а также *карати горлом* ‛казнить (смертью)’, XVII в.

[СлРЯ XI–XVII вв., IV: 87]. Вполне возможно, что сочетание *руку подносити* обозначает 'принимать присягу', ср. у И. И. Срезневского *руку давати* 'давать над собою власть' [Срезн., III-1: 190]. Видимо, вторую часть текста 1505 г. следует понимать так: «против его неприятелей давали присягу сражаться до смерти своей». Данное предположение дает основания считать, что слово *горлан* не случайно входит в семантический ряд 'исполнение обязанностей, присяга' вместе со словами *целовальник* и *ябедник*.

ВОРЫ И ПРЕЛЕСТНИКИ
(нарушители порядка)

В XVII в. в памятниках письменности Карелии активно употребляется слово *вор*, известное в русском языке в значении 'мошенник, злодей, обманщик' с середины XVI в. [СлРЯ, XI–XVII вв. III: 28], и его производные. «Основным, преобладающим значением слова *вор* в н. XVII в. являлось значение 'смутьян', 'заводчик или орудие смуты' и далее 'бунтовщик'. Значение же 'грабитель', 'тот, кто крадет' и т. п. обычно выражалось в это время словом *тать*. С этим значением слово *вор* стало общенародным» [Черных, 1956: 195]. Активизация данного употребления связывается прежде всего с событиями крестьянской войны и польско-шведской интервенции. В период государственного «неустроения» появилось много воров, к которым относились восставшие крестьяне, разного рода политические противники, среди воров были Гришка Отрепьев, Марина Мнишек и Михаил Романов.

Дело о раскольниках Пудожского погоста, представленное в отписке олонецкого воеводы Леонтия Стрешнева в Новгородский приказ в 1693 г., — это самый большой документ, содержание которого позволяет выяснить значение слова *вор* и однокорневых в к. XVII в. в деловых документах Олонецкой приказной избы. Речь идет о раскольниках, которые не только выступали против церковных нововведений, но и сопротивлялись властям с оружием в руках, не подчиняясь их требованиям. Проповедники раскола «хорошо понимали, что в душах крестьян найдет отклик идеализация старины, потому что жизнь очень заметно ухудша-

лась... и использовали зреющее недовольство, озлобление против правительства и местных властей» [Чернякова, 1998: 237]. Восставшие против церковной реформы и ухудшающихся условий жизни принимали добровольную мученическую смерть от огня, сжигали себя заживо. В Карелии в XVII в. погибло в огне около 7 тысяч человек, включая более 800 в Пудожском погосте в декабре 1693 г. Слово *вор*, часто употребляемое в Деле о раскольниках Пудожского погоста 1693 г., имеет значение не только 'раскольник', но и 'бунтовщик', 'тот, кто нарушает официально установленный порядок':

> *...те воры про них учали стрелять и великую противность чинить... «и говорили де те воры, что де было их в том воровском пристанище 880 человек, а в начале де у них были ворвы: чернец... дьячек, староста* [Мюллер: 340];

> *...в прошлом де 201-м году, до приезду сотника и подьячего, пришед в их Пудожский погост воры незнаемые люди и церковь божию по своему намерению обругали и после того заперлися многолюдством в деревне Строкиной в четырех избах, и противность всякую чинили и стреляли, и упрямством своим згорели, а староста Сенка Леонтьев с ними ж згорел»; «а как они воры в Пудожском погосте по деревням строки со всяким ружьем ходили, и они де мирские люди и попы от них воров по иным волостем и на леса розбежалися* [Мюллер: 342];

> *...и в колокола в сполох били, и над церквами божиими поругательство они воры Васка с товарыщи чинили, образы божии и пелены с места на место переставливали; а срачицы с престолов они воры снимали ль, и того он Аничка не видел; а с ними де ворами в церквах божиих он был* [Мюллер: 344].

Воры — «незнаемые люди», «попов били, и домы их розграбили и разорили», а *«староста им попом от таких воров обороны и помочи ничего не учинил»*. В грамоте из Новгорода указано было:

> *...с Олонца посылать по тех церковных расколников начальных добрых людей с ратными людми, и их воров и расколников уговаривать, чтоб они здались и принесли бы... вину свою; а буде те воры не здадутца и учнут запершися сидеть, и велено о том промышлять всякими мерами, чтоб тех во-*

ров взять обманом или изгоном без кровопролития, ...воров переимать, а к распространению воровства их не допустить; и взять их воров взятьем или голодом выморить [Мюллер: 332].

Синонимами слова *вор* выступают слова *прелестник* 'тот, кто сеет смуту, подстрекает к мятежу, измене, неповиновению' [СлРЯ XI–XVII вв., XVIII: 258], *плевосеятель* 'сеятель плевелов (о тех, кто распространяет ложные ученья, ереси)', ср. *плевел* 'что-л. вредное, дурное (раздоры, наговоры, сплетни и т. п.)' [СлРЯ XI–XVII вв., XV: 82], *суемудреник* в близком значении, ср. *суемудрьныи* 'лжеумствующий, лжемудрый' [Срезневский, III-1: 610].

В грамоте из Новгородского приказа на Олонец рекомендуется извещать о раскольниках, чтоб «*имая приводили на Олонец в приказную избу*» и «*учинить велено о том... чтоб таких суемудреников и плевосеятелей и прелестников до конца искоренить*».

В рассматриваемом тексте широко употребляется относительное прилагательное *воровской*, сочетающееся со словами *умысел, ученье, учитель, намерение, речь, пристанище, собрание, совет, челобитная*:

...они ж воры своим воровским умыслом воду святили, и советников своих и прелестников в воде купали [Мюллер: 341];

...и которые мирские люди с ними ворами в их воровское собрание и в совет не пошли; а в той же деревне был учитель воровской дьячек Васка Емельянов да староста Сенка Леонтьев и иные многие мирские люди [Мюллер: 344];

...воровскому прелестному богомерскому учению их... непрестанно учили; воровское раскольническое пристанище; тому воровскому учителю чернцу Тимошке он Сенка исповедывался и причащался; им в том воровском намерении стоять [Мюллер: 339];

...и никого в тот воровской совет неволею не имал; а у него ле Анички о том церковном расколе шалость в уме была от прелестного воровского учения воров Васки и чернца Иосифка с товарыщи; а ныне де за ним Аничкою того воровского учения и церковного расколу никакого нет, и троеперстным сложением он креститца, и в церковь божию ходит; а кото-

рую де воровскую составную челобитную за руками принес [Мюллер: 345].

Для обозначения действий раскольников – выступлений против указаний государственных лиц, подстрекательства к неповиновению, отстаивания своих убеждений с оружием в руках, готовности к самопожертвованию вплоть до смерти – используется абстрактное существительное *воровство*:

...к распространению воровства их не допустить [Мюллер: 337];

...и хотели де они пудожана то свое воровство покрыть [Мюллер: 345].

Здесь реализуется в конкретном употреблении более широкое значение слова *воровство* 'политическое столкновение, антигосударственная акция (измена, заговор, подстрекательство к бунту)', отмеченное в деловых памятниках Центра в XVII в., как и лексемы *вор* и *воровской* [СлРЯ XI–XVII вв., III: 29–31]. В этот же период в русском языке употребительно и наречие *воровски* 'незаконно, мошеннически', 'изменнически; с целью вызвать бунт, мятеж'. Ср.: «*воровски для церковного расколу не приходили*» [Мюллер: 337] – данный пример говорит о несколько ином значении слова *воровски* – 'укрываясь, уклоняясь от чего-л.'

В с. XVII в. было известно и слово *ворyян* 'человек, причиняющий какой-л. вред, наносящий ущерб своими действиями'. Данное слово, не отмеченное историческими словарями русского языка, находим в «Деле о поломке изгороди на пожне солдата Кузарандской волости Симона Артемьева крестьянами деревни Угольской» 1650 г., где речь идет о «потравном деле», а именно о поломке изгороди в нескольких местах, челобитчик жалуется на солдат, считая, что они разломали окол 30 прясел в изгороди. Староста Третьяк Игнатьев Поздеев допрашивал многих солдат «по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью». Ищея Симашко Артемьев подозревал в поломке Андрея Данилова, отметив: «*...а у меня на то люди есть, как ево видели от моей пожни идучи, где у меня гибель учинилась, мимо Лукина пустошь, мимо Ульяньев обод шол он Андрей на пабидье от берега на моей пожни и пришол на Великую ниву в балахони, а треух на головы*». Далее свидетели указали, что видели, как

«человек у Симоновой пожни, балахон на собе у нево, а треух на головы, а изгороду ломает, хряст идет»; это был *«воруян Андрюшка Данилов, балахон у нево на собе, а треух на головы»*. Хулиганские действия воруяна обозначены глаголом *своровать*: «...*у Симона Артемьева Пахотина около пожни, своровав, изгороды запертой разломали под щельей, скажет прясел с 30*». Слово *воруян* можно отнести к заонежским регионализмам XVII в.

С с. XVII в. слово *вор* известно и в значении 'тот, кто совершает кражу; грабитель, вор' [СлРЯ XI–XVII вв., III: 28], сохранившимся до настоящего времени. Значения же, отмеченные в Уложении 1649 г., где «*вор* — уголовный преступник, тать, разбойник, хулиган („шапки срывает"), азартный картежник и зернщик, смертоубийца, „оговорщик", „зажигатель" [Черных, 1956: 198], постепенно ушли из русского языка, хотя еще у А. С. Пушкина употребляется *вор* 'разбойник, грабитель', 'мошенник, обманщик, плут', а также с оттенком 'о злоумышленнике, преступнике, злодее', в сочетании *картежный вор*, в названии *Тушинский Вор* [СЯП, I: 354].

Относительно этимологии слова *вор* нет четкого мнения [Фасмер, I: 350], однако существенно то, что оно «относится к той категории общерусских слов, появившихся в к. XVI — н. XVII в., которые почти или даже совсем неизвестны в других славянских, в частности, других восточнославянских языках. Ср. укр. *злодIй*, ст. укр. *лиходiй, ворог*. Ср. польск. *zlodej*. Ср. болг. *лиходей*, серб. *лопов, крадливец*» [Черных, 1956: 195]. Можно предположить, что в семантике слова *вор* реализуется идея изгиба, отклонения от прямой линии, в частности, в поведении человека, проявляющегося в нарушении принятого порядка. В этом случае слово *вор* включается в лексико-семантический комплекс **u̯er-*.

В современных говорах Карелии известны немногие слова гнезда *вор* 'тот, кто ворует': *вору́н* в кемских, *вору́ха* в кемских и пудожских говорах, там же *вору́нья* 'жен. от *ворун*' [СРГК, I: 232].

Регионализм *воруян*, не сохранившийся в говорах, интересен в словообразовательном отношении. Если суффиксальное *-ан* (*-ян*) указывает на лицо, производящее какое-л. действие, ср. *смутьян*, то элемент *-уј-* не характерен для русского словообразования. Можно предположить, что слово *воруян* имело производящей

основой карел. глагол *voruija* 'шалить, баловаться', 'воровать' [СКЯМ: 440], заимствованный из русского языка.

ОБРАЗНОЕ ХОЖЕНЬЕ
(разрешение споров)

Об образном хоженье говорится в мирской челобитной крестьян Оштинского погоста 1665 г. о размежевании их земли с крестьянами Веницкого погоста:

> *А тот обод из веку владели и пахали отцы наши и деды, а меж не бывало, и в двоих писцовых книгах про межи не написано* [Мюллер: 180].

Затем говорится о том, что «стрелецкой голова Михей Базлов с товарыщи» «для своей корысти для посулов», получив немалую мзду, решил устроить межевой развод в пашенное время:

> *А оброчные наши земли и с насеянным хлебом с оржаным и с яровым и впредь что сеяны и с сенными покосы он голова, взяв болшие посулы с ысцов наших, къ их Виницкому погосту отводит и межу вновь ведет, а велит исцом нашим на переди себя в трубы трубить, и по трубному голосу затесы затесывати, и кресты в деревах и в камени вновь высекать мимо двои писцовые книги. А в отводные люди взял он голова по стачки исцов с собою тех людей, на которых на суде я не слался, а исцом сродичи…* [среди них] *накупного человека Евтешку. А старых, государь, никаких межевых граней на лесу и на камени не сыскал. И волостному нашему человеку Оштинского погоста он голова с ысцами, вымысля по неволи, в той земли образ дал, и к вере привел, и скаску за рукою ответчика нашего Лучки Маврачева взял при многих людех, что ему ответчику итти с тем образом на своей правде по писцовым книгам. А преж того… на суде ответчик поверил в той земли итти с образом по межи исцу Черкасу Федорову самому. и ныне, государь, тот Черкас, ведая тот свой неправедной иск, по межи с образом не пошел* [Мюллер: 181].

Образное хоженье в конце концов не состоялось, и голова «*отводит без образу исконвечную нашу лешую пашенную землю и с насеянным хлебом и с угодьи мимо двои писцовые книги, а образному знаменованью и вере нашего ответчика поругался и ни во что поста-*

вил» [Там же]. «*А мы холопи и сироты твои Оштинского погоста будем от своих вечных вотчинных земел и от хлеба и от сенных покосов отказаны и оголожены и разорены конечно без тое лешие пашни»* [Мюллер: 182].

В ответе: «*А к межеванью взять старожилцов, а о чем у старожилцов в земли спор учинитца, дать образное хоженье з жеребья, итить с образом тому, кому миром поверят… а за воровство и за неправду учинить наказанье. А послать на землю к розводу людей добрых, чтоб делали правду»* [Там же].

Итак, мирская челобитная крестьян Оштинского погоста 1665 г. рассказывает о стремлении челобитчиков (просителей) добиться справедливости в отношении пользования землей, которая закреплена была за ними искони, что отражено в двух писцовых книгах. Содержание челобитной говорит о продажности чиновников, таких, как стрелецкий голова Михей Базлов, который устраивает передел земли в самое неподходящее, пашенное время. И для определения правоты той или другой стороны необходимо было в данной ситуации совершить *образное хоженье*, на что мог решиться только честный человек, стоящий «на своей правде». *Образ* — это икона, а *образное хождение* (*хоженье*) — 'хождение с иконой по спорной меже, имевшее характер показаний под присягой (способ разрешения межевых споров)' [СлРЯ XI–XVII вв., XII: 138]. В спорных случаях земля отводилась с помощью образа (иконы). *Отвод образный* в XVII в. обозначал 'отделение, определение кому-либо земельного угодья, носившее характер показаний под присягой (перед иконой)' [СлРЯ, XI–XVII вв. XIII: 201]. Развод, отвод, иначе — раздел земли могли совершать только *люди добрые*, которые умели «*делать правду*». Установление истины происходит с помощью внешнего атрибута, являющегося у верующих предметом поклонения, а это в свою очередь сопровождается осознанием абсолютной подлинности, безупречности результатов действия — образного хоженья, т. е. недопустимости при этом несправедливого решения. Не случайно виновник, нечестный человек, отказывается идти по меже с образом: он «*ведал тот свой неправедный иск*».

В современном русском языке мы уже не находим сочетания *образное хоженье*: стали иными хозяйственно-экономические от-

ношения, связанные с землей. Но использование иконы — образа отражается в некоторых важных в жизни человека событиях. Многим русским говорам известно слово *образовать* 'в свадебных обрядах — благословлять жениха и невесту иконой, образом' — воронежским, курским, орловским, тульским, московским, владимирским, тверским, новгородским, вологодским [СРНГ, XXII: 192]. БАС отмечает *образовать* в этом значении как устаревшее для современного русского языка. А слово *образованье* 'в свадебных обрядах — благословленье жениха и невесты иконой, образом' известно олонецким, архангельским, брянским и многим другим говорам [СРНГ, XXII: 192]; Даль приводит это слово без указания места, отмечая *первое образованье* — семейное, *второе* — на обрядной помолвке, *третье* — при отпуске под венец [Там же].

Образоваться — 'получить благословленье родителей на брак; устроить помолвку по старым обычаям — с благословлением образом, иконой', опять-таки в свадебных обрядах — известно многим говорам русского языка [Там же: 193]. Интересным представляется и значение 'устыдиться, образумиться, опомниться' у глагола *образоваться* в смоленских, ивановских, псковских и пермских говорах [Там же]. Глагол *образовать* 'образумить, проучить' отмечен в пудожских говорах Карелии, как и в русских говорах Литвы, Латвии, Эстонии [Там же]. В последних двух глаголах косвенно отражается семантический компонент, связанный с осознанием неправоты, нарушения принятых правил поведения.

С образным хоженьем связано и *образное знаменованье*, т. е. установление меток, знаков — затесов, зарубок в виде креста и т. п. — на деревьях, камнях для обозначения границы размежевания земли. Ср. *знамение* 'знак, метка' [СлРЯ XI-XVII вв., VI: 42] и *знамя* 'знак, пятно, метка' [Там же: 46], известное древнерусскому языку с XI в.

Современные вологодские/кадниковские и северодвинские говоры сохраняют слово *знамя* в значении 'условный знак, который ставится на меже поля или огорода', а в пудожских говорах *знамя* — 'примета, родимое пятно, родинка', в архангельских/онежских *знамя* — 'радуга' [СРНГ, XI: 308]. Заметим попутно, что *знамя* 'знак, печать' известно и другим славянским язы-

кам: болг. *знáме*, чеш. *znatě*, польск. *znatię* 'признак'. *Знамя* образовано от слова *знати*, отсюда же и *знамение* [Фасмер, II: 100]. Слова́ *знак, знать, знамя* — родственники. Ср. *знание* и *образование* от *знать* и *образовать*, однако слово *образование* в современном значении — 'процесс усвоения знаний; просвещение, обучение', 'совокупность знаний, полученных в процессе обучения' — некоторые ученые считают калькой нем. *Bildung* 'образование' [Фасмер, III: 106], однако следует иметь в виду, что *Bild* = *образ* 'изображение, картина, образ; икона'. В калькировании с немецкого можно усомниться, так как слово *образование* известно в этом значении уже в старославянском языке. У Срезневского *образование* — 'воспитание, образование' — подтверждается примером: «*На пестрое книжное образование оутверждающе отрокы*» из Жития св. Акакия [Срезневский, II-1: 539]. Видимо, есть основания полагать, что образование в Древней Руси предполагало чтение книжное.

МЕСТА И ЗЕМЛИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ НА СЕВЕРЕ КАРЕЛИИ В XVI–XVII вв. (волость Кереть)

Ценным историко-лексикологическим источником являются писцовые книги XV–XVI вв., свидетельствующие о характере хозяйственно-экономического уклада сельских поселений северной части Карелии. Обратимся к материалам по Керети Лоухского р-на: 1) «сотная» «с книг описи» Двинян Якима Романова и Никиты Путятина на волость Кереть 1563 г. [СГКЭ, II: 442–451]; 2) выпись из писцовых книг Василья Агалина и подьячего Степана Федорова (Соболева) на волость Кереть [Там же: 451–462]; 3) книги писцовые Алая Михалкова на четверть волости Керети, бывшей во владении Соловецкого монастыря 1608–1609 гг. [Там же: 469–481].

При описании владений не только таких крупных собственников, как Соловецкий монастырь, но и мелких, частных земель существенными были сведения о самом объекте (что?), его местонахождении (где?) и его владельце (чье?).

В текстах данных памятников выделяются две группы слов и словосочетаний, обозначающих разного рода земельные участ-

ки: 1) названия природных объектов, лесных, безлесных и водных пространств, используемых для хозяйственно-промысловых нужд; 2) слова, обозначающие места и угодья, возникшие в результате целенаправленной деятельности человека.

Первую группу составляют местные географические термины: *мох, мошок, мшаринка* 'болото', *болотцо, остров, гора, берег, река, губа, зашеек, наволок, волочок, ручей, ручеек, варака, щелья, щелейка, переима, салма, корга, мандера, матерый берег, дикой лес, морской берег* и др. Они имеют опосредованное отношение к обозначению мест и угодий, которые использовались человеком для обеспечения его жизнедеятельности:

> *...за Сокольею варокою на горѣ у ручья теребок Ивашка Неклюдова* — 1563 г.;
>
> *...да в Долгомъ поженка, да на Лоде-озере болотцо, да в Каштерне болотцо, а тѣ пожни коситъ Якушъ Ваксалъ вмѣстѣ о Овдотьицою с Кармановою, Якушевы жъ три розчисти за Третьяковымъ дворомъ от берегу до Григорьевы пожни: росчисть в наволоке, была рѣпа сѣена, розчисть под щелеикою на варничном мѣсте да по ручеику до мху и до Гремячего ручья* — 1574–75 гг.

В большинстве случаев географическая терминология употреблена для описания местоположения угодий, подлежащих оброку, указания их границ с помощью ориентира.

Среди названий географических объектов преобладают общеизвестные, представлена и диалектная лексика. Выделим некоторые из них.

Зашеек: «озеромъ Керетью с Нюткою з *зашеикомъ*... а ловятъ в нихъ бѣлую рыбу... положено на тѣ озера и на рѣчку и на *зашеек*... сорокъ алтынъ оброку» — 1608–09 гг., ср. *зашеек* 'протока между двумя озерами' в терских говорах или 'протоки — рукава между островами в реке' в кемских говорах [СРГК, II: 240].

Подгорушье: «да *подгорушье*, да за губою в лѣсе» — 1563 г., «*подгорушье* не отмечено словарями, ср. *подгорушечка* 'подножие холма, горы' в медвежьегорских говорах» [СРГК, IV: 622].

Волочок: «за *волочком* Мѣвъгубы теребокъ Михалка Кончакова» — 1563 г., «да к *волочку* берегомъ до варничного мѣстища поллука; межа... по *Кислои волочекъ*, куды суды волочать» —

1608–09 гг., ср. *волочок* 'место наибольшего сближения двух судоходных рек, по которому перетаскивают (волочат) суда и грузы из одной речной системы в другую' в архангельских говорах [СРНГ, V: 72].

Варока: «в Керети, да на Уите, да под Малиновою *варокою*, да на Середнем ручью, да за рекою за Керетью теребки Васки Иванова сына Москвы» — 1563 г., «розчисть за Сокольею *варокою* Куземки Ондреева Тысячи» — 1574–75 гг., ср. *варака, варока* 'небольшая и скалистая гора, сопка' в кемских, беломорских, кандалакшских, онежских и пудожских говорах, а также 'лес, растущий на сопках' в терских и медвежьегорских говорах [СРГК, I: 162].

Куйпога: «а межа тому луку камень лежитъ на *куипоге* клиноватъ, великъ» — 1608–09 гг., ср. *куйпога* 'часть берега, затопляемая только во время прилива' с этой же иллюстрацией [СлРя XI–XVII вв., VIII: 111], 'берег моря, обнаженный отливом' в терских и кемских говорах [СРГК, III; 53].

Мандера: «от волости с версту по Гиндоостровской стороне на *мандере* теребы в девяти мѣстехъ Поздеевские жь купленые» — 1608–09 гг., ср. *мандера* 'материковая часть суши' в пудожских говорах [СРГК, III: 197].

Матерый берег: «противъ Еловогo острова на *матером берегу* на варничномъ мѣстище сѣна ставится зародъ уголь варничной, то и межа; да в Анбарской губе поллука, а межа на *матером берегу* щѣлья от зимние дороги в губѣ» — 1608–09 гг., ср. *матерый берег* 'высокий берег реки' в документах Михайло-Архангельского монастыря в Архангельске 1600 г. и грамотах Важского уезда 1689 г. [СлРЯ XI–XVII вв., IX: 44]. Иллюстрация 1608–09 гг. дает основания уточнить значение сочетания *матерый берег* — 'высокий берег' — безотносительно к виду водоема. Ср. также *матера* 'берег материковой части суши' в терских говорах [СРГК, III: 201].

Переима: «Анбарская губа около вся вкругъ и с островками, а в другои конецъ межа в Чюпу ѣдучи противъ островка *переима*, вода *понимает*, то и межа» — 1608–09 гг., ср. *перейма* 'узкая часть озера' в онежских говорах [СРГК, IV: 446], *понимать* 'охватывая,

заливать, затоплять (о воде)' в разных русских говорах [СРНГ, 29: 262].

Корга: «Да от Фетиньинского лука к Нилмо-губѣ берегомъ *корга*, а на *корге* обрано каменьемъ и колье бито, от того места поидеть к Нилмо-губѣ лукъ» — 1608–09 гг., ср. *корга* 'каменистая мель, гряда камней в воде, отлогий берег' [СлРЯ XI–XVII вв., VII: 306], 'часть суши, острым углом вдающаяся в море' в кемских, терских и беломорских говорах [СРГК, II: 421].

Щелья, щелейка: «Да в наволоке на рѣпище теребокъ, да подъ щелѣикою теребокъ, да за губою на варничном мѣсте три четверти теребку» — 1563 г., «межа на матером берегу *щѣлья* от зимние дороги в губѣ» — 1608–09 гг., ср. *щелья* 'большой камень, валун' в медвежьегорских и пудожских говорах, 'скала' в медвежьегорских и кемских говорах [КСРГК].

Группа слов, обозначающих угодья, которые возникли в результате хозяйствования, довольно многочисленна и представляет собой относительно упорядоченную систему. Набор семантических признаков этих слов отражает отношение угодья к земле, ее обработанности, хозяйственному назначению, степени и характеру использования, вплоть до заброшенности, наличию или отсутствию построек разного рода, включая жилые и хозяйственные, к природным объектам и т. п. Здесь выделяются *места* и *земли*, т. е. участки, используемые для определенных целей. Слово *земля* 'чей-л. участок' почти не употребляется как самостоятельный термин. Данный факт можно объяснить тем, что земельные угодья имели разное назначение и получали в связи с этим дифференцированные названия. Ср.: «*дворовые земли* и *огородные* по берегу 15 саженъ косыхъ; *м[есто] онбарное*, а анбарь сожгли Нѣмцы... краи рекѣ, противъ Матвѣева да Ивана Долгого двора, данье Семена Пирожникова, *анбарные земли* по берегу» — 1608–09 гг. Сочетаемость слова *земля* довольно ограниченна: *дворовая земля, амбарная земля, огородная земля*. Чаще эквивалентом слова *земля* в писцовых книгах Керети выступает слово *место*:

> *Да в Керетцкой же волости мѣста царевы и великого князя дворовые пустые* — 1563 г.;
>
> *...место дворовое с огородцом Овдокимовское... да промежу Пшагинским и Конашевским дворовыми месты з горы к бере-*

гу проходная улица, сажень косая с локтем место мельничное Семеновское Ондронова; в Лакомцове губѣ место варничное и з дворищемъ и с кострищами, а косятъ ныне на томъ мѣсте сѣно, поставленье и росчищенье Соловецкого монастыря старцов; место дворовое... и с огородомъ и с поженкою — 1608–09 гг.

Заметим, что слово *место* употребляется и в значении 'участок, пространство, где что-л. расположено; место': «от волости с версту по Гиндоостровскои стороне на мандере теребы в девяти *мѣстех* Поздеевские жъ купленые» — 1608–09 гг.

В XVII в. известно было и слово *местище* 'место, участок земли, который раньше находился в чьем-л. владении или использовался для какого-л. промысла':

...от Гремячего ручья островки и берегъ до Ваксалова мѣстища поллука, да от Ваксалова мѣстища дворище; да к волочку берегом до варничного мѣстища поллука; на варничном мѣстище сѣна ставится зародъ — 1608–09 гг.

Вид *земли* и *ме́ста* определялся их предназначением: земля могла быть использована под огород, двор, амбар, место и местище — под двор, мельницу, варницу, амбар. Отсюда и соответствующая сочетаемость слов *земля* и *место*:

В XVI в. слово *место* сочетается с род. пад. антропонима, обозначая земельные участки, находящиеся в чьем-л. владении:

Мѣсто Павлика Иванова сына Брянцова; мѣсто Левинское; мѣсто Васюка Лопина Назарова сына; мѣсто Митьки Григорьева сына Мухлака — 1563 г.

Ср. в дозорной книге Шуерецкой волости 1598 г. многочисленное использование слова *место* в сочетании с род. пад. антропонима или отантропонимным прилагательным:

> *От Власова двора Оксентиева дворовые же места пустые по реке по Шуе: место Олферкова сына Фофанка Барбуемьева, сенокосу на поле и на море 10 копен, четь лук; место Демеха Васильева… место Олфимьицы Никитинские жены Карпова да сына ее Сеньки… место Васюковское Щербова… место у креста Федуловское Огафонова* и др. [ИК, 1987: 241].

В значительной части текста данного памятника употребляются слова *двор, тоня, варница*:

> *Да в Долгой губе двор, а в нем Иванко Лисица да Третьячко, да Микитка Филиповы дети, да Петрушка Кирилов, да и них варница; От погоста рекою Шуею вниз от Митина двора Горлова до Степанкова двора Ловушкина; На Пертьострове, едучи по морю к Сороке по правой руке: варница Иванка да Павелка, да Онтонка Ефремовых детей олончан; варница Первого Иванова сына да Кирила Никова, да его сына Третьячка, да Ивана Балахи, да Падора Игнатьева сына; тоня Дмитров Наволок, тоня Великая Изба, тоня Черная Щелья; Да Шуйские же волости на морском берегу на Хлебной реки на шуерецкой земли двор, а в нем живет Соловецкого монастыря крестиянин Никон Мартынов, да у него же на море на берегу варница, а была та варница и двор Шуерецкие волости крестиянина Степанка Иванова сына Двинянинова* [ИК, 1987: 238–239].

В документах, относящихся к Керети, находим аналогичное употребление. Слово *варница* имело значение 'заведение, оборудованное для изготовления чего-л. (соли, пива, селитры и т. д.) путем варки', известно в актах с к. XIV в. [СлРЯ XI–XVII вв., II: 21]. Примеры из писцовых книг по Керети:

> *По морскому берегу варницы Керетцкие живущие; в Девичьи губе две варницы Иванка Июдина… на Кереть же острову варница Степанка Иванова сына Лежня… у Красной Щѣли варница Васки Яковлева сына Бубнова да Филки Яковлева… варница Сидорка Дряхлого… в Кислой губе варница Гриди Оборы Иванова сына, варница Якуша Ваксала… варница*

Карпика Великого да Васки Лопина... варница Филкинская Васки Бурца — 1563 г.;

варница в Сокольей губе Сидка Дряхлова, варница в Лѣтнеи губѣ Истомки Бздячего, варница на Керети острову Лежня Иванова, варница против Гореострова Сидка Дряхлого — 1574–75 гг.

Угодье с поселением на нем имело название *двор*:

А на Соловетцкой четверти в волостки в Керети дворовъ: во дворе бобылиха вдова Маринка Олексѣевская жена Падиногина, да позади того двора огородецъ; на дворѣ хоромы, келья да клеть с потклѣтомъ; у двора огородъ, а купили онѣ тотъ двор и с огородомъ у Карпа Филипова сына да у сына ево у Федьки со всѣмъ посильемъ, чѣмъ онѣ владѣли — 1608–09 гг.

В семантико-словообразовательном отношении аналогично паре слов *место* — *местище* выступает и *двор* — *дворище*, причем последнее в значении 'место, где когда-то был двор':

...двѣ розчисти Митрошки Тимофеева да два дворища да поженка за рекою за Керетью — 1574–75 гг.

Да в Соколье губѣ дворище варничное, а косятъ ныне на томъ дворище сѣно, по данои Керечанина Сидора Дряхлово; да от Ваксалова мѣстища дворище — 1608–09 гг.

Ср. также *кострище* 'место, где лежат в поленницах (кострах) дрова для соляных варниц' [СлРЯ XI-XVIIвв., VII: 370]:

...в Нимо-губе теребы да мѣсто варничное да с дворищемъ да с кострищами; в Лакомцове губе место варничное и з дворищем и с кострищами, а косятъ ныне на томъ мѣсте сѣно, поставленье и росчищенье Соловецкого монастыря старцов — 1608–09 гг.

Анализируемый материал свидетельствует о разветвленной системе именований участков разного назначения и способа обработки.

Розчисть 'расчищенное сельскохозяйственное угодье в лесу, используемое для посева или сенокоса' мотивируется глаголом *расчистить*:

Керецкие жъ волости сѣнные покосы, в лѣшихъ розчистях, розчищали ихъ новооброчные, а не луковые: розчисть на Середнеи губѣ Тимохи Шестина... розчисть вверхъ по рекѣ по

Керети, против Соловецкого дворища Шемяки Оверкеева да Павлика Иванова, Павликова жъ розчисть Лебедихинская, двѣ розчисти Митрошки Тимофеева в Порожке; Якушевы жъ три розчисти за Третьяковымъ дворомъ от берегу до Григорьевы пожни — 1574–75 гг.

Сѣчище 'участок леса, вырубленный с целью использования под сенокос или пашню (?)':

…да в Левиной губе сѣчища; да по Чюпо-ручью вверхъ теребки, новые розчисти по ихъ сѣчищам — 1563 г.

У И. И. Срезневского не отмечено. Слово мотивировано глаголом *сечь* 'рубить', известным древнерусскому языку [Срезневский, III-1: 904].

Пожня, поженка 'сенокосное угодье на росчисти или бывшей пашне; сенокосное угодье, покос вообще' [СлРЯ XI–XVII вв., XVI: 104], опосредованно мотивировано глаголом *жать* (*сено жать*):

…пожня Каргопольца верещаги Евсѣвьева в Паяконде на Мандере на Ковскои строн ѣ; поженка на селище Овдотьицы Кармановои; двѣ поженки промежъ Федоровыми розчистьми; да в Долгомъ поженка, да на Лоде-озере болотцо, да в Каштерне болотцо, а тѣ пожни коситъ Якуш Ваксалъ вмѣсте с Овдотьицою с Кармановою — 1574–75 гг.

Тереб, теребок, теребишко 'сенокосный участок, расчищенный из-под леса' связаны с глаголом *теребить* 'расчищать', известном русскому языку уже в XI в. [Срезневский, III-2: 950]:

…на реке под Великою пожнею теребок Якуша Прибытка, за Сокольею варокою на горѣ у ручья теребок Ивашка Неклюдова, в Сонъ-островехъ у варницы теребишко Васки Химряка, на селище теребокъ за Гридиным теребкомъ Пашка Карманова — 1563 г.;

…теребы розчистные, на мандере теребы в девяти мѣстехъ Поздеевские жъ купленые — 1608–09 гг.

Ср. *тереб* 'вырубленный, выжженный, расчищенный под сенокос участок леса' в кемских, кандалакшских, беломорских и онежских говорах [КСРГК].

В ряд подобных слов включается и слово *полянка* 'поляна, росчисть как сельскохозяйственное угодье' [СлРЯ XI–XVII вв., XVI: 289]:

> *...за рекою за Керетью противъ погоста сенные покосы по Керети рекѣ вверхъ двѣ полянки, полянка Вешняковская Шемяки Оверкеева, полянка Демидовская Гриди Оборы, полянка Фетьки Ортемова, полянка Сяжневская Гриди Оборы, другая полянка по верхнюю сторону того жъ Гриди Оборы* — 1563 г.

В исследуемых текстах отмечено слово *валенок*, не зафиксированное словарями: «пожня Каргопольца Верещаги... в Кислои губѢ подъ *валенком*» — 1574–75 гг. Есть основания полагать, что слово *валенок* входит в систему терминологии подсечно-огневого земледелия и обозначает участок, расчищенный под пашню путем сжигания остатков леса, ср. *вал* 'весеннее сжиганье пеньев, сучьев и корней для удобрения земли' в архангельских говорах, 'участок из-под леса, на котором выжигается лес и сеется лен' в вологодских говорах [СРНГ, IV: 19]; *валеница* 'место, расчищенное от леса для пашни' в вытегорских, пудожских, медвежьегорских говорах [СРГК, I: 159].

Огород, огородец и *огородишко* 'огороженный участок земли; часть усадьбы, земельный участок определенного назначения' [СлРЯ XI–XVII вв., XII: 251–252]:

> *...у двора поженка, да в Чупу идучи за дворовым огородомъ теребишко; за рекою за Керетью огородишко Истомки Мухина* — 1563 г.;
>
> *...у двора огородъ, а купили онѣ тотъ дворъ и с огородомъ у Карпа Филипова сына; да позади того двора огородецъ; место дворовое с огородцом Овдокимовское, дворовые земли и огородные по берегу 15 сажен косыхъ, сЪют на томъ огороде рѣпу* — 1608–09 гг.

Естественно-географические объекты, втянутые в хозяйственную деятельность человека, иногда получают именования отантропонимического характера. Об использовании человеком того или иного естественного, природного, объекта говорит сочетаемость его названия с род. пад. антропонима или отантропонимным прилагательным:

...да у моря болотцо Митки Мухлака, по Гремячему ручью вверхъ теребки и болотины Митки Мухлака; за Пулонскою губою мошек Игнашки Титова да Якушка Семенова — 1563 г.;

...пожня Каргапольца Верещаги... в Попове наволоке, розчисть на Левонтьеве острову — 1574–75 гг.;

...пот Панфиловой варакой теребы, в Лакомцове губе место варничное и з дворищем — 1608–09 гг.

В лексический ряд, связанный с использованием в хозяйственных целях не подлежащей обработке земли, входят и слова, первоначально являющиеся географическими терминами.

Среди прочих угодий в волости Кереть в XI–XVII вв. имелись *селища*: «на *селище* теребок» — 1563 г.; *ухожаи*: «У Керетцкой волости в *ухожаехъ* на дикомъ лесу над Нюткозеромъ живетъ дворишкомъ Лопинъ крещенъ Иванко Великая Голова з детьми» — 1563 г.; *сенные покосы*: «Керецкие жъ волости *сенные покосы*, в лЪшихъ розчистяъ, розчищали ихъ новооброчные» — 1574–75 гг.; *становище*: «варница в *Кузокоцкомъ становище*» — 1574–75 гг.; *росчисти, ловища, угодья*: «да тутъ же росчисти *сенные покосы* Керетцкого крестьянина Митрофана ОсЪчкова» — 1608–09 гг.; «*звериные и птичьи ловища*, и всякие *угодья*» — 1608–09 гг.

Добавим, что собственные именования лиц, владеющих участками, жителей Керети, в указанных документах представляют значительный интерес в плане изучения населения Керети, с одной стороны, и путей формирования местной антропонимической системы — с другой. Помимо отмеченных в приведенных иллюстрациях антропонимов обратим внимание на информативный характер следующих:

Иванко Михаиловъ сынъ Ретка, Васюкъ Логиновъ сынъ Мудорѣзъ, Михалко Онаньинъ, Онашка Минин, Олешка Хворост, Сидко Ивановъ сынъ Дряхлои, Борисъ да Павелъ да Пятои сынъ Ивановы дѣти Брянцовы, Васюкъ Харло, Лобанъ, Клишко губатои, Созонко Юдин, варница Михалка Кончака, двора струбъ Лисицынской пустъ, мельница мутовочна Васки Бубнова, в наволоке промежъ Васильевою и Кормановою пожнею теребокъ, подле Оборины поженки, лѣсъ не чищенъ Шемяки Оверкеева — 1563 г.;

...данье Ивашки Пшаги, промежу Пшагинскимъ и Конашевскимъ дворовыми месты, данье Оникея Степанова, Каргопольца, по данои Керечанина Сидора Дряхлово — 1608–09 гг.

Таким образом, владения Соловецкого монастыря в Керети в XVI–XVII вв. представляли собой сложную хозяйственно-экономическую систему, включающую элементы подсечно-огневого земледелия, промышленной выработки соли, рыболовецкого и охотничьего промысла. Характер наименований мест свидетельствует, в частности, об индивидуальном землепользовании.

О ВОДЛУ РЕКУ БОРОВОЙ ПОРОГ ВЕРХНЯЯ ПОЛОВИНА (развитие грамматической структуры топонимов)

Топонимика Севера была и остается предметом пристального внимания ученых. В настоящее время разработаны основные принципы топонимического исследования, показана необходимость органического соединения в работах по топонимике лингвистического и исторического аспектов, имеются образцы конкретного анализа материалов по топонимике различных территорий, включая и Карелию [Попов, 1965, 1949а, 1949б; Матвеев, 1976].

Топонимия Карелии привлекает исследователей [Керт, Мамонтова, 1976; Мамонтова, 1982; Муллонен, 2000] прежде всего неоднородностью своего происхождения, что позволяет видеть в ней богатейший источник изучения истории заселения края. Наличие письменных памятников, в которых в большом объеме представлены наименования различных мест, заселенных и незаселенных, дает возможность наблюдать процесс развития топонимической системы в целом и решать частные задачи. «Проследить документально точную историю географических имен обычно возможно и не так трудно, по крайней мере начиная с XI–XVI вв.; бóльшая часть населенных пунктов, пустошей, мелких ручьев и тому подобных в это время (с XV столетия) и возникла (очень древнейших значительно меньше)» [Попов, 1965: 154–155].

Рассмотрим изменение грамматической структуры наименований населенных пунктов и различных земельных угодий на

территории Карелии (Заонежье и часть Карелии к востоку от Онежского озера, Медвежьегорский и Пудожский районы). Охватываемый период — с XV в. до наших дней — не всегда равномерно, но довольно полно представлен топонимическими материалами. В качестве исторических источников используем данные писцовых книг XV–XVI вв. [ПКОП, Витов, 1962: 228–289], различных грамот этого периода [Гейман, 1941; Мюллер, 1948], списки населенных мест XX столетия [СНМ, 1905, 1926, 1933, 1948]. Современное состояние топонимии и микротопонимии юго-восточной части Карелии отражено в записях, сделанных во время диалектологических экспедиций в Медвежьегорский и Пудожский районы в 1977–2000 гг.

Для современных топонимических систем характерным является номинативный тип топонима, независимо от состава наименований: простое — *Березовка, Черново*, сложное — *Ялганд-сельга* или составное — *Щепина Гора, Великий Мох, Костин Двор*. Номинативный тип развился как на собственной основе, так и на основе локативного типа. Локативными будем называть предложно-именные конструкции, так как в них с помощью предлогов ярко выражено местоположение пункта или угодья по отношению к какому-либо географическому объекту (в отличие от М. В. Витова, считающего локативными названия типа д. *Логовская*) [Витов, 1967: 80]. Приведем данные писцовых книг Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. В записях деревень и починков в Никольском погосте в Шуньге, относящихся к 1496 г., отмечено 123 наименования-ориентира, указывающих на местоположение пункта (описываемого объекта) и не содержащих в своей структуре формы им. пад., и 38 названий в им. пад., что составляет соответственно 76,4% — локативный тип и 23,6% — номинативный тип. «На возникновение и изменение местных названий влияют географические обстоятельства, а именно: общий характер местности (лес, лесостепь, степь, озерные, горные области, речные долины, прибрежья морей и пр.) и различные природные качества того или другого отдельного местного объекта. Большую роль в образовании того или другого типа местных названий играет частая повторяемость одного и того же природного объекта с одинаковым характером» [Попов, 1965: 152]. Это

общее положение отчетливо отражено в структурных типах топонимов XV–XVI вв., зафиксированных на территории Карелии. Однако следует иметь в виду, что именования относятся не к природным объектам, а к объектам хозяйствования человека — к разработанным под пашню участкам, освобожденным из-под леса и используемым не только для выращивания сельхозкультур, но и для проживания владельца на данном участке — деревням.

Локативный тип, т. е. предложно-именная конструкция, представлен следующими разновидностями:

1) ***на*** + П. п.: *на Хоймове губе, на Верхнем озере, на Пуд-берегу, на Крестной горе, на Шунском острову, на Вижматке, на Ежщовой речке, на Лопской матке, на Хашозерке, на Лембой-наволоке;*
2) ***в*** + П. п.: *в Хойме губе, в губе ж, в наволоке, в Паяницах, в Верговичах;*
3) ***у*** + Р. п.: *у Мамардина поля, у Порошка, у Региматки, у Зимника, у Рогачева;*
4) ***за*** + Т. п.: *за рекою Гит-наволок;*
5) ***противу*** + Р. п.: *противу погоста;*
6) ***над*** + Т. п.: *над озерком.*

Количество употреблений предлогов в 1496 г. по Никольскому погосту в Шуньге неодинаково:

Предлог	Количество	%
на	91	61,5
в	32	21,6
у	17	11,5
противу	4	2,7
за	3	2,0
над	1	0,7

Во многих наименованиях XV в. заключено сразу два ориентира, что отражается в наличии двух предлогов в составе топонима-ориентира:

на + на — *на берегу на Путке, на берегу на яме, на бору на Малом озерке, на Фашозерке на Путке речке;*

в + на	*в Паницах на берегу, в Онежанех на Путко озере, на Онежском озере в Куте губе, на Жаб-губе в Куд-наволоке, на Холопье стороне в конце наволока, на Толвуе в наволоке;*
на + за	*на Кевтене губе за мостком, за рекою на Волгом-озере;*
на + у	*на Холопьей стороне у большого двора, у Онежского озера на Кузнецове поляне, у Большого двора на Подоле;*
на + над	*на усть Путки над озерком;*
противу + за	*противу погоста за мостком.*

Имеют место даже трехпредложные конструкции:

на + в + на	*на Толвуе в наволоке на Никольской земле.*

Наличие двух- и даже трехориентирных наименований – свидетельство того, что название как таковое еще не оформилось. Примечателен тот факт, что для нескольких по соседству расположенных деревень в к. XV в. существуют совершенно одинаковые наименования, являющиеся ориентирами по отношению к одному географическому объекту, например:

> *А се в Хойме губе... Дер. на Хоймове губе... Дер. в губе ж... Дер. в той же губе... Дер. в той же губе Исаевское* [ПКОП: 1].
>
> *Дер. в наволоке... Дер. в наволоке ж... Дер. в наволоке ж...* [Там же: 3].
>
> *Дер. на Кевтене губе... Дер. на Кевтене губе... Дер. на Кевтене губе...* [Там же: 3].
>
> *Дер. в Хоймове губе... Дер. в той же Хоймове губе...* [Там же: 4].

Список подобных примеров из ПКОП можно продолжить: *в Паницах* – 4 деревни, *на Хавошозерке* – 3 деревни, *на Холопьей стороне у большого двора* – 5 деревень, *в Верговичах* – 3 деревни [ПКОП: 6–8]. Только с *Хоймовой губой* в Никольском погосте связано 11 деревень, 10 из которых обозначены однотипно и лишь в одном случае прибавляется собственное наименование деревни – *Исаевское.*

Следовательно, можно полагать, что, во-первых, еще в конце XV в. в Заонежье не было необходимости выделять особым именем каждую существующую деревню, а во-вторых, словом *деревня* обозначалось не поселение, а земельный участок, разработанный под пашню, или весь комплекс земельных угодий, принадлежащих одному-двум владельцам. «Однодворная и несомненно односемейная деревня XV–XVI вв. носила название по месту ее расположения, а более крупная — 4–7-дворная деревня XVII в., для которой специфичен долевой строй и нарушения родственных связей, — получает имя своих основателей» [Витов, 1967: 88]. Ср. материалы местных грамот XVII в.:

> *...деревня двор, два человека, обжа, а по Новому писму деревня два двора, а людей пять человек, обжа треть сохи ...*

1538–39 гг. — Правая грамота судей Третьяка Кривякина и Спиридона Михайлова Палеостровскому монастырю по делу его с Муромским монастырем о спорных землях на Уноских островах. [Гейман: 137];

> *...деревня, а в деревне живет Гишка Гяко; да достался Чюжьнаволок с починком, деревня, а на Чюжьнаволоки во дворе живет Ивако Оникьев, да в другом дворе Мокий Колошнов*

1540 г. — Разъезжая грамота Спиридона Михайлова на землю в Уноских островах между Палеостровским и Муромским монастырями. [Гейман: 141].

Деревня очень часто превращалась в пустошь, о чем говорят примеры такого рода:

> *...деревня Лукинская, усадище Горюшкино, ... деревня Бураковская против погоста, ... пустошь, что была деревня Филипова, пустошь Гютеева горка, ... пустошь, что была деревня Ведерниковщина, ...деревня Буневская, ... пустошь, что была деревня Окатовщина, ... пустошь, что была деревня Зехновщина, ... пустошь Биздинщина, ... деревня у малого озерка Дыдыловска...*

1594 г. — Отдельные книги губного старосты Никиты Ватинского Михаилу, Андриану и Калистрату Резановым на поместные земли в Никольском погосте в Шуньге. [Гейман: 342–343].

Номинативный тип наименований в к. XV в. составляет примерно четверть от общего числа: *Койбиницы, Стогово, Ходрилское,*

Кузнецово, Цилополе, Лембитово, Ильин наволок, Кягреева сельга, Новинка, Оринская, Курниково, Волосово, Порожек и др.

Помимо указанных двух, структурно противоположных типов в XV–XVI вв. довольно часто употребителен промежуточный, смешанный, локативно-номинативный тип названий, а именно: *Новинка на Кохрь, Новинка за мостком, в той же губе Онежане, Федорово поле в Няпе, за рекою Гит-наволок, Ваглоба на Шунге, на Нивицах Кажак-губа* и т. п.

Кроме того, в материалах 1496 г. по Никольскому погосту в Шуньге имеются наименования, совмещающие формы именительного и родительного падежей, причем последний указывает на отношение к лицу, владеющему деревней, — *Большой двор Федоровской Остафьева* [ПКОП: 5]. Форма род. пад. имени владельца употребляется в этот период по отношению к целому кусту деревень: «*великого князя волость Федоровская Остафиевская Глухова, а деревень в ней*» [ПКОП: 1], и далее перечисляется ряд деревень: «*великого князя Лукинский Федорова*» [ПКОП: 7]; «*великого князя волостка Михайловская Берденева*» [ПКОП: 6]; «*великого князя деревни Натальинские Мосеевых Бабкина*» [ПКОП: 8]. О генитивном типе названия деревни говорить пока трудно в отношении к XV в.

Со 2-й пол. XVI в. отмечены двойные наименования деревень, старое и новое, разделенные словоформой «*словет*», реже без нее. Данные ПКОП 1563 г. по Никольскому погосту в Шуньге показывают, что 79 названий — 53% — остались прежними (мы не принимаем во внимание фонетический аспект), а 61 название является новым, после указанного старого, составляя 47%, напр.: дер. *на Хоймове губе* словет *Кярзино*; дер. *в той же губе* словет *Овдокимова*; дер. *в той же губе Исаевская* словет *Федорова* и т. п.

Новые названия в большинстве своем являются номинативными: *Батоево, Воробьево, Гладышево, Перхино, Криснoво, Марковщына, Шапкинская, Давыдовская, Ларковская, Поршневская, Фоминская, Овчинниковская, Билдисская, Медвежья Голова, Карпов наволок* и др.

Однако часть новых топонимов выражена одной из предложно-именных форм, т. е. локативным типом, — ср. данные ПКОП 1563 г.: дер. *на Иницы* словет *на усть Пупке;* дер. *Хашен* словет *в Мандере;* дер. *в Ыльине ж наволоке* словет *в Васильеве наволоке;* дер. *в*

наволоке ж словет *в Никонове губе;* дер. *Новинка* словет *над Онегом* [ПКОП: 147–149].

Новые имена в ряде случаев являются смешанными: дер. *на Нивищах* словет *Никоново на Нутри;* дер. *у Валгом-озера* словет *Лахновская на берегу;* дер. *Заполье* словет *Усовская у мосту;* дер. *у долу* словет *Кузнецовская на селги;* дер. *на Селище Шамардинская над Валгом-озером;* дер. *в Паеницах же Керкина на горы;* дер. *Новинка на Корбей* словет *Окатовская над Валгом-озером* [ПКОП: 149–151].

Из приведенных примеров видно, что иногда номинативное наименование сменяется локативным, т. е. процесс развития от локатива к номинативу задерживается.

Среди вновь возникших в XVI в. названий отмечен и генитивный тип: дер. *в той губе Исаевская* словет *Федорова;* дер. *в наволоке ж* словет *Вачюевых;* дер. *в наволоке же* словет *Оксентьева Коробейниковых* [ПКОП: 147, 149].

Здесь прямое указание на принадлежность земельных угодий определенному владельцу, имя которого представлено в форме род. пад. Однако чаще принадлежность выражается притяжательным прилагательным с суффиксами *-ин, -ов-(-ев-), -ск-(-ая-)*: дер. *Суземье* словет на Нутри *Енина;* дер. *Вачюевская* словет *Кайдушова* на горки; дер. на усть Кехтениц *Сенкинская Корелянинова;* дер. *Большой Двор Михайловской Берденева;* поч. старой на Жабнаволоке *Фетковской Кожина* [ПКОП: 149–152].

В первой трети XVII в. наблюдается некоторая активизация генитивных именований в Обонежье. Н. Шайжин приводит следующие сведения по деревням Нигижемско-Георгиевского прихода (Пудожский погост) за 1628 г.: дер. *Ивана Онтонова Патракова,* а Окулова тож; дер. *Павлика Савина*, а Каршева тож; дер. *Филипка Яковлева,* а Шильникова тож; дер. *Спирка Иванова,* а Великий Двор тож; дер. *Афонаска Яковлева,* Игнатовская Якушевская тож; дер. *Максимка Лукина,* а Фокина тож; дер. *Микулки Давыдова,* а Матвеевская тож; дер. *Осипка Иванова,* над Пертом-озером; дер. *Ефремка Ортемова,* а Никитинская тож [Шайжин, 1906: 306–307].

Возникновение новых топонимов в ряде случаев отчетливо связывается с новым владельцем, ср.: дер. на берегу реки словет *Панфиловская*: Иванко *Панфилов* Сухарь; дер. на берегу же на Яме

словет *Буинасовская*: Ондрюшка Семенов да Никитка *Буинасов*; дер. Кондратовская словет *Воробьево*: ...Митя да Рогозина *Воробьевы*; дер. Рогачево словет *Гладышево*: ...Сенка *Гладышов*; дер. в Паницах *Коровниково*: Федотко Федоров *Коровников*; дер. Суземье словет на Нутри *Енина*: ...Филипко *Енин*; дер. Орининская словет *Горлова*: ...Сенка Васильев *Горлов* [ПКОП: 148–150].

Смена одного номинатива другим, номинатива локативом, реже генитивом говорит о неустойчивости наименований данного периода. Это явление как закономерное отмечено топонимистами: «Топонимика в части названий мелких объектов вообще сранительно малоустойчива; имена этого рода меняются нередко через одно-два поколения, особенно в соответствии со сменой тех лиц, с деятельностью которых связаны этого рода названия» [Попов, 1965: 152]. В к. XVI в. имеют место самые разные виды наименований. Вот пример из грамоты этого времени, относящийся к другой территории:

> *...пожаловал деревнею у Вонозера Якушевское, деревнею у Воно ж озера Малофейково; деревнею у того же озера Васюковское да Максимова, деревнею у того же озера Никиткино да сына его Нифонтика, ...да в Рождественском погосте деревнею Пирщинскою в Вардимоле Олфейково, пустошью, что была (деревня) в Пиркиничах у погоста Лучкино да Федково, пустошью, что была деревня Михайловская, пустошью, что была деревня на реке на Свери, усадище посника Ондреева сына Спячева, да ввопчи с Иваном да с Хрипуном з Жегловыми, что была деревня в Вардимоле Костково.*

1593 г. — Послушная грамота новгородского митрополита Варлаама крестьянам деревень в Вонозере Важенского погоста и в Тепеничах Пиркинского погоста, отданных в поместье софийскому сыну боярскому Василию Лутохину [Гейман: 337].

В XVII в. сохраняются отмеченные ранее типы топонимов, но документы этого времени отражают стремление заменять локативные конструкции номинативными. Об этом ярко свидетельствует следующий пример:

> *...пожаловал де Кижском погосте пустошью Юхновскою на Роксе, да пустошью на Мусть-наволоке Осиповщиною... пустоши Роксу и Осиповщину... отвел и по старым межам*

размежевал… отнял у них от монастырских пустошей от Роксы и от Осиповщины исконвечные монастырские угодья: Березовую селгу и Кодонаволок, Кужеев обод и Логовой, да в Копаницы у мельницы островок, да на усть Яндомы речке у мельницы пустошь Юхновскую…

1660 г. — Грамота из Новгородского приказа новгородскому воеводе князю Гигорию Куракину о размежевании земельных владений Климецкого монастыря и крестьян Кижского погоста [Мюллер: 141–142].

Длительное существование топонимов локативного типа можно объяснить не только традицией, но и тем, что еще в XVII в. на территории Заонежья у слова *деревня* сохраняется значение ‛комплекс земельных угодий', ср.:

А я сирота сверх коренового деревенского згодья чистил вново пожни и полянки, и то они все хотят у меня отнять силно, а сами вновь ничего не причищают. А тот Петр деревнями рядом торгует, купит да продаст.

1650 г. — Челобитная крестьянина Шунгского погоста Романа Алексеева о сыске по делу о попытке крестьянина Петра Бегунова завладеть его деревенским участком [Мюллер: 110].

А у того дьячка есть под ним 3 печища и 3 деревни, владеет церковною землею и отца своего деревнею и моей деревнею сверх тех деревень.

1651 г. — Челобитная крестьянина Линдозерского погоста Ивана Григорьева о разрешении выкупить деревенский участок, проданный им дьячку Ивану Афиногенову [Мюллер: 116].

Здесь отражено «первоначальное, еще не расчленившееся понятие деревни», которое «обнимало расчистку с поселением на ней». Отсюда «продать, купить деревню» подразумевало все хозяйство с землей и угодьями» [Витов, 1962: 102]. Попутно заметим, что в к. XVII в. на территории Карелии слово *деревня* употребляется и в новом значении — ‛многодворное поселение сельского типа без прилегающих к нему земельных угодий', о чем свидетельствуют данные, по крайней мере, трех грамот за 1685 г., 1689 г. и 1694 г. [Мюллер: 298, 313, 350]. Наименования таких деревень представлены номинативным типом.

В целом отмечено движение в сторону увеличения номинативного типа наименований. Этот процесс развивается, хотя и неравномерно, вплоть до XVIII в. По данным М. В. Витова, количество беспредложных конструкций в 1718 г. по Шунгскому погосту составляло всего 4%, в 1788 г. — 2% [Витов, 1967: 88].

Локативный тип топонима не исчез сразу и бесследно. Еще в первой половине XX в. он продолжает удерживаться в официальной топонимии. По сведениям 1905 г. на исследуемой территории отмечены следующие названия населенных пунктов:

У глубокого озера	*О Ваму реку о Боровой пор.*
О Филиппов ручей	*О Водлу реку о Вамский пор.*
Над Водлой рекой	*Салма у Гахкозера*
По Выгу реке	*Часовенска у Пречистой*
По Лексы реке	*Горы у мельниц*

У Шелеха [СНМ, 1905: 244, 246, 248, 254, 270, 284, 288, 290].

В материалах переписи 1926 г. обнаруживаются некоторые из этих названий деревень и новые, ср.:

По Выгу реке	*По Лексе реке Дощеникова*
Горы у мельниц	*Горы — что у мельниц*
Салма у Гахкозера	*У Соснова озера*

Над Водлой рекой (Усть-Колода)
В Тарасовой губе Онежского озера — выселок
О Водлу реку Боровой порог, Верхняя половина
О Водлу реку Боровой порог, Нижняя половина
[СНМ, 1926: 38, 39, 42, 85, 86, 104, 106, 107].

В 1933 г. зафиксировано уже значительно меньше таких названий в официальной топонимии, но все же они есть:

По Выгу реке
По Лексе реке
Палозеро на бору
О Водлу реку верхняя половина
О Водлу реку нижняя половина
Над Водлой рекой [СНМ, 1933: 26, 32, 77, 80].

В списке населенных пунктов 1948 г. имеется только одно официальное наименование локативного типа — *Над Водлой рекой* [СНМ, 1948: 99].

В настоящее время в официальной топонимии известен лишь один тип наименований населенных пунктов — номинативный. Данные экспедиции 1977 г. отражают современное состояние топонимической системы. Из 430 топонимов разного рода, отмеченных в Медвежьегорском и Пудожском районах, 171 является обозначением незаселенных мест, разного рода земельных угодий, и лишь 9 из них выражены предложно-именной конструкцией:

В Беляши́хе (болото)
В Ве́ньгине (болото)
На Мельнице полосы (пожня)
Николая Харламова остров у бро́ду (пожня)
У Мельницы покос (пожня)
Под Ки́вень-горой (покос)
Под Кинозёровой (покос)
Под Ка́гремой (омут)
Межу́мосты (поляна).

Все они представляют собой остатки бывшего локативного типа, ср.: *Кивень-гора, Кагрема, Кинозерово* — названия отдельных мест в Пудожском районе.

Реликтовые наименования относятся исключительно к микротопонимии. Сравнение с архангельскими [Симина, 1969] и новгородскими [Строгова, 1976; Никитин, 1967] микротопонимическими материалами позволяет сделать вывод о том, что локативный тип наименований в микротопонимии Карелии представлен несколько меньше, чем в архангельских и новгородских топосистемах, хотя окончательные выводы делать не следует за отсутствием абсолютной полноты материалов.

Генитивы в микротопонимии исключительно редки: *Лупашко́ва креста болото, Николая Харламова остров у броду* (Пудожский р-н).

Итак, в целом историческое развитие топонимов юго-восточной части Карелии идет от предложно-падежных конструкций, заключающих в себе название-ориентир, к номинативным. Ориентирные наименования в XI–XVI вв. связываются с деревней, обозначающей комплекс земельных угодий, принадлежащих кому-либо. Позднее, с к. XVII — н. XVIII в. они продолжают употребляться по традиции, словом *деревня* обозначают

уже многодворное поселение сельского типа. Реликтовые формы названий локативного типа сохранились в современной микротопонимии.

ДАНИЛА ШЕЛЪГА И ТРЕТЬЯК УСТАЛЫЕ ГЛАЗА (из истории антропонимии Карелии)

Памятники письменности, относящиеся к Карелии, – писцовые книги Обонежской пятины, документы Палеостровского, Соловецкого монастырей, разнообразные акты, поступавшие в Олонецкую приказную избу, грамоты вкладные, данные, духовные, жалованные, купчие, кортомные, отводные, раздельные, разводные, челобитные и другие, различного рода дела, описи, записи, памяти, сказки и т. п. – содержат многочисленные материалы по антропонимии Карелии XV–XVII вв.

В информативном отношении особенно насыщенными являются писцовые книги, в которых представлены название разработанного под посев участка и имена поселившихся на нем людей, обладателей хозяйственного объекта и построек; нередко встречаются важные для изучения системы личных имен отантропонимические топонимы.

Ср. записи разных лет в писцовых книгах по Никольскому погосту в Шуньге: дер. *на Кивтене губе за мостком*: Васка *Медвежья Голова*, 1496 г. и дер. *в Кивтине губе за мостком Медвежья Голова*: Гаврилко Микулин да Иванко Микифоров Мустар, 1563 г. [ПКОП: 3, 149]. Часто имеет место и прямая ориентация топонима на владельца: дер. на берегу на Яме словет *Буинасовская*: Ондрюшка Семенов да Никитка *Буинасов*, 1563 г. [ПКОП: 148]. Ср. также: дер. Шаржуга *Демеховское Одного Ногаткина Палкин след* да детей его Фомки да Степанка да Неронка, 1563 г. [ПКОП: 194].

Определенные черты антропонимии XVI в. отражены не только в именованиях крестьян, составляющих большую часть всех личных имен, но и писцов (чаще дьяков и дьячков). Так, до 70-х гг. XVI в. имена дьяков и дьячков почти не различались в структурном отношении (приводим материалы по [Гейман], указывая только страницы): дьяк кузаранские волости *Иванец Денисьев сын*, 1540 г. (143), дияк церковной *Ивашко Михайлов*, 1543 г. (150), земской дияк *Фетько Шевель Никифоров сын*, 1546 г.

(151), выгозерский диячек преображенской *Стефанец Козмин сын Понкратьев*, 1565 г. (197); с 70-х гг заметна существенная разница: дьяки — *Иван Собакин*, 1573–1574 гг. (225, 230), *Семен Мишурин*, 1574 г. (230, 234), *Ондрей Клобуков*, 1575 г. (240), *Илья Осеев*, 1575 г. (242), *Посник Хворощин*, 1576–1578 гг. (244, 254, 266), *Третьяк Репьев*, 1581 г. (274); дьячки — *Богданец Никитин*, 1571–1583 гг. (207, 243, 253, 262–265, 268, 271–283), *Нечайко Климентьев*, 1571 г. (210), он же *Нечаец Климентьев*, 1585 г. (288), *Якушко* (*Якуш*) *Григорьев*, 1585–1589 гг. (291–301) и т. п. Суффиксы *-ец, -ко* (*-ка*) представлены преимущественно в именах дьячков. Эта тенденция наблюдается и в XVII в. (приводятся данные по [Мюллер]): в Керети керецкой церковной дьячек *Олексейко Овдокимов сын Попов*, 1605 г. (18), юштозерский дьячек *Дружинка Герасимов*, 1659 г. (136), в Шуйском погосте ... дьячек *Савка Степанов сын Сивков*, 1672 г. (207). Ср.: Пудожского погоста дьякон *Михайло Афанасьев*, 1690 г. (318).

Разные именования людей, обусловленные их социальным положением, часто соседствуют в одном документе. Приведем данные Дела о спорном движимом и недвижимом имуществе крестьян Кижского погоста Акима Васильева и Дорофея Ларионова 1666–67 гг.: воевода *Василий Александрович Чеглоков*, поп *Еремиищо Корнилов* (и *Еремей Корнилов*), поп *Семенищо Корнилов*; думный дворянин и воевода *Замятня Федорович Левонтьев*; дьяк *Иван Олухов*, дьячок *Сенка Фалелеев*, староста *Иван Архипов Шкуль*; Шунского погоста *Петр*, прозвищо *Волк*, староста; Кижского погоста Великогубского конца староста *Василий Павлов*; *Мишка*, прозвище *Рябина*; *Матрена Ермолинская вдова* и сын ее *Мишка Ермолин*; старец *Иона*; пахори *Григорий Охромиев*, *Архип Андреев* и др.; истец *Якимко Васильев*, он же *Якимко*; ответчик *Дорофей* (*Дорофий, Дорофийко*) *Ларивонов*, он же *Дорошка*; брат *Дорофиев* — *Курява Иван Ларивонов*, он же *Курява Ларивонов* и т. п. [Мюллер: 184–189].

Налицо зависимость имени человека от его положения в социальной структуре общества. Известно, что имена на *-ко* (*-ка*) закреплялись за людьми низшего сословия. «Употребление уменьшительно-уничижительных образований от имен собственных лиц, относящихся к угнетаемым группировкам русского общества XVII в. (*Васька, Ивашко, Родивонко*), характерно для цело-

го ряда деловых документов официально- и частно-делового характера» [Волков, 1974: 139]. Можно полагать, что подобные именования людей отражают особенности разговорной речи описываемого периода на ономастическом уровне.

Анализируемые источники охватывают Кемь, Кереть, Шуерецкое, Масельгу, Выгозеро, Шуньгу, Кузаранду, Толвую, Лижму, Ругозеро, Кижи, Олонец, Святозеро, Пудож, Вытегру и другие пункты вокруг Онежского озера на север и на запад от него. Среди исследуемых памятников особо выделим вкладные, описи, завещания, относящиеся к Спасо-Каргопольскому монастырю [см. СП]. Территория Каргополья интересна не только потому, что она непосредственно соседствует с Обонежьем, но и в связи с тем, что среди вкладчиков в монастырское хозяйство были выходцы из Карелии [старец *Ондреян, Заонежец; Июда Корелянин* — СП: 50; *Оникей, Максимов сын, Пудожанин* — СП: 55]. Помимо бытовой лексики, эти документы содержат и сведения по антропонимии, которые дополняют наши представления о состоянии системы именования людей, их структуре, принципах номинации, ср.: *Фома Шалга*, 1550–1553 гг. [СП: 23], *Окулъ Сальное Рыло*, 1573 г. [СП: 33], *Кузма Заколупа*, 1540 г. [СП: 13], отсутствующие в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского [Веселовский, 1974].

Изучение указанных памятников письменности дает возможность выявить состояние антропонимической системы данной территории, тенденции ее развития, установить общерусские и локальные особенности. Обратим внимание на антропонимы, имеющие в своем составе русские некалендарные имена, которые непосредственно связаны с лексическим составом русского языка XV–XVII вв.

Структурные типы именований людей в этот период разнообразны. В писцовых книгах 1496 г. по Обонежью имена крестьян, содержащие русское некалендарное имя или образование от него, являются преимущественно двухкомпонентными, составляя 84%. Приведем данные по ПКОП: *Ивашко Головарь, Микулка Скоморох, Михейко Пыхач, Якуш Новгородец, Якуш Теряев, Палка Локоть, Васька Чермной* (Погост Никольский в Шуньге: 2–9), *Ивашко Крюк, Максимко Томгуев* (Погост Вытегорский: 14–15). Примерно

10% составляют однокомпонентные антропонимы типа *Кубач, Мамонко, Жеребец, Кошута, Суслон, Сухой* [ПКОП: 15, 20, 21, 26). Около 6% приходится на трехкомпонентные имена: *Якушко Фомкин Пасынок* (Погост Никольский в Шуньге: 5), *Ивашко Максимов Щербина, Олиско Ивашков Глухова, Сидорик Васильев Зарубеженин* (Погост Вытегорский: 11, 15, 16), *Терех Нестеров Пасынок* (Погост Никольский Готслав волок: 18), *Гридкя Рука Терешкин* (Погост Ильинской в Веницах на Ояти: 39), *Михалко Гаврилков Мошник* (Погост Егорьевский в Коигушах: 48).

В к. XV в. в двухкомпонентных наименованиях на первом месте обычно находится русифицированное календарное имя на *-ко, -ка, -ик*, реже *-ок*; второе место занимает русский некалендарный антропонимический элемент. Приведем примеры из ПКОП 1496 г.: Сенка *Медведь*, Куземка *Гончар*, Гридка *Меринов*, Ивашко *Моклок*, Тораско *Бирич*, Васко *Лагун*, Офонаско *Колос*, Федко *Владыкин*, Ивашко *Хребет*, Овдокимко *Пороз*, Ивашко *Костыга*, Демидко *Лекач*, Нестерко *Прожывка*, Тимошка *Чухора*, Ондрейко *Жук*, Карпик *Рожай*, Никоник *Парнастай*, Микифорик *Волосов*, Окулик *Сторожов*, Петрок *Стегнов*, Петрок *Меженин* (с. 19, 21, 24, 29, 35, 50, 49, 20, 53, 54, 4, 14, 31, 6, 51).

В этот период некалендарные имена, входящие в антропоним в качестве второго члена, разнообразны по структуре. Они составляют пять групп [по данным ПКОП, 1496 г.):

1. Отапеллятивные антропонимы в виде существительных или именных сочетаний: Сенка *Голенищо*, Гридка *Дягил*, Кирилко *Треста*, Ивашко *Ус*, Еска *Горбач*, Васко *Шестник*, Федко *Рогач*, Дорожка *Дурак*, Ондрейко *Заец*, Сидорко *Зуй*, Трофимко *Казак*, Ондрейко *Козел*, Федко *Лизан*, Степан *Сумца*, Федко *Бобр*, Васка *Медвежья Голова* (с. 21, 5, 52, 4, 8, 35, 50–54, 3).
2. Именования по какому-л. признаку в виде имени прилагательного: Давыдко *Черной*, Васко *Чермной*, Степанко *Малой*, Якушко *Короткой* (с. 4, 9, 21, 24).
3. Прозвания по отцу на *–ов* (*-ев*), реже *–ин* (*-ын*), образованные от некалендарного имени: Якушко *Байцов*, Ивашко *Стребуков*, Ивашко *Хорошов*, Радивонко *Мамонов*, Васко *Келносов*, Макейко *Лажнев*, Якуш *Теряев*, Самсонко *Томгуев*,

Коска *Бачюрин*, Савка *Рагозин*, Степанко *Селюгин*, Климко *Девушин*, Овсейко *Свитин*, Григорей *Ногаткин*, Микитка *Бородин*, Микитка *Лопастнин*, Ивашко *Проскурницын* и др. (с. 25, 17, 43, 50, 37, 18, 31, 33, 20, 34, 11).

4. Прозвище на *-уй/-юй*: Васко *Вачюй*, Ивашко *Чевкуй*, Ивашко *Керчюй* (с. 5, 28, 35).
5. Именование по отцу в форме род. пад.: Якимъко *Дуброва*, Дорох *Бубенникова* (с. 49, 27).

В XVI–XVII вв. все эти элементы используются в составе антропонимов (данные XVI в. приводятся по [Гейман], XVII в. – по [Мюллер]):

1. Онуфрей Васильев *Галбач*, 1538–1539 гг. (132), Фома Кузмин сын *Телепень*, 1540 г. (143), Иван Дмитриев сын *Пшага*, 1543 г. (150), Федор Филиппов сын *Шога*, 1578 г. (262), Семен *Цымака*, 1587 г. (296), Иван Федоров *Шуига*, 1649 г., Данила *Шельга*, Ждан Иванов *Столб* (92).
2. Федка Тимофеев *Ветчаной*, 1556 г. (182), Посник *Спячий*, 1572 г. (217), Михайло *Жаркой*, 1612 г. (26), Назарий *Чистый*, 1647 г. (217), Гришка *Щелейской*, 1686 г. (305).
3. Михалко Степанов *Бочечников*, 1556 г. (182), Фетка Остафьев *Виричев*, 1556 г. (182), Истомка *Поряднин*, 1562 г. (192), Шестой *Лутохин*, 1572 г. (217), Степан Ондреев сын Равда *Кобрин*, 1572 г. (221), Исачко Андреев сын *Капшаков*, 1587 г. (297), Федка *Драничников*, 1648 г. (75), Созонко *Кежев*, 1684 г. (287), Григорей *Ведрин*, 1686 г. (303), Аввакумка *Чаблин*, 1694 г. (354), Яков *Прястенев*, 1664 г. (177), Надежа *Колюбакин*, 1669 г. (195).
4. Федор Васильев сын *Лотуй*, 1571 г. (201), Ортемий Родионов сын *Туруй*, 1571 г. (207), Семен Фомин сын *Симкуй*, 1579 г. (271), Тимофей Яковлев сын *Певкуй*, 1587 г. (296).
5. Паук Петров сын *Заболоцкого*, 1555 г. (177), Гриша Офонасов сын *Сухоноса*, 1556 г. (184), Федор *Приезжего*, 1684 г. (282), Гостюшко *Пятого*, 1642 г. (50), Оска Исаков *Кукоя*, 1675 г. (226), Иларион *Смирного*, 1677 г. (249), Федка *Вострого*, 1690 г. (319).

Наиболее активны некалендарные элементы первой и третьей групп.

Отметим факт сосуществования мужских имен на *-ка* и *-ко* довольно длительный период. В частности, по данным И. А. Черняковой, представившей населенность деревни Клементьевской Сенногубской волости Кижского погоста в XVII в. в виде таблицы, на каждом этапе преобладали имена на *-ка*, но были и имена на *-ко*: 1616 г. — *Жаданка, Федка, Васка, Микитка* и *Миронко*; 1628 г. — из 10 имен только 2 на *-ко* — *Трофимко* и *Якушко*; 1646 г. — 4 на *-ка* и 3 на *-ко* — *Якушко* (1), *Ивашко* (2); 1678 г. — 18 на *-ка* и 9 на *-ко*; 1696 г. — 27 на *-ка* и 14 на *-ко*. Имена *Ивашко, Якушко* в данном селении в XVII в. известны только в этом варианте — *Ивашко, Якушко* [Чернякова, 1998: 201]. В д. Суйсари Северной в к. XVII в. также имя *Ивашко* отмечено исключительно с конечным *-ко* [Чернякова, 1997: 48].

В XVI–XVII вв. происходит усложнение антропонимической системы за счет трех- и четырехкомпонентных именований. Данные по [Гейман] и [Мюллер]: *Онуфрей Васильев Галбач, Офимей Микофоров сын Сосунов*, 1538 г. (133), *Иван Вязга Офонасьев сын Сукова*, 1538 г. (131), *Семак Андреев сын Кондаков Губаниных*, 1574 г. (233), *Кирьяк Семенов сын Гирмоев, прозвище Русин*, 1585 г. (288) и т. п. В этот же период активны и двухкомпонентные имена: *Иван Кика*, 1572 г. (216), *Нечай Гундал*, 1578 г. (261), *Злоба Бухвостов*, 1572 г. (219), *Кот Лазарев*, 1593 г. (340), *Герасим Ладва*, 1668 г. (191), *Рахманин Болдырев*, 1628 г. (35), *Ивашко Шала*, 1693 г. (341). Особо выделяются имена, включающие словосочетания: *Третьяк сапожной швец Усталые Глаза*, 1593 г. [СП: 62], *Окулъ Сальное Рыло*, 1573 г. [СП: 33], *Иванко Великая Голова*, 1563 г. [СГКЭ: 446], *Попко Медной Судоплат*, 1663 г. (161), *Василей Борисов сын Рогатых Вшей*, 1588 г. [СП: 55].

В описываемом материале обнаруживаются антропонимы, не отмеченные в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского, напр.: Васко *Шалярдай*, Сенка *Чимак*, Степанко *Жегарь*, Агафонко *Фаустов*, Терешко *Фенов*, Демидко *Лекач*, 1496 г. [ПКОП: 3, 12, 19, 36, 50, 53]. Соответствующие апеллятивы, как правило, отсутствуют и в областных словарях. Эти данные могут служить дополнительным источником реконструкции лексического состава русских говоров Карелии и сопредельных территорий в XV–XVII вв. Ср. также данные по [Гейман] и [Мюллер]: Захарий Леонтьев сын *Варач*,

1586 г. (292), *Веледейко* Трофимов, 1675 г. (222), Нечай *Гундал*, 1578 г. (261), Анофрей *Гяжа*, 1664 г. (179), Григорей *Кенгуй*, 1558 г. (187), Лучка *Крокач*, 1649 г. (78), Александро Еремеев сын *Ошмакда*, 1540 г. (143), Иван Кирилов сын *Пельяка*, 1579 г. (172), Олферий *Ромша*, 1605 г. (17), Тимофей Павлов сын *Тюлча*, 1574 г. (232), Иван Офонасов сын *Холдыга*, 1556 г. (184), Федор Фефилов сын *Шога*, 1588 г. (302). Приведенные именования дают основания восстановить в лексической системе севернорусских говоров XVI–XVII вв. такие слова, как *варач, веледей, гундал, гяжа, кенгуй, крокач, ошмакда, пельяка, ромша, тюльча, холдыга, шога* или их однокорневые.

Производящие слова для русских антропонимических элементов — это не только существительные со значением лица, отражающие те или иные признаки лица (имена *Шипуля, Томила, Злоба, Гневаш, Молчан, Шевел, Роспутка, Гулен* образованы от *шипуля* 'тот, кто шипит', *гневаш* 'тот, кто гневается' и т. п.). Функцию производящего слова выполняют и слова, первоначально не соотносимые с характеристикой лица, но впоследствии, приобретя переносное значение, они получают возможность перехода в антропоним (такие, как *Обора, Охлопок, Чебот, Бурак, Кика, Кулема, Желна, Рагоза, Падора, Шелга* возникли от *обора* 'завязка у лаптей', *охлопок* 'клок пакли, пеньки или льна', *чебот* 'глубокий башмак или сапог на каблуке', *бурак* 'берестяной сосуд', *кика* 'женский головной убор', *кулема* 'ловушка на зверя', *желна* 'птица из рода дятлов', *рагоза* 'брань, ссора', *падора* 'дождь со снегом', *шелга* 'лесистая возвышенность').

Отметим, что исследуемые личные имена и прозвания в целом не отличаются от общерусских как по значению апеллятивной мотивирующей основы, так и в структурном плане, о чем свидетельствует сопоставление с данными А. М. Селищева [Селищев, 1968] и В. К. Чичагова [Чичагов, 1959].

В местной антропонимии XV–XVII вв. отразились контакты русского и прибалтийско-финского населения. Ряд имен образован по русской словообразовательной модели от финских корней, ср. данные XVI в. по [Гейман], XVII в. по [Мюллер] и др.: Нечай Иванов сын *Пергуев*, 1579 г. (271) — от *perkuu* 'расчистка поля под пашню'; Федка *Поллуев*, 1687 г. (308) — от *pullea* 'пухлый, пышный'; Якушко *Румпин*, 1675 г. (221) — от *rumpu* 'барабан'; Фе-

досейко *Пеллев*, 1676 г. (235) — от *pelle* 'шут'; Алексей Яковлев сын *Лембитов*, 1575 г. (240) — от *lempi* 'любовь'; Григорей *Кенгуй*, 1558 г. (187) — от *kengittaja* 'кузнец'; Петр *Хилков*, 1647 г. (57) — от *hilkka* 'шапочка, чепчик'; Ивашко *Куттоев*, 1684 г. (279) — от *kuttu* 'коза'; Русин Семенов сын *Гирмоев*, 1588 г. (302) — от *hirmu* 'ужас'; Панфилко *Варгуев*, 1496 г. [ПКОП: 12] — от *varkaan* 'вор'; Ларивонко *Лентуев*, 1496 г. [ПКОП: 56] — от *lento* 'полет'.

Иноязычные по происхождению антропонимы, как правило, характеризуются необычными для русского языка сочетаниями звуков, такими, как *гя, кк, лк, нж, рг, лл, мп, мб, рм, нт* и др.: по [Мюллер] — Анофрей *Гяжа*, 1664 г. (179), Костка *Гяжин*, 1687 г. (308), Иван Васильев *Меккелев*, 1689 г. (313), Ивашка *Куттоев*, 1684 г. (279), Ивашко Иванов *Килкушева*, 1675 г. (224); по [Гейман] — Кирила *Конжуев*, 1574 г. (232) и т. п.

При наличии фонетической вариантности в именах иноязычный источник иногда дает возможность установить направление фонетического процесса в говоре, ср.: Ивашко Остафьев *Хид*, 1556 г. [Гейман: 183] и Иван Остафьев сын *Хедой*, 1558 г. [Гейман: 187] — от *hidas* 'медлительный'. Однако относительно антропонима *Хедой* вполне допустима и иная интерпретация: *Хѣдой* ← *хѣдой* 'седой'; ср. топоним *Хѣдово* [Зализняк, 1995: 37]. Возможно, прозвание *Хедой* обусловлено наличием внешнего признака, седины волос. Северо-западные говоры сохранили слова, в которых не отразилась вторая палатализация, такие, как *кевка* 'шпулька' при общерусском *цевка, кеп* 'ручная молотилка, цеп' и др. [Глускина, 1968: 24–26], в этот разряд могут входить и *Хедой, Хедово*.

В целом для описываемой антропонимической системы XV–XVII вв. характерны общерусские черты. Своеобразие составляют некалендарные элементы, отражающие местную и иноязычную лексику.

Современные неофициальные антропонимические системы ряда населенных пунктов Карелии с русским населением сохраняют остатки древних структур: *Анна Паскиных Пакулина* — именование жительницы села Колежма Беломорского района, в говоре которого имеется довольно много архаических черт в связи с отдаленностью от центра и слабой, нерегулярной связью с

другими населенными пунктами. Одной из задач изучения антропонимии данной территории является выяснение состава апеллятивной лексики как базы для образования личных имен; значительная часть апеллятивов поможет восстановить более полно лексический пласт русского языка XV–XVII вв., уточнить пути межъязыкового контактирования в одной из периферийных зон славянского мира.

МИР ВОКРУГ НАС

Небо, поле, лес, озеро, река — все, что нас окружает, имеет название, и не только общеизвестное, но и местное. Иногда пожилые носители говора не отвечают на простой вопрос, поставленный собирателем лексики — диалектологом, так как то или иное привычное для нас, пользующихся литературным языком, слово не входит в архаический слой говора. Так, в с. Колежма Беломорского р-на Карелии еще в 80-е гг. прошлого века некоторые пожилые люди «не знали», какие бывают облака. Оказывается, такой вопрос нельзя было задавать по той причине, что слово *облако* не может иметь в беломорских и кемских говорах форму множественного числа, так как оно имеет значение `небо': «*Ой, какое óблако-то сегодня чистое!*» (сказано о совершенно чистом, яркосинем небе); «*Сполохи играют — в крепкий мороз быват. Óблако-то тако зелёно, ясно, и звёздоцьки по всему óблаку. Ясень на облаке, звёздоцьки на óблаке, месяц на óблаке, всё быват на óблаке*» [СРГК, IV: 86]. Однако слово *óблако* отмечено и в общеизвестном значении: *вéтреное óблако* `перистое облако' в терских говорах, *жаровóе óблако* `кучевое облако' в подпорожских говорах [Там же].

Слово *óблако* `облако, туча' русский язык заимствовал из старославянского в виде *облакъ, -о*, образованного от *\*obvolkati → облакати* `окружать, одевать' [КЭСРЯ: 298], известного еще в XVI в. [СлРЯ, XII: 66]. Ему соответствует собственно русское *óболок, óболоко*, сохранившееся преимущественно в севернорусских говорах [СРНГ, XXII: 166]; *óболоко* `атмосферные осадки в виде подтаявшего града, подмерзших снежинок' в тихвинских; *óболок, оболóка, оболýга* `облако, туча' отмечены в пудожских, каргопольских, плесецких, белозерских, кирилловских, бабаевских, вашкинских, череповецких, подпорожских, лодейнопольских, тихвинских; *оболóка* `одежда' бытует в каргопольских говорах [СРГК, IV: 99–100]. Группа однокорневых слов с близкой семантикой довольно значительна [Там же].

В петрозаводских говорах в к. XIX в. слово *облака́* обозначало 'пяла — часть телеги' [СРНГ, XXII: 83], то есть накладываемая на телегу рама для увеличения ширины телеги, своего рода обрамление. В каргопольских говорах близко к этому слово *облока́* 'отводы у саней' [СРНГ, XXII: 107], с помощью этих отводов сани также делаются шире. Ср. *оболо́к* 'крыша, съемный верх на повозке или санях', 'обертка; покрышка, крышка' без указания места [СРНГ, XXII: 164]. В южнорусских говорах развилась несколько иная семантика: *о́болок* 'облик, вид, лицо' в сталинградских, *обо́лок* 'доска-горбыль' в орловских и брянских говорах [СРНГ, XXII: 164], *о́блак* 'большое веретье (вид мешка), наполненное чем-л.' в курских [СРНГ, XXII: 83]. Не останавливаясь на многочисленных однокорневых словах в русском языке, напр., *оболо́чка, облачи́ться* и т. п., обратим внимание на то, что основная сема, объединяющая их, — это 'внешняя оболочка чего-л.' В связи с этим становится понятной мотивированность слова *о́блако* 'небо' в кемских и беломорских говорах Карелии, сохраняющего древнейший семантический компонент: небо в восприятии человека является как бы оболочкой для земного шара. По имеющимся данным, слово *о́блако* 'небо' является семантическим регионализмом, известным только в говорах окраинной зоны Славии — Карелького Поморья.

Слово *не́бо* — «общеслав. индоевр. характера (ср. др.-инд. *nabhas* — 'туман, облака', греч. *nebhos* — то же, лат. *nebula* 'туман' и т. д.)» [КЭСРЯ: 286], — естественно, известно большинству говоров, как и литературному языку, в значении 'видимое над поверхностью земли воздушное пространство в форме свода, купола' [БАС, VII: 709]. Однако в киришских говорах отмечено употребление *нёбо провали́лось* 'о продолжительном ненастье' [СРГК, III: 401], что, возможно, является отголоском древнейшей семантики праслав. **nebo*, и.-е. **nebhos-*, относительно которых «речь может идти только о названии облачного неба, или облака/облаков» [ЭССЯ, XXIV: 103]. *Небо, нёбо* бытует в разных русских говорах и в значении 'верхняя часть свода русской печи', а также 'верхняя внутрення часть, потолок берлоги' [СРНГ, XX: 319], последнее также в любытинских говорах [СРГК, III: 401].

Как видим, в семантике слов *нéбо* и *óблако* изначально как бы «переплелись» представления о небесном своде как оболочке земли и о наполненности его влагой. Для обозначения пространства вокруг земли некоторые говоры Карелии избрали слово *óблако* с древнейшей семантикой. *Облако* же в общеизвестном значении — ‛сгустившиеся водяные пары в виде массы плотного тумана, скопившиеся высоко в воздухе’ — заменено словом *тéмень*, мн. ч. *теменя́*: «*Тéменя-то, видите, плывут, дождь будет*» — Кандалакша; чаще слово *тéмень* известно в значении ‛туча’ — в сегежских, кемских, беломорских, медвежьегорских, кондопожских, онежских говорах [КСРГК]. Ср. также *темени́ть* ‛становиться облачным (о небе)’ в терских говорах, *теменнóй* ‛пасмурный’ в беломорских, *тéменно* ‛облачно, пасмурно’ в медвежьегорских говорах [Там же]. Следовательно, если в литературном языке имеется лексико-семантическое соотношение *нéбо — óблако*, то в кемских и беломорских говорах Карелии ему соответствует *óблако — тéмень*.

	‛небо’	‛облако’
лит. яз.	*нéбо*	*óблако*
говоры	*óблако*	*тéмень*

Своеобразная системная организация лексики, связанной с обозначением неба и облаков на нем, характерна и для других говоров. В частности отметим наличие в водлозерском говоре слов *ту́ча, нéбо, жиха́рка*, сочетания *ста́рое нéбо*. Последнее употребляется применительно к просветам между тучами, затянувшими все небо: «*Ста́ро нéбо* показалось, когда ту́чи, а потом голубы-то места-то есть, вот это *ста́ро нéбо* показалосе» — Куганаволок. При восприятии описанной ситуации проявляется представление о пространстве над землей без облаков — старом небе, во-первых, и о слое туч, сплошь покрывших небо, — потенциально новом небе, во-вторых.

Любопытно семантическое преобразование, в результате которого в говорах Водлозерья возникло слово *жихари́ца*, а также *жиха́рка* в значении ‛темная туча’: «Не идёт ли оттуда (со стороны озера) *жихари́ца*, туча така тёмна, неприветлива? Туча идёт, *жиха́рка, жихари́ца*, стават оттуда небасенька» — Куганаволок.

Говору известно и однокорневое *жихарёнок* — в сравнении о чумазом ребенке: «Робята го́лзают на одной ноги, вымажутся — [о них скажут], что *жихарёнок* [= что чертенок]» — Куганаволок. Ср. *жихарёнок* `дитя домового' в соседних каргопольских говорах [СРГК, II: 70]. *Жихари́ца* и *жихарка* `темная туча' подверглись семантическому преобразованию: *жи́харь* `злой дух в доме' возникло в результате вторичной номинации и употребляется в бранных выражениях [Черепанова, 1983: 56, 76]; идея злого духа заложена и в потенциальном значении слов *жиха́рка, жихари́ца* — жен. от *жи́харь*, которые сохранили в говоре последнюю семантическую ступень из цепи преобразований — `темная туча' (от темной тучи можно ждать только зла, в частности грозы).

Пасмурная погода с моросящим дождем и туманом, а также туман могут быть названы *па́морок, па́морока, па́мороха, па́морога* в кандалакшских, медвежьегорских, пудожских, бабаевских, устюженских, чагодощенских, череповецких, плесецких, онежских, тихвинских, лодейнопольских говорах [СРГК, IV: 386]. Ср.: «Кака *па́морока* сегодня! С утра небо затянуло, така вот *па́морока*. Вроде туман не туман, дождь не дождь, такой мелкий дождь» Медв. [Там же]. В этом же значении употребляется и *па́мороска* в чудовских говорах, *па́морось* и *па́мороть* в медвежьегорских [СРГК, IV: 387]. Как видим, в этих словах представлена древнейшая приставка *па-* с корневым *-морок* и *-морос*. *Мо́рок* известно преимущественно говорам Севера, Урала и Сибири в значениях `пасмурная, ненастная погода; облачно, пасмурно', `облако', `туман, сырость в воздухе' и др. [СРНГ, XVIII: 272], *мо́рос* `очень мелкий дождь' отмечено в медвежьегорских говорах [СРГК, III: 258]. *Мо́рок* — восточнославянское слово, входящее в одно этимологическое гнездо с *меркнуть, мрак* от **morkъ*. Слово *мо́рос* восходит к **morxъ/*morxa* и «будучи интерпретировано как **morgh-s-*... на славянской почве объединяется с русским *моросить, морось*, словен. *mršéti* `чуть слышно идти (о дожде)', слав. *\*mъrgati* (русск. *моргать* и др.)... Далее возводят к и.-е. *\*meregh-* `увлажнять, окроплять, течь, струиться'» [ЭССЯ, XIX: 222].

Мелкий дождь, изморось в прионежских говорах Карелии называют *су́мегой*: «Ой, *су́мега* сегодня, дождь со снегом, на улицу не охота выходить. *Су́межит* сегодня» — Таржеполь. *Су́межить* —

'моросить'. Исследователи относят слово *сýмега* к прибалтийско-финским по происхождению, ср. вепс. *sumeg, sumegi* 'изморось, очень мелкий дождь' [СВЯ: 526]; карел., ливв. *sumeh* 'изморось, мелкий дождь', *sumeta* 'хмуриться (о погоде)', *sumettua, sumerdua* 'моросить', *sumevihmaine* 'мелкий дождик' [СКЯМ: 349]; фин. *sumea* 'тусклый, мутный', 'туманный, мглистый' [ФРС: 592]. Однако обратим внимание на русский/славянский материал. *Мга* 'мокрый снег с дождем', 'изморось', *мжа* 'мелкий дождь, изморось', *мжить* 'моросить (о дожде)', известные преимущественно южнорусским говорам [СРНГ, XVIII: 62, 151], *пáмга* 'туман, выпадающий в виде мелкого дождя; пасмурная погода с мелким дождем' псковским, *пáмжа* 'погода (обычно плохая)' псковским и смоленским говорам [СРНГ, XXV: 184]. Глагол *сýмежить* имеется и в КСРНГ. Ср. также сербохорв. диал. *мегá* 'моросящий дождь', чеш. *mha* 'мгла', укр. *мгичка* 'мелкий дождь', укр. диал. *пáмег* 'туча, облако'; **mьga,* соотносящееся с **mьgla* и **mьžiti*, «родственно др.-инд. *mih-* 'дождь', нидерл. *miggelen* 'моросить'» [ЭССЯ, XXI: 92]; глагол *мжить* 'моросить', кроме русских говоров, известен украинскому, белорусскому, чешскому и польскому языкам [ЭССЯ, XXI: 182]. Исходя из славянских данных, есть основания включить слова *сýмега* и *сýмежить* в славянское этимологическое гнездо **mьga, *mьžiti* и видеть в них наличие древней приставки *су-*.

Среди названий ветров «историческим» можно назвать *шелóник* с его вариантами *шелóнник, шелóйник, шелóдник* 'юго-западный ветер' в кандалакшских, терских, североморских, кемских, лоухских, беломорских, кондопожских, медвежьегорских, прионежских, пудожских, онежских, волховских говорах [КСРГК]. Это слово может обозначать и 'ветер другого направления' в большей части названных говоров [Там же]. *Шелóн(н)ик, шалóник* 'юго-западный ветер' известно также новгородским, архангельским, мезенским, байкальским, иркутским, тобольским, колымским говорам. «Первонач. название ветра на озере Ильмень, образовано от названия реки, впадающей в это озеро с юго-запада, — Шелонь. Это название было распространено вместе с новгородской колонизацией вплоть до Северного Ледовитого океана и в Сибири, где нет рек с названием Шелонь» [Фасмер,

IV: 425]. Не останавливаясь на названиях ветра в русских говорах Карелии, отметим только, что роза ветров на каждом крупном водоеме своя, хотя многие элементы и совпадают (см., напр., [Прох, 1983: 46, 49]).

МОХ, БОЛÓТО, СОЛÓТИНА И ÓРГА
(названия болот)

Географическая терминология русских говоров Карелии отражает исключительное разнообразие ландшафта. Дифференцированность в наименованиях географических объектов составляет характерную черту этой группы слов. Значительное место в ее составе занимают наименования, обозначающие отрицательные формы рельефа, в частности низменные заболоченные места. Исследование лексики ландшафта русских говоров Карелии позволяет увидеть особенности состава и семантики географической терминологии на периферии славянской территории. Работами Н. И. Толстого, Л. В. Куркиной, Л. Г. Невской, В. М. Мокиенко, Ю. И. Чайкиной по географической лексике, А. К. Матвеева, А. И. Попова по топонимии подтверждается огромная важность изучения апеллятивной ландшафтной лексики для решения многих вопросов историко-лингвистического содержания. Географическая лексика относится к древнейшему пласту, «она меньше подвержена изменениям в процессе нивелирования говоров, чем лексика бытовая, чутко реагирующая на происходящие в социальной жизни изменения» [Попов, 1980: 13].

Рассмотрим наименования болот и их частей в русских говорах Карелии. Основной задачей для нас является описание состава и семантики тельмографической лексики, источников ее формирования.

I. Среди славянских наименований низменных и болотистых мест в русских говорах Карелии широко употребительными являются слова *болото, мох* и их производные. Встречающееся почти во всех славянских диалектах слово *болото*, как и *озеро, река, гора*, «служит обобщающим гидрологическим термином» [Толстой, 1969: 144]. На исследуемой территории слово *болото* обо-

значает прежде всего 'топкое и илистое низменное пространство, заполняемое стоячей водой'. Однако лексема имеет и другие, более узкие значения, свидетельствующие о выдвижении некоторых семантических признаков на первый план: *болото* 'топь' в медвежьегорских и кондопожских говорах, *болото* 'трясина', *болото* 'непроходимое место' в заонежских говорах. Развитие этих значений, вероятно, связано с наличием в говорах лексемы *мох* 'болото'.

Мох 'болото' известно кандалакшским, беломорским, кемским, медвежьегорским, пудожским говорам Карелии, а также говорам сопредельных территорий — терским, плесецким, онежским, тихвинским, волосовским, батецким, новгородским, солецким, чудовским [СРГК, III: 265]. В большинстве говоров Карелии наблюдается сложное семантическое взаимодействие лексем *болото* и *мох*, переходы от противопоставления к сходству. Чаще *мхом* называют болото, поросшее кустами, редкими деревьями, а *болотом* — открытое болотистое пространство. Ср. употребление в чудовских говорах Новгородской области: «*Где только сосны растут, так мох называют*»; это позволило составителям СРГК предположить (со знаком ?) наличие значения 'сосняк' у слова *мох* [Там же]. Наблюдается и параллельное употребление слов *болото* и *мох*, при преимущественном использовании то одного, то другого, что находит отражение и в микротопонимии:

> *Болота – Большо́й Мох, Ма́сленый Мошо́к есть, Лебя́жье боло́то есть, там ходили косить на мхах* (Кем., Гридино);
>
> *Подку́номох, Подкуномо́шно, Под Куномхо́м – тереба́* (сенокосные участки в лесу. — *Л. М.*), *Подку́номох – небольшая рада, а там болота, мхи. Морошка на мхах* (Белом., Вирма).

Ср. также названия болот в Медвежьегорском р-не:

> *Клю́квенное боло́то, Моро́шечное боло́то, Пусто́й Мох, Бездо́нные Ла́мбы* (Сенная Губа).

В исследуемых говорах активны суффиксальные образования от *болото* и *мох*. В медвежьегорских говорах, напр., *болоти́нка, боло́тко, болото́винка, боло́тце, суболо́ток* зафиксированы в значении 'небольшое болото', ряду говоров известно *боло́тище*

`большое болото '. Слово *боло́тина* имеет полярные значения – `большое болото' и `небольшое болото', отмеченные в системе одного говора (Медв., Тихвин Бор). Терским говорам известно слово *боло́тенько* `болото ' [СРГК, I: 89]. У Куликовского отмечено также *боло́тница* `мокрое место, болото ' в петрозаводских говорах [Куликовский: 5]. От слова *мох* образованы *мошо́к, мошо́чек* `небольшое болото ', *мшари́на, мшари́нка* `моховое болото ', широко известные на Севере [СРНГ, XIX: 47].

Выделяется ряд лексем и устойчивых сочетаний для названий болота с зыбкой поверхностью: *дыбу́н* – в беломорских и медвежьегорских, *зыбу́н* – в медвежьегорских, кондопожских, суоярвских, *зыба́н, изы́бки, зы́бкое боло́то* – в медвежьегорских, *зыбель* – в кандалакшских и белозерских, *зыби́на, зыбу́ха* – в кандалакшских, *зыбу́льник* – в череповецких, *зыбуне́ц, зыбуни́ще* – в кирилловских говорах [СРГК, II: 261; КСРГК].

Зыбу́н `зыбучее, качающееся болото, трясина' бытует в каргопольских говорах [Гусева, 1972: 124], *зыбу́н* `вязкое место' – в ярославских [Бондарчук, 1966: 168]. В соседних говорах Северо-Запада и Запада известно *зыбь* `болото', `трясина', по данным Ю. И. Чайкиной, отмечающей также наличие слова *зыбь* `поверхность болота' в белорусских диалектах, *zyb* `зыбь, трясина' в чешском языке, однокорневые образования в словенском [Чайкина, 1975: 23]. Лексемы *зыбу́н, зыба́н, изы́бки, зы́бель, зыби́на, зыбу́ха, зыбу́льник, зыбуне́ц, зыбуни́ще* связаны по образованию с лексико-семантическим диалектизмом общеславянской эпохи *зыбь* [Куркина, 1969: 140]. К местным словообразовательным диалектизмам могут быть отнесены *зыба́н, зыбу́льник, зыбуне́ц, зыбуни́ще, изы́бки*.

Дыбу́н `заросшее травой место в озере' отмечено в медвежьегорских говорах [КСРГК], `топкое болото, трясина' – там же [СРГК, II: 15]. Столетие назад *дыбун* `глинистое место, поросшее мхом, тростником' бытовало в заонежских, пудожских, вытегорских говорах [Куликовский: 21]. В печорских говорах, а также в говорах Кольского п-ова, Зауралья и Пермской обл. слово *дыбу́н* употребляется в значении `топкое, непроходимое болото, трясина' [СРНГ, VIII: 290], ярко отражающем зыбкость, неустойчивость почвы как главный признак географического объекта. Ср. *ды́ба́ть*

'качать, шатать, раскачивать' в архангельских и вологодских говорах, *ды́ба́ться* 'качаться, шататься, колебаться' в архангельских и беломорских говорах [СРНГ, VIII: 288], близко в терских [СРГК, II: 15], **dybati* — сербохорв. *dibati* 'шататься, качаться' [ЭССЯ, V: 197]. Л. В. Куркина относит слово *дыбу́н* к единичным обозначениям болот в отдельных славянских диалектах. Она говорит о продуктивном способе обозначения болот «по признаку, передаваемому глагольной основой», который «по-разному реализуется в славянских диалектах» [Куркина, 1969: 142–143].

В значении 'топкое, непроходимое болото или часть его' употребляются слова *топни́к, топня́к, грязь, глаз, я́зва, я́ма, у́гол, у́топель*.

Топни́к 'глубокое топкое место в болоте' известно медвежьегорским говорам. В каргопольских говорах *топь, то́пость* 'топкое место в болоте' [Гусева, 1972: 125]. Ср. *топи́ло* в белорусском Полесье, образования от *топ'*- с разными суффиксами в восточных и западных славянских языках [Толстой, 1969: 169–170]. Среди приводимых Н. И. Толстым терминов отсутствует *топни́к, топня́к*.

Грязь 'топкое болото с выступающим поверх мха илом' отмечено в медвежьегорских говорах. В кемских находим топоним *Грязна́я: Вон в Грязно́й журавли. Болото называется Грязна́, потому что топко болото* (Кем., Гридино). *Гря́зи* 'топи, болота' употребляется в северодвинских и печорских говорах, преимущественно в народно-поэтической речи [СРНГ, VII: 190]. В ряде западных и южных славянских языков известно *грязь* 'топь, трясина' и однокорневые слова [Толстой, 1972: 197].

В медвежьегорских говорах употребительны также *я́ма* 'топь, непроходимое место', *я́зва* 'топь, место в болоте, где нет дна'. В говорах Заонежья *глаз* — 'топкое место в болоте', в пудожских *глаз* — 'бездонная яма с водой в болоте'. Активны образования от *глаз*:

> *Глаз, глазовья в болоте, гла́зник – войдешь и не выйдешь* (Медв., Узкие).

Гла́зник 'топкое место, трясина на болоте' употребляется в медвежьегорских, кондопожских, прионежских, подпорожских, лодейнопольских, *гла́зник* 'окно с чистой водой на поверхности зарастающего озера' — в прионежских и лодейнопольских гово-

рах [СРГК, I: 337]. В вытегорских и пудожских говорах *глазови́на*, в подпорожских *гла́зики* — 'топкое место, трясина на болоте' [Там же]. *Глази́на, глазови́на* с этой же семантикой отмечено в архангельских говорах [СРНГ, VI: 187, 189]. В каргопольских говорах *глаза́, глазови́на* — 'окно воды в болоте' [Гусева, 1972: 126], в ярославских *глазни́к* — 'болотистое место, где вода пучится' [Бондарчук, 1966: 168]. В микротопонимии Пудожского р-на Карелии отмечено название *Глазови́тое боло́то*.

Топкое место в болоте обозначается также лексемами *родни́к* в медвежьегорских говорах, *у́гол* — в беломорских, *у́топель* — в пудожских. Ср. последнее с псковским *топе́ль* 'грязь, топкое место', брянским *топи́ль* 'топкое, вязкое место' [Толстой, 1969: 170]. Окно воды в болоте имеет наименования *озеркó, бу́чило* в медвежьегорских говорах. Лодейнопольским говорам слово *бу́чило* известно в значении 'непроходимое болото' [СРГК, I: 149].

Близким по семантике к анализируемым терминам стоит каргопольское *со́лоть* 'жидкий слой глины на берегу реки, втягивающий в себя' [Куликовский: 110]. В. И. Даль приводит *со́лоть* вост., *солоти́на* нвг., пск. в значении 'вязкое, жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото, на твердой подпочве, без трясины, инога со ржавцами' [Даль, IV: 267]. В ярославских говорах *со́лоть* 'топкое, заболоченное место', *солоти́на* 'место, где ходить нельзя' [Бондарчук, 1966: 168]. Видимо, до недавнего времени принадлежностью терминологической системы было и слово *соло́тина* 'топкое болото с застойной водой' в беломорских говорах: в микротопонимии с. Вирма имеется название болот *Соло́тина* и *За́рецкая Соло́тина*. В активном употреблении апеллятив *соло́тина* отсутствует, но отнесенность его к тельмографической лексике носители говора отчетливо осознают. Происходит живой процесс перехода апеллятива в топоним. Однокорневые слова имеются в укр., болг., сербохорв., словен. языках в значении 'соленая вода', 'соленое болото ', 'углекислая вода'; в чеш. и слвц. *slatina* 'болото ' [Фасмер, III: 714]. Последнее ближе всего по семантике к русскому *со́лоть, соло́тина*. Л. В. Куркина относит это слово к терминам, сохраняющим «черты вторичного семантического использования»: **soltь* от **solь* [Куркина, 1969: 142].

К аналогичным терминам может быть отнесено и слово *ржа́вченик* 'болото желтого цвета, точно покрытое ржавчиной' в пудожских говорах [Куликовский: 99]. В. И. Даль приводит *ржа́вец* 'ржавое болото, красножелезистая мочежина, родники из-под буро-желтой воды' [Даль, IV: 95]. В. М. Мокиенко считает, что слова с корнем *ржав-* в славянских языках и диалектах (в пск., смол., белор., польск. для обозначения болота; в сербохорв., словен. для обозначения вида земли) включаются в семантическую модель наименований по признаку цвета [Мокиенко, 1970: 73].

Признак наличия или отсутствия крупной растительности на болоте (деревьев, кустов) отражается в семантике ряда географических терминов. *Гладь* 'безлесное болото' бытует в медвежьегорских, пудожских, кондопожских говорах [КСРГК], *гладь* 'болотистое место' — в вытегорских говорах [СРГК, I: 336]. Аналогичную семантику имеют сочетания *гладкое болото* и *чистое болото* в медвежьегорских и прионежских говорах. Слово *гладь* известно также в значениях 'ровная поверхность' в пудожских, 'чистая поляна в лесу' в пудожских, медвежьегорских, кондопожских говорах. Ср. *прогла́дина* 'лесная поляна' в говорах Заонежья.

Сенокосное угодье на месте бывшего болота с кочками носит название *клоч* в беломорских, медвежьегорских, *клочева́тик* в беломорских говорах. *Клоч* 'кочка, бугорок (на болоте, лугу, поляне)' известно широко говорам Карелии, ленинградским, архангельским говорам [СРГК, II: 371]. В каргопольских говорах *клоч* — 'кочка на болоте', 'часть болота, леса', *клочу́ха* — 'кочковатое место на болоте' [Гусева, 1972: 125]. Ср. в вепсском языке *kloc* 'ком, кусок' [СВЯ: 211].

II. Остановимся на неславянской по происхождению лексике.

Ли́ва 'топь', 'низкое топкое место', 'низина, покрытая водой', 'низкое место на равнине', 'река, текущая подо мхом', 'место впадения реки, текущей подо мхом, в озеро' отмечено в пудожских и медвежьегорских говорах [КСРГК]. Сводный словарь русских говоров приводит *ли́ва* 'низкое, топкое, заливаемое водой место', известное говорам Карелии (пуд.), Кольск. п-ова, Урала, Сибири [СРНГ, XVII: 4]. В кемских и кандалакшских говорах употребительно *ли́ва* в значении 'морская водоросль' [СРГК, III: 122]. Широко представленный в русских говорах Севера ва-

риант *лыва* \`участок болота с зыбкой почвой' отмечен в пудожских, онежских, кирилловских, кадуйских, вашкинских, терских, *лывина* \`сырое, топкое болото ' в онежских и кадуйских говорах [СРГК, III: 162]; *лывка* \`труднопроходимый участок болота' в прионежских говорах [СРНГ, XVII: 218]. В медвежьегорских говорах *лыбкое место* \`зыбкое, топкое место в болоте' [Куликовский: 51].

Узколокальным является *лúва, лúвка* \`река, текущая подо мхом' в пудожских говорах [Карт. СРГК], *лúвный* \`проточный' там же [СРГК, III: 123]. К нему близко по семантике слово *лыва* \`проточное болото ' в усть-цилемских говорах Коми.

О возникновении слова *лúва* (*лыва*) в русских говорах имеются разные мнения. А. К. Матвеев, вслед за Я. Калима, относит *лыва*, бытующее в русских говорах Северного Урала в значениях \`болото в лесу', \`лужа' и под., к прибалтийско-финским заимствованиям [Матвеев, 1959: 15]; Фасмер считает *лúва* (*лыва*) заимствованием из фин., карел. *liiva* \`ил, тина' [Фасмер, II: 539]. Ю. И. Чайкина не без оснований видит появление слова *лыва* в Подвинье и Заволочье в результате заимствования из диалектов коми-зырянского языка. Принимая во внимание лексикографические данные, Ю. И. Чайкина говорит о семантическом переходе \`песок' → \`зыбкая рыхлая почва' → \`низкое болотистое место' (от коми диал. *lia, liva* \`песок', удмурт. *lyo*) [Чайкина, 1975: 31]. В. И. Лыткин возводит эти слова к общепермскому *\*lua* \`песок', которое, в свою очередь, имеет родственные параллели в фин. *liiva* \`кашеобразная масса', \`ил, тина', \`гной' [Лыткин, Гуляев, 1970]. Г. М. Керт включает в число саамских топонимов *Лива, Ливо* в Карелии, *Ливозеро* в Мурманской обл., *Liviojarvi, Livojoki* — в Финляндии, опираясь на саам. *livva* \`отдых оленей', но не исключает сравнение с карел. *liiva* \`тина в воде' [Керт, 1960: 90]. Думается, что *лúва* (*лыва*) в русских говорах Карелии возникли под влиянием соседних прибалтийско-финских языков, непосредственно контактирующих с ними. В пользу этого выступает и близость семантики слов в русских говорах Карелии и карельском и финском языках.

Я́нга употребляется в медвежьегорских говорах в нескольких значениях: 1) \`топкое место в болоте'; 2) \`глубокая яма в поле'; 3) \`каменистый берег озера'. В каргопольских говорах *я́нга*

'моховое топкое болото, поросшее небольшим сосновым лесом' [Куликовский: 142; Гусева 1972: 124]. Последнее ближе всего стоит к прибалтийско-финскому источнику: фин. *janka* 'большое болото, топь' [Фасмер, IV: 557]. Фасмер решает вопрос неоднозначно, не исключая возможность и саамского источника. А. К. Матвеев возводит *янга* 'труднопроходимое чистое болото', имеющее место в русских говорах Северного Урала, к заимствованиям из обско-угорских языков, ссылаясь на манс. *янгкыма* и под. 'чистое болото, болотистая местность, тундра'. «Полное звуковое и семантическое соответствие между олонецким и зауральским *янга* объясняется происхождением от родственных финно-угорских слов» [Матвеев, 1959: 81].

Ра́да 'болото ', чаще 'болото, покрытое лесом' «употребляется в западной группе северновеликорусских говоров (хотя там во многих местностях это слово неизвестно)» [Филин, 1936: 127]. *Ра́да* 'торфяное болото, покрытое лесом' отмечено столетие назад в медвежьегорских, повенецких, вытегорских говорах, 'болотный мох ' в каргопольских, уменьш. *ра́дица* в повенецких [Куликовский: 98]. В настоящее время в медвежьегорских, кемских, беломорских говорах употребительно *ра́да* 'болото с мелким лесом'. В медвежьегорских говорах в семантической структуре слова *ра́да* представлены и иные значения, а именно: 1) 'низкое, сырое, топкое место; 2) 'сухое пространство с крупным редким лесом'; 3) 'болотное растение (хвощ)'; 4) 'ягодное место'. У В. И. Даля *ра́да* арх. 'болотистый хвойник' [Даль, IV: 7]. В беломорских говорах *ра́да* 'низкое болотистое место, покрытое травой, редко мелким кустарником' [Елизаровский, 1958: 216], в речи кольских поморов *ра́да* — 'возвышенный участок на болоте, поросший мелким сосновым лесом' [ЖРКП: 130]. Ср. микротопоним *Тёщина Ра́да* в с. Вирма Беломорского р-на Карелии. Слово *ра́да* широко представлено в микротопонимии Виноградовского р-на Архангельской области, в основе которой лежит апеллятив в значении 'сырое низкое заболоченное место' [Алабугина, Иванова, 1974: 120–121].

В медвежьегорских говорах зафиксировано уменьш. *ра́дица,* а также *ра́дина*. Ср. в архангельских говорах образования *сура́док* 'рада малого размера, поросшая не только сосною, но и листвен-

ным лесом', *подрáдье* 'местность переходной формации, от обыкновенной к раде' [Подвысоцкий: 145].

Исследователи относят слово *рáда* к словам неясного происхождения [Фасмер, III: 429]. Семантическая связь может быть намечена, вероятно, у *рáда* 'болотное растение' и фин. *raate* 'вахта трехлистная, трифоль' [ФРС: 512]. Семантическая модель в наименованиях, возникших в результате перехода значений 'болотная растительность' → 'болото', является обычной в славянских языках и диалектах [Мокиенко, 1970: 77]. Думается, что возможен и дальнейший переход: 'болотное растение' → 'болото' → 'лес на болоте'. Однако ограниченность употребления *рáда* в значении 'растение' позволяет говорить о такой связи лишь предположительно.

Лúма 'зыбкая прибрежная часть зарастающего озера, трясина' известно широко беломорским, сегежским, медвежьегорским говорам [КСРГК], *лúма* 'зыбучий участок на болоте' — беломорским говорам [СРГК, III: 124]. Столетие назад в пудожских говорах было отмечено *лéма, лéмицы* 'зыбун, трясина' [Куликовский: 49]. М. Фасмер возводит *лéма, лéмица* к фин.-карел. *lemi* 'сырой луг, болотистая почва'; Я. Калима выступает против объяснения из коми *lem* 'клей' [Фасмер, II: 479–480]. Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен приводят *lemi* 'топь, сырое топкое место на болоте; мох, растущий на топком болоте; грязь, ил; трясина', ливв. *lemi* 'трясина, топь; тина, ил; небольшая лужа; родник', люд. *lemi* 'ил, трясина, мох на воде (в болоте)'. Они считают, что «слово заимствовано севернорусскими говорами: *лема, лемина* 'болото, зарастающее растительностью озеро; зыбун, трясина'» [Мамонтова, Муллонен, 1991: 53].

Óрга широко представлено в русских говорах Карелии в следующих значениях: 1) 'топкая, поросшая ельником низина' — в медвежьегорских; 2) 'участок покоса в низком заболоченном месте' — в медвежьегорских, прионежских; 3) 'овраг, низина' — в пудожских; 4) 'частый валежник в глухом лесу, дебри' — в заонежских; 5) 'густой темный лес, чащоба' — в медвежьегорских, кондопожских, пудожских; 6) 'лужа' — в кондопожских; в медвежьегорских говорах известен вариант *вóрга* [Доля, Суханова, 1975: 80]. Составители СРГК исключили из семантики компоненты, свя-

занные с обозначением заболоченности места [СРГК, IV: 234]. В фин. яз. **orko* 'глубокая с сырым дном ложбина', 'низина, узкая долина между горами', 'береговая промоина, промытая весенними водами', 'низменное место'; *orkko* 'углубление, промоина'; карел. *orko* 'местность между двумя сопками, горами', 'вытянутая, поросшая ельником, сырая и глухая местность'; *orgo* 'низменное место между сопками или вересняком, в котором весной есть вода, летом густые покосы', 'ельник, раскорчеванный под прибрежный покос', 'глухой ельник'; ливв. *orgo* 'овраг, долина между двумя возвышенностями, обычно сырая'; люд. *org* 'низина, сырое место, поросшее лесом'; вепс. *org* 'поросшая лесом низина'; саам. *argo* 'вересняк, лес на песчанике' [SKES, II]. Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен отмечают своеобразное семантическое развитие слова *orgo* в говоре с. Тунгуда — 'покос в лесу'; к приведенным выше значениям слова *о́рга* в русских говорах Карелии добавляют прионежское (ладвинское) *орга* 'низина (обычно старуречье), затопляемая весной водой' [Мамонтова, Муллонен, 1991: 68]. Исследователи приводят данные карельской микротопонимии по Калевальскому, Медвежьегорскому, Пряжинскому, Суоярвскому, Олонецкому, Прионежскому р-нам, а также русской микротопонимии: «покосы *Вехкорга, Кайдорга* (Ладва Прион.), пок. *Таборги* (Онежены Медв.), ур. *Руморга* (Пяльма Пудож.), поле *Глубокая Орга* (Маткалахта Пудож)» [Там же: 69].

А. К. Матвеев включает русское приуральское *ворга* 'естественная просека, просвет в лесу' и т. п. в число заимствований из коми языка, хотя и допускает возможность контаминации двух финно-угорских слов — балт.-фин. *orgo, orko* 'болотистая ложина' и коми *ворга* 'желоб, желобообразное углубление', не исключает исконного родства этих слов [Матвеев, 1959: 22].

Семантика русского *о́рга* на территории Карелии и прибалт.-фин. соответствия по данным SKES позволяет склониться к мысли о заимствовании данного слова из соседних прибалт.-фин. языков, если не из общего финно-угорского.

Ко́рба 'болотистое место' известно кондопожским, прионежским, вытегорским, подпорожским, тихвинским и лодейнопольским говорам [СРГК, II: 420]. *Ко́рба* 'густо заросшее место в лесу, чаще в ельнике на болоте' отмечено в прионежских, белозерских,

онежских, архангельских говорах; `берег реки или край болотистого места' — в прионежских; фолькл. *кóрбушки* `зыбучие болота' — в северных причитаниях [СРНГ, XIV: 311]. СРГК приводит и другие значений слова *кóрба*, отражающие такие существенные признаки, как наличие густой растительности и возвышенность. В каргопольских говорах *кóрба* — `заболоченная влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями' [Гусева, 1972: 122]. Н. Н. Мамонтова и И. И. Муллонен приводят *korpi, korbi*, ливв. *korbi*, люд. *korb, korbi* `глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте', вепс. *korb* `глухой лес; сырая низина'; сравнивают с фин. *korpi* `глухой лес; лесное болото '. Они обращают внимание на наличие карельской микротопонимии с *korp-* и *korb-* в Калевальском, Муезерском, Олонецком, Пряжинском, Прионежском р-нах, а также русской микротопонимии: р. *Корба*, оз. *Корбозеро* (Пудож.), ур. *Корбы* (Шуя Прион.), ур. *Кохтакорба* (Ялгуба Прион.), о. *Корбостров* (Кривоногово Медв.), зал. *Корблахта* (Куганаволок Пудож.) [Мамонтова, Муллонен, 1991: 42]. Добавим сюда также микротопонимы с. Суйсарь Прион. — *Кóрба, Закóрба, Закóрбье*. М. Фасмер *кóрба* `сырой ельник, чаща' возводит к прибалт.-фин.: карел. *korbi*, олонецк. *korbi* `ложбина, поросшая дремучим лесом', фин. *korpi* и др. [Фасмер, II: 322]. А. К. Матвеев обращает внимание на распространение топонима с *korb-* не только в Карелии, но и в Вологодской обл., что дает ему основание предположить существование этой основы «также в каком-то вымершем прибалтийско-финском языке или других финно-угорских языках» [Матвеев, 1966: 56].

Ря́дега `небольшой частый еловый лес' было употребительно столетие назад в заонежских, пудожских, лодейнопольских говорах [Куликовский: 103]. *Ря́дега* известно в настоящее время в говорах Заонежья в значениях `смешанный лес' и `сырое место на болоте'; в прионежских и пудожских *ря́дега* — `частый ельник', в пудожских — `болотистое место', оно заимствовано из прибалт.-фин.: собственно карел. *rätü, reädä* `молодой густой ельник', вепс. *ŕäde* `еловая чаща, густой ельник', фин. *räteikkö* `бурелом, местность, поросшая чахлым лесом, ивняком' [Мамонтова, Муллонен, 1991: 83]. В карельской микротопонимии отмечены два на-

звания в Прион., в русской — также два: пок. *Рядега* (Лядины Пудож.), ур. *Ратега* (Заозерье Прион.) [Там же].

Ку́гра 'углубление, яма с чистой водой в лесу под деревом, на болоте' отмечено в пудожских, каргопольских и плесецких говорах. *Ку́гра, ку́гровина* 'яма в лесу, поле или на болоте' известно медвежьегорским говорам [КСРГК]. *Ку́гры* 'подмытые водой берега реки или озера' отмечено как олон., *ку́гровина* 'куча хвороста на лугу' зафиксировано в петрозав. говорах [СРНГ, XV: 395]. По всей вероятности, *ку́гра* заимствовано из вепсского *kuhr* 'небольшая яма в лесу, на болоте' [СВЯ: 239]. Этого мнения придерживаются исследователи прибалтийско-финской географической лексики Карелии, отмечающие единичный микротопоним с соответствующей топоосновой в карельской топонимии Подпорожья и в русской — пок. *Кугровщина* (Тагозеро Медв.) [Мамонтова, Муллонен, 1991: 44].

Ня́ша 'илистое вязкое место на дне реки, озера, моря' отмечено в беломорских говорах [КСРГК], 'илистое вязкое дно' в терских говорах, 'вязкое, топкое место' в медвежьегорских и кемских говорах [СРГК, IV: 62]. Данное слово имеет и другие значения: 'грязь, ил у берега после отлива' в беломорских, кемских, терских и онежских говорах, 'тина, водоросль' в медвежьегорских, 'то, что сгнило, гниль' в терских говорах [Там же]. *Ня́ша* 'топкое заболоченное место' бытует не только в северных говорах, но и в говорах Урала и Сибири, *няшь* 'ил, тина' в кемских, *няшева́то* 'топко, болотисто' в беломорских, *няшева́тый* 'топкий, болотистый' в кемских и беломорских, *ня́шенный* то же в беломорских, *ня́шистый* 'топкий, илистый' в пермских и уральских говорах [СРНГ, XXI: 336]. М. Фасмер склоняется к точке зрения Т. И. Итконена о происхождении *ня́ша* из саамского. Я. Калима считает *ня́ша* заимствованием из коми, У. Вихман видит здесь обратное заимствование — из русского в коми [Фасмер, III: 95]. А. К. Матвеев ставит вопрос о протосаамском субстрате [Матвеев, 1959: 31].

Ке́чкара 'низкий, топкий берег у моря, поросший травой и заливаемый водой во время прибоя' известно беломорским и онежским, 'болото' — медвежьегорским говорам [СРГК, II: 342]. В кемских говорах столетие назад отмечены *ке́чкара, ке́чкар, ке́чкор, ке́чкорь* 'морской берег, на котором нет камней' [Подвысоц-

кий: 65]. И. В. Сало относит *кéчкара* 'берег моря после отлива' к поморским словам, которые «в олонецких говорах не выявлены» [Сало, 1966: 93]. М. Фасмер возводит к карел. *ketčkarä* 'небольшая возвышенность на болоте' [Фасмер, II: 227].

Рóзмега 'лужица с ржавой водой на лугу, болоте' в петрозаводских говорах было известно столетие назад [Куликовский: 101]. Н. Н. Мамонтова и И. И. Муллонен собственно карел. *ruosmeikko,* ливв. *ruasmeikka, ruozmeikko,* люд. *ruozmik,* вепс. *rozmegišt* 'топь, болото со ржавой водой' возводят к собственно карел. *ruozme,* вепс. *rozme* 'ржавчина (в болоте, на воде)' и сравнивают с фин. *ruoste,* саам. (← фин. *ruosta* 'ржавчина'); исследователи отмечают, что «основа широко представлена в названиях болотистых низин, ручьев, берущих начало из болот, озер с заболоченными берегами», в частности, в Калевальском, Пряжинском, Олонецком, Прионежском р-нах в карельской топонимии, реже в русской: бол. *Розмиболото* (Таржеполь), поле *Розмеги* (Кузаранда Медв.) [Мамонтова, Муллонен: 81–82]. М. Фасмер возводит к люд. *ruozme,* олон. *ruozme* 'ржавчина', карел. *ruozme, ruozme* 'ржа на хлебе' [Фасмер, III: 496].

К тельмографической лексике следует отнести и слово *лáмба* 'небольшое лесное, часто заболоченное озеро' в медвежьегорских, кондопожских, прионежских и пудожских, 'болотистый исток реки', 'покос на низком болотистом месте' в медвежьегорских говорах [СРГК, III: 93]. От данного слова образованы *лáмбина, лáмбинка, лáмбица, лáмбочка, лáмбушка,* а в медвежьегорских говорах отмечены варианты *лямбина, лямбинка* и *лямбушка* [Там же], *лáмбина* 'окно воды в болоте' [КСРГК]. Последнее значение развилось на базе более широко распространенного *ламба* 'озеро в лесу', заимствованного из карел. *lambi,* фин. *lampi* 'озерко, пруд, лужа' [Фасмер, II: 455]. Придерживаясь этой же позиции и уточняя данные прибалтийско-финских языков, Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен отмечают болшую продуктивность топоосновы в карельской и русской топонимии Карелии [Мамонтова, Муллонен, 1991: 52–53].

Вирáнда 'густой непроходимый кустарник, частый мелкий лес на болоте' отмечено в говорах Заонежья [КСРГК]. Более широко известно *виранда* 'сложенный в кучу хворост на подсеке, сеноко-

се, предназначенный для сжиганья' в медвежьегорских, каргопольских, онежских говорах. *Виранда* 'нарубленный сухой хворост', по М. Фасмеру, произошло из карел. люд. *verand* 'куча хвороста в поле' [Фасмер, I: 319], ср. также вепс. *verand* 'костер при сжигании подсеки' [СВЯ: 624].

Итак, в тельмографической терминологии русских говоров Карелии четко выделяются две группы слов, противопоставленные друг другу по происхождению, — славянские и неславянские. Среди последних большинство относится к прибалтийско-финским заимствованиям, однако есть и слова саамского происхождения (*няша*), а также такие, для которых имеются параллели в финно-угорских языках (*лима, лива, лыва, янга*).

Ряд лексем относится к узколокальным, отмеченным только на территории Карелии: *зыбан, изыбки, ржавченик, виранда, розмега, кугра, кечкара, лима.*

В русских говорах Карелии обнаруживается сильная дифференциация в наименованиях болот и заболоченных мест. Используются те же семантические модели, что и в других русских говорах и славянских языках.

ЖГАНИЦА, ОГОРЕЛЫШ И КЕДОВИНА (лексика говоров и история земледелия)

Подсечно-огневое земледелие на Севере, в частности в Карелии, на территории бывшей Олонецкой губернии, с его выработавшейся веками сложной системой обработки лесных участков, превращения их в пахотную землю, существовало вплоть до XX в. «Против очевидного факта существования подсеки на Севере до самой коллективизации возражать нельзя... Даже в первые годы коллективизации, когда еще колхозы были мелкими, расширение пашни средством подсеки велось по такой же технологии, как и в старину» [Колесников, 1976: 189]. Не останавливаясь на изысканиях историков в этой области, приведем лишь свидетельство И. Гомилевского: «Повсюду в губерниях Олонецкой и Архангельской ведутся два крайне различных вида сельского хозяйства: 1) подсечное, иначе — лядинное, нивное, огнищное, кулижное, чищебное; 2) трехпольное хозяйство» [Гомилевский, 1878: 29]. Весь цикл подсечно-огневого земледелия, на-

чиная с выбора лесного участка, который можно использовать в качестве подсеки, и заканчивая пашней, полем с какой-либо культурой на нем, истощением этого участка, забрасыванием его на 10–15 лет, представлял собой своеобразный «оборот подсечного хозяйства» [Там же: 38]. Разные этапы указанной землеобработки, от начального до конечного, превратившегося в свою противоположность (конец → начало), нашли отражение в лексике подсечно-огневого земледелия русских говоров Севера.

Земледельческая терминология русских говоров Севера неоднократно подвергалась исследованию. Привлекая данные памятников письменности XIV– н. XVII в. севернорусской территории, Н. С. Бондарчук выделяет конкретные лингвогеографические зоны функционирования диалектизмов в национальный период на материале лексики, обозначающей участки землевладения и землепользования [Бондарчук, 1977, 1978]. Подробный анализ лексики подсечно-огневого и парового земледелия в говорах Белозерья с использованием методов лингвистической географии проделан Ю. И. Чайкиной [Чайкина, 1975]. Этим же автором описана лексика памятников письменности Устюжского края [Чайкина, 1980]. В некоторой степени подверглась анализу и терминология подсечно-огневого земледелия каргопольских говоров [Дружинина, 1983].

Останавливаясь на терминах подсечно-огневого земледелия в памятниках письменности, относящихся к Карелии, отметим, что из общих наименований обрабатываемой земли выделяется как наиболее частотное для XV в. сочетание *страдомая земля*. Самая ранняя фиксация относится к с. XV в. и свидетельствует о том, что *страдомая земля* – это освобожденный от леса участок, используемый под пашню, а не любая пахотная земля. Соловецкими актами 1-й четверти XV в. фиксируется и сочетание *страдомый лес*. Слово *страдомый* выражает значение 'годный к обработке под пашню' или 'обрабатываемый'. Значение атрибутивного компонента в сочетании связано с древнерусским глаголом *страдати* 'обрабатывать' [Срезневский, III: 531]. Н. Шайжин пишет о наличии «*страдомых деревень*» в бассейне р. Водлы с XI-XII вв. [Шайжин, 1906].

В XVI в. известно и производное *пристрад* 'прибавочная полоса пашни': «да полоса у овина да пол-четвертки ржи да *пристрад* от Гаврилковы да от Сысойковы земли» [ПКОП, 1563: 76]. У И. И. Срезневского в этом значении отмечено *пристрада*, иллюстрируемое документом Глушицкого монастыря.

В новгородских письменных памятниках наряду со *страдомая земля* употребляется и *страдная земля*. Ю. И. Чайкина указывает на ограниченный северо-западный ареал данных сочетаний, что подтверждается и нашими наблюдениями.

В XVII в. пашня на месте бывшего леса обозначалась и такими выражениями, как *подсекирная земля* и *подтопорная земля*, характерны также употребления типа «*роспахал ис темного лесу*». В документах XVI–XVII вв. обычными становятся сочетания *лешая пашня, пашенный лес, лесовая пашня, отхожая лешая пашня, лешая пашенная земля*; иначе говоря, постепенно входит в употребление слово *пашня*.

Единичными по употреблению в памятниках исследуемой территории оказываются лексема *ораница* [Мунозерская волость, 1672 г. — Мюллер: 206], устойчивое сочетание *орамая земля* [Кемская волость, 1571–1572 гг. — Гейман: 211; Чупа, 1605 г. — Мюллер: 17], как редок и глагол *орать*. Н. С. Бондарчук считает, что сочетание *орамая земля* уже в XV в. является двинским диалектизмом, хотя, заметим, оно известно и псковским памятникам этого периода [Мжельская, 1956]. По всей вероятности, правильнее было бы говорить о сплошном ареале этого сочетания применительно к Двинской земле и об островном по отношению к северо-западу в XV–XVI вв. В современных говорах *ораница* бытует на территории Подпорожского, Тихвинского, Киришского районов Ленинградской области [СРГК, IV: 234]. Глагол *орать* 'пахать' широко известен пудожским, медвежьегорским, прионежским, а также прилегающим к Карелии говорам [Там же; КСРГК].

По отношению к родовому наименованию *страдомая земля* в памятниках XV–XVII вв. зафиксированы и видовые названия участков земли, освобожденной из-под леса под пашню: *нива, суки, подсека, репище*.

Нива 'разработанный под посев участок леса' отмечается с н. XVI в. (Палеостров, р. Шала, Пудож, р. Свирь) вплоть до к. XVII в. (Линдозеро). Слово находит отражение и в топонимии этого периода: *Долгая нива, Плоская нива, Нивища*. В наше время *ни́ва* бытует в указанном значении в пудожских, медвежьегорских, кемских, сегежских, беломорских говорах, *ни́вище* — в кондопожских [СРГК, IV: 21]. Можно полагать, что с XVII в. до настоящего времени ареал слова *ни́ва* 'подсека' расширился за счет включения северо-восточных районов Карелии. Наши материалы подтверждают вывод Ю. И. Чайкиной о сохранении старого значения лексемы *ни́ва* в бывших новгородских колониях, в Обонежье в частности.

Слово *ни́ва* по своему значению является нейтральным к семантическим признакам, указывающим на отмеченные периоды обработки и использования лесного, затем уже пашенного участка. Этим, возможно, объясняется более широкий ареал слова *ни́ва* в сравнении с другими и возникновение у него нового значения — 'засеянное поле'.

Суки 'разрабатываемый под пашню участок леса' с к. XVI в. известно в Заонежье, довольно активно в употреблении в XVII в. (Олонец, Ладва, Линдозеро, Сямозеро, Кузаранда, Кижи). В XIX в. слово бытует в пудожских, петрозаводских, лодейнопольских, вытегорских говорах [Куликовский]. В настоящее время оно почти вышло из употребления, отмечены лишь единичные случаи в медвежьегорских говорах.

Известное в XV в. беломорским, двинским, переяславльским говорам, слово *подсека* зафиксировано нашими памятниками один раз — в 1666–1667 гг. на территории Кижского погоста, Лижемской волости как синоним к *нива* и *суки* [Мюллер: 185]. *Подсе́ка* сейчас употребляется в пудожских говорах Карелии, в белозерских, вологодских, каргопольских, подпорожских и лодейнопольских говорах [КСРГК].

Единственная фиксация связана со словом *репище* 'подсека, засеянная репой', XV в., Обонежье [Гейман: 122]. Слово *ре́пище* 'лесной участок, разработанный под посев репы' бытует в современных кондопожских, пудожских, медвежьегорских, прионежских, сегежских говорах, т. е. в восточной части Карелии [СРГК, V: 516].

Наименования *сукú, подсéка, пал, рéпище* отличаются семантической мотивированностью, отражая различные стадии процесса разработки леса под пашню: *подсéка* и *сукú* — подсекание деревьев, срубание сучьев, *пал* — сжигание сучьев, корней, пней, т. н. «прятанье», *репище* — выращивание репы в первый год использования участка. Вновь возделанный участок могут называть *новиной, новой землей* [Ундозеро, 1666 г. — Мюллер: 146]. Апеллятив *новúна* 'новый участок, подготовленный под пашню' известен в каргопольских и онежских говорах Архангельской области, кадуйских и кирилловских говорах Вологодской области [КСРГК].

Анализируемая группа слов включает вплоть до третьей четверти XVII в. и слово *деревня*, обозначающее 'разработанный под пашню участок'. Терминология подсечно-огневого земледелия представляет собой исторически довольно устойчивую в семантическом плане систему видовых наименований (*суки, подсека, пал, репище, нива*), ограниченную определенным набором лексем, известных в русских говорах Карелии с XV в. Изменчивость лексической группы в основном касается потери родового наименования *страдомая земля* и замены его словом *нива*, а также географии бытования терминов на протяжении XV–XX вв.

В настоящее время в лексике русских говоров Карелии обнаружено до 40 слов, отражающих в своей семантике различные периоды обработки лесоучастка под пашню:

1) с подсеканием и валкой леса связываются названия *подсéка, валенúца, вирáнда, дрань, сукú*;

2) с выжиганием леса — *жгань, жганúна, жгáница, óгнище, огорéлыш, гарь, пал, паль, пáльник, паленúна*;

3) с возникновением нового пахотного участка — *нóвинá, новúнка, нúва, нúвище, рéпище, рéпник, лéнник, поля́на*;

4) участок леса, используемый под пашню, носит наименования *лядúна, кедовúна, китовúна, нúва, нúвище, сукú, рáега, рáзага, сéльга*.

Глаголы, обозначающие подготовку угодья к использованию под пашню, — *валить, драть, жечь, катúть, палúть, пря́тать*.

Данная группа слов имеет значительное сходство в своем составе с лексикой соседних территорий (*подсека, нива, лядина, ре-*

пище, гарь, поляна и др.). Мы обратим внимание на ряд слов, которые описаны в незначительной степени в научной литературе.

Валени́ца, валяница 'участок леса, выжигаемый для посева' отмечено в современных медвежьегорских и пудожских говорах Карелии, а также в каргопольских и вытегорских говорах [КСРГК]:

> *Бывало, ниву сжигали под репу, да под рожь, сожженное уже валени́ца называли* (Медв., Фомино).
>
> *Ниву сжигали, чтоб на тот год родила лучше, таки нивы валяни́цы назывались* (Пуд., Киково).
>
> *Лен тоже в лесях на валяни́цах рос, где валят лес, жгут, жга́ницами еще называли* (Медв., Харлово).
>
> *Пахали раньше на валяни́цах, в поле не пустят; малёг вырубят, сожгут, круками запашут и лен сеют* (Карг., Лядины).

Слово *валени́ца* имеет и второе значение — 'срубленные деревья на участке, предназначенном под пашню' — в пудожских, каргопольских и лодейнопольских говорах. «*Валени́ца — брёвна такие, чтоб ниву-то вы́жгать. Лес подгорит, дак бревно отодвинешь, крюком отодвигали. Лес вырубленный двигали по ниве, чтоб сгорел*» (Пуд., Черново). СРНГ приводит *валени́ца* в двух значениях: 1) 'участок леса, выжигаемый под посев льна' — вытегорские; 2) 'срубленные деревья на участке леса, предназначенном для расчистки' — лодейнопольские [СРНГ, IV: 24]. В прионежских говорах во втором значении зафиксировано *ва́лья* (мн. ч.):

> *Валят деревья, деревья катали, ва́лья их называли. Дерево зажгут и по сучьям катают, а место это выжженное палом называют* (Прион., Суйсарь).

В пудожских говорах однокорневое *валени́чки* обозначает 'вырубки'. В кирилловских говорах поле, разделанное на выжженном лесном участке, называется словом *пова́л*; в бабаевских говорах отмечено *повали́ха* 'куча срубленных деревьев и сучьев на подсеке':

> *Осенью лес срубим, повали́х наделаем, а весной поджигаем* (Баб., Верхний Конец).

Вал 'угодье с лесом, предназначенным для вырубки' отмечено в писцовых книгах Рязанского края XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., II: 12–13]. Близким по семантике к анализируемому *валéница* является слово *валище* 'вырубка, место, где валили лес', зафиксированное актами Велико-Устюжского м-ря, 1525 г. [Там же]. Слово *валеница* в памятниках не отмечено.

Процесс расчистки и сжигания леса под пашню обозначается чаще всего глаголами *вали́ть, вывáливать*. В современных пудожских, кондопожских, прионежских, медвежьегорских говорах активны глаголы *вали́ть, вы́валить, вывáливать* в значении 'выжечь/выжигать лес на освобожденном под пашню участке':

> *Вали́ть в лес ходили, суки рубить; вали́ть – это жгать лес, а по-досюльному валить, а не жгать. Лес вали́ли, бывало, репища вали́ли, дак и репа росла* (Медв., Типиницы).
>
> *Лес-то вырубишь и вали́шь под лён, и жгёшь огонь* (Медв., Черкасы).
>
> *Валеница – лес высекёшь весной, на другу весну вы́валишь. Таки маленьки сохи на валеницы* (Пуд., Кукасово).
>
> *Когда под репу вали́ли, дак где не выжгут, говорили, ишь челизней наделали, наоставили* (Кондоп., Кулмукса).
>
> *Весна настанет, дак вальев назаготовят, место выжигают; на ету жгань и сеяли; ниву, говорят, вы́валить надо* (Прион., Суйсарь).

На сопредельных территориях *вали́ть* в указанном значении отмечено в каргопольских, лодейнопольских, подпорожских, тихвинских, бокситогорских, пестовских говорах; *вали́ть* 'жечь мелкую подсеку под лен, репу или ячмень' — в вытегорских говорах. Типичными являются сочетания *валить лес, валить в лесу, валить суки, валить пал, валить валяницу, валить нивья, валить репище, валить сучья, валить под лен, репу.*

Дрань 'место, освобожденное от леса под посев' известно в пудожских говорах:

> *Кладают хворост в кучу, а ето место дрáнью называют* (Пуд., Корбозеро).
>
> *Под овес дрань* (Пуд., Погост).

В плесецких говорах Архангельской области слово *дрань* противопоставлено лексеме *пал*. Первое обозначает участок, подготовленный для пашни путем освобождения от леса без сжигания, выдиранием пней и корней, второе — участок, выжженный для посева:

> *Пал – пáлом, а дрань – дрáнью; пал – всё сгорит, а у дрáни пенья маленьки, они выдираются, а пал – матёрый лес секут* (Плес., Майлахта).
>
> *Было четыре дрáни подряд, дрань – это [лес], который в костры карзают* (Плес., Зехново).
>
> *Дрань дрáли нову, выкарзают лес да жито сеют* (Плес., Майлахта).

Однако в случаях необходимости использовалось и сжигание леса при подготовке драни:

> *Мы до колхоза три дрáни выдрали. Дрань – очистят полоску леса, сожгут, и раздирают мужики сохами* (Плес., Майлахта).

В бабаевских говорах Вологодской обл. *дрань* — 'участок, освобожденный из-под леса по пашню путем вырубки и сжигания его':

> *Когда дрань делали, повалихи не гнали по всей полосе, а сжигали на месте, но урожай все равно хороший был* (Баб., Верхний Конец)

В онежских былинах Гильфердинга *драни надрать* — 'вспахать целину', в пензенских говорах *дрань* — 'вспаханная целина', в пензенских и вятских *дрань* — 'вспашка целины сохой' [СРНГ, VIII: 174].

Слово *дрань* отсутствует в известных исторических словарях. Одной их грамот XV в. отмечено слово *дрянь*:

> *И положиша промежи себя межу роскладную: …на ели посередь Василева репища да в дуб во горелой, из дуба дрянь и мостища, из мостища дрянь на валища да во Твеку реку».* XV в. — Раздельная Василья и брата его Маковея на земли отца их Прокопия [Гейман: 122].

Ср. *дрянь* 'росчисть' в грамотах Новгорода и Пскова XV в.:

А ободъ тои земли от усть Хмелева ручья… по Хмелевому ручью вверхъ по пути ино от того пути черезъ наволокы дрянь тысяча саженъ до гряницъ, что ОндрѢи гряницы проложил [СлРЯ XI–XVII вв., IV: 367].

Процесс подготовки *драни* обозначается глаголом *драть*:

Лес сожгут, а потом на лошадях пал дерýт; дерýт, а потом становится пахотна земля (Выт., Мегра).

Здесь речь идет о выкорчевывании пней и корней. В чудовских говорах Новгородской области *драть* — 'обрабатывать плугом трудно поддающуюся вспашке землю', в кирилловских и тихвинских *драть* — 'распахивать целину или место с выкорчеванными деревьями', в волховских — 'пахать'. *Драть* 'пахать целину' отмечено в ряде сибирских говоров, с XIX в. известно тверским и калужским говорам в сочетании *драть целину*; в восточных говорах, по В. И. Далю, *драть* — 'пахать лесную новину, росчисть' [СРНГ, VIII: 175].

В Новгородской II летописи *драти* — 'вырывать, выкорчевывать':

Бурею драло сады многии и хоромы, да бурею же весь лесъ и-Славна выдрало, прибило къ великому мосту в Новегороди [СлРЯ XI–XVII вв., IV: 350].

Исходя из сказанного, слово *дрань* в его специфическом значении 'участок мелкого леса, приготовленный для посева' можно считать северным, оно имеет островной ареал — пудожские, бабаевские, плесецкие говоры. Несколько более широко в пределах северных говоров представлено *драть* 'очищать от леса для посева'.

В вологодских и ярославских говорах *дрáки, дрáка* — 'вновь расчищенное место из-под леса, подсека ', в ярославских *драка* — 'мелкий кустарник', в костромских — 'сенокосная поляна в лесу' [СРНГ, VIII: 170]. Однокорневое *дор* в указанном или близком значении известно северо-восточным и среднерусским говорам, по данным Ю. И. Чайкиной [Чайкина, 1975: 81].

Жгань, жганúна, жгáница 'выжженный под пашню участок леса', по имеющимся данным, известно только в русских говорах Карелии. СРНГ отмечает *жгáница* 'выжженное место' с пометой «Пуд. Олон.» со ссылкой на Слов. Акад. 1897 г. [СРНГ, IX: 92];

то же у Г. Куликовского [с. 23]. Ср. данные Картотеки СРГК по медвежьгорским говорам:

Лен тоже в лесях на валеницах рос, где валят лес, жгут, жга́ницами еще называли (Медв., Харлово).

Весной прут обирали да жгали прут, пожни чистили, на жга́нице много малины наросло (Медв., Белохино).

Жга́ницей, лес когда сожгут, поле называется в лесу (Медв., Ламбасручей).

Здесь *жга́ница* — ʽучасток, освобожденный от леса или кустарника путем его сжигания для пашни или сенокосаʼ. В этих же говорах известно *жга́ница* ʽзолаʼ:

Потом, когда репу посеют, рипище сожгут, и эту жга́ницу на грядья посыпят (Медв., Тявзия).

В беломорских говорах *жга́ница* — ʽвыгоревший лесʼ (Вирма). Выжженное для посева место в лесу в беломорских говорах обозначается словом *жгани́на*:

Вырубят етот лес, сожгут, на етих жгани́нах лучше растёт (Белом., Ендогуба).

В прионежских говорах *жгань* — ʽвыжженный под посев участок землиʼ. Отсутствие слов *жгань, жгани́на, жга́ница* в письменных памятниках дает основание полагать, что они в указанном значении возникли сравнительно недавно. Включение их в систему лексики подсечно-огневого земледелия могло произойти за счет глагола *жгать* ʽжечьʼ, известного говорам. Сжигание — один из важных этапов обработки лесоучастка, поэтому в соответствующую лексико-семантическую группу могут включаться все слова, связанные с обозначением этого процесса: *гореть, гарь, жар, огонь, огнище*. Например, слово *гарь* в русских говорах Карелии довольно широко употребляется в значении ʽвыгоревший участок лесаʼ, а в значении ʽместо в лесуʼ известно на сопредельных территориях [Бондарчук, 1977: 18–19].

Слово *огни́ще* в заонежских и пудожских говорах еще в XIX в. имело значение ʽвыжженное для посева хлеба место в лесуʼ [Куликовский: 69]; в настоящее время оно отмечено лишь в значении ʽместо, где горел костер, пепелищеʼ в пудожских говорах [КСРГК]. Ср. в плесецких говорах:

Карзали, суцьки обрубали, чтоб ровно гладенько, суцьки в куцю, когда сгорит, место – огни́ще (Плес., Зехново).

Огни́ще 'лес, вырубленный и сожженный под пашню', 'вспаханная новь' известно вологодским, олонецким, архангельским, псковским, новгородским, ярославским, сибирским говорам [Филин, 1972: 586]. Ср. также *жар* 'участок леса, выжженный под пашню', зафиксированное памятниками письменности XV–XVI вв. на новгородской территории [СлРЯ XI–XVII вв., V: 75], но отсутствующее в современных говорах.

Более употребительным оказывается слово *пал*. В современных говорах Карелии *пал* 'место, выжженное и очищенное от леса для посева' широко известно в пудожских, медвежьегорских, прионежских и кондопожских говорах:

Па́лы прятать, весной снег сойдё, прутья секут, до Петрова па́лы прятали, до сенокоса, лес уберут, сожгут (Пуд., Корбозеро).

Пал в указанном значении известно также каргопольским, плесецким, няндомским, устьянским говорам Архангельской обл., вытегорским и кадуйским Вологодской обл., лодейнопольским и подпорожским Ленинградской обл. [КСРГК]. Г. Куликовский приводит *пал* (Петрозав., Пуд., Повен.), *паль* (Выт., Карг.) – 'место, выжженное в лесу ради посева ржи, репы и т. п. '; «собранные с этого места обгоревшие стволы и пни зовутся, равно и поляна, расчищенная таким способом, зовется паловое поле»; *пал пря́тать* 'собирать обгорелый лес на местах, расчищенных под пашню, и сжигать в стоячих кострах' [Куликовский: 77]. *Пал, па́лы прятать* 'очищать выжженный участок леса или лесосеку от веток, мусора' бытует в современных пудожских, вытегорских, плесецких, подпорожских и волховских говорах [СРГК, IV: 375]. *Пал, па́лы палить* отмечено в архангельских/плесецких, вятских, ярославских говорах и русских говорах Карелии, а также в южнорусских – воронежских – говорах; там же *пал* 'сжигание сучьев, корней и т. д. на вырубках' [СРНГ, XXV: 162]. *Пущать палы́* 'выжигать лесной участок под пашню' известно томским говорам [Там же]. Видимо, несколько позднее возникло *пал* 'пахотный участок в лесу' (без указания в семантике на процесс обработки участка), известное сольвычегодским, яро-

славским, архангельским говорам, *пáлы* 'полянки' — медвежьегорским говорам Карелии [СРНГ, XXV: 163].

Пал 'подсека с сожженным лесом' отмечено на узкой территории в документах Свирского монастыря, в расходных книгах за 1615–1631 гг.:

> *В Мандрогах пал прятали издержали наиму рубль и 27 алтнъ; Пал орали* [СлРЯ, XI–XVII вв. XIV: 131].
>
> *Въ 2 дн. дано от сланя навозу и от воженя и от полотя и от прятаня палу рубль 8 алтын* (№ 160, л. 54 об., 54а — Карт. ДРС).

В последней четверти XVII в. *пал* отмечено на территории Двинской земли:

> *Орамой земли полоска на палу с нижнего конца 35 сажен, а поперек 13* (Вер. кн. 1677 г., л. 213 — Карт. ДРС).

Значительно раньше, в первой половине XVI в., известен топоним *Палъ* — название деревни: «Две Тереботинские трети, деревня *Палъ*» (Арх. Строева, 1, 242, 1536 г. — Карт. ДРС). В этот же период в составе топонима отмечено производное от *пал* прилагательное в документах Палеостровского монастыря (Заонежье):

> *...есмя ставился на пень на Марнаволок, а бревна имал на Лухтоострове на Паловой нивы*
>
> 1538–39 гг. — Правая грамота судей Третьяка Кривякина и Спиридона Михайлова Палеостровскому м-рю [Гейман: 136].

Данные памятников письменности позволяют сделать вывод о бытовании термина *пал* с XVI в. на территории Карелии и Двинской земли.

Возникновение слова *пал* как термина подсечно-огневого земледелия, вероятно, связано с влиянием прибалтийско-финских языков. Ср. в вепсском *palo* 'огнище, сожженная пожсека' [СВЯ: 398], в финском языке *palaa* 'гореть, сгорать' [ФРС: 438], в ливвиковском диалекте карельского языка *palo* 'пал, пожог, сожженная подсека ' [СКЯМ: 254], а в тверских говорах карельского языка *palo* 'гарь, местность, где горел лес, торф' [СКЯП: 199]. Отметим, что иллюстрации, приводимые в СКЯП, говорят, что и в тверских говорах значение то же, что и в ливвиковских, ср. перевод:

«На гарях сеяли ячмень», «На гари все еще есть пни». Н. Н. Мамонтова и И. И. Муллонен приводят собственно карельское *palo,* ливв. *palo, palates, pale(j)ikko* 'выгоревшее место в лесу; сожженная подсека, пожог', люд., вепс. *palo* 'сожженная подсека', вепс. *palatez* 'гарь, горелый лес'. Ср. фин. *palo* 'выжженное место, пал, пожог'. «В связи с бытовавшей в Карелии системой подсечного земледелия слово широко представлено в названиях, особенно сельскохозяйственных угодий:

> *ур. Palokaŋkaš* (Толдорека Калев.), *пок. Palonurmi* (Калевала), *пок. Palopeä* (Ювалакша Калев.), *пок. Palo* (Еройла Олон.), *оз. Palolambi* (Коткозеро Олон.), *д. Pal(a)lahti* (Пряж.), *поле Palorandu* (Видлица Олон.), *ур. Palatekset* (Угмойла Пряж.), *оз.* и *д. Palolamb – рус. Палая Ламба* (Тивдия Конд.), *поле Palohoumeh* (Залесье Прион.), *пок. Paloorg* (Шелтозеро Прион.), *пок. Noidanpalo* (Шелтозеро), *пок. Палатеса* (Ладва Прион.), *оз. Палозеро* (Медв.), *о. Палостров* (Куганаволок Пуд.)» [Мамонтова, Муллонен, 1991: 69].

В севернорусских говорах представлен ряд однокорневых слов. В вашкинских и устюженских говорах Вологодской обл. и тихвинских Ленинградской бытует слово *паль* – 'место в лесу, выжженное для пашни; пал' [СРГК, IV: 384]. В череповецких говорах *палько* 'засеваемое из года в год место в лесу или среди кустарников' (Харламовское). *Паленúна* – то же, что *паль* – известно онежским говорам [СРГК, IV: 376], а по данным КСРГК – также некоторым новгородским, ленинградским, вологодским говорам. У Г. Куликовского *пальничóк* 'маленькая поженка' приводится с пометой «Пт.». *Пáльник* 'место, оставшееся после лесного пожара' отмечается в беломорских, каргопольских, череповецких, устюженских говорах [СРГК, IV: 384]. В пудожских и каргопольских говорах известно производное *пропáль* 'место, расчищенное под пашню' [КСРГК].

Характерной приметой лексико-семантической группы подсечно-огневого земледелия является наличие в ней слов субстратного происхождения. Выше мы указывали на слово *пал.* В русских говорах Карелии *сельга* не только 'покрытый лесом горный хребет', но и 'поляна, расчищенная под пашню (нови-

на)'. Особенности рельефа местности отразились на составе отдельных ЛСГ. Отсутствие равнинных участков, преобладание в ряде мест сельговых массивов заставляло олончанина использовать возвышенности, покрытые лесом, для своих хозяйственных нужд, «на таких возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название *сельга* иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба» [Куликовский: 106]. Отсюда и значение 'большой, предназначенный для вырубки участок леса, посека, росчисть, огнище, чищоба, кулига' [Там же]. В «Опыте» 1852 г. *сéльга* – 'высокое пахотное место в лесу' с пометой «Олон.». Ср. топоним *Каско сельга*, отмеченный в списках населенных мест за 1905 г. [СНМ, 1905]: *kasko* ← *kaski* 'поджог, выжиг под пашню'. У М. Фасмера *сельга* 'лесистый кряж, раскорчеванное место' из олон. *selgü* (**selgä*), фин. *selkä* 'спина, кряж' [Фасмер, III: 597].

В медвежьегорских говорах *сéльга* 'поле на возвышенном месте, предназначенное для посева ржи, овса и т. п.': «*Сéльга в лесу стоит, там рожь да овёс сеяли*» (Медв., Космозеро); в пудожских говорах *сéльга* – 'сенокосный участок', 'пастбище' [КСРГК]. Следовательно, слово *сéльга* развивает и другие значения, в связи с тем, что географический объект используется с различными хозяйственными целями. Больше связь слова *сéльга* с терминологией подсечно-огневого земледелия сохраняют медвежьегорские говоры.

В некоторых случаях происходило, вероятно, прямое заимствование лексики подсечно-огневого земледелия, без изменения семантики. Так, *рáега, рáека*, отмеченное Г. Куликовским в значении 'подсека, поросшая молодым лесом, небольшой частый лесок' в вытегорских и коштугских говорах [Куликовский: 98], возникло из олон. *rajakko* 'раскорчеванный участок' [Фасмер, III: 432]. *Рáзаги* 'подсека, заросшая травой и не сожженная года 2–3' пришло также из прибалтийско-финских языков: карел. *razi*, олон. *raźi*, фин. *rasi* 'лес, срубленный при корчевании и оставшийся несожженным' [Фасмер, III: 433].

Ср. также *кедовúна* 'раскорчеванный участок с новой порослью' олон. – из фин. *keto*, род. пад. *kedon* 'травянистая почва' [Фасмер, II: 220]. *Кедовúна* 'распаханное поле на месте выкорче-

ванного и выжженного участка' бытует в прионежских говорах, 'заброшенная нива' — в этих же и подпорожских говорах [СРГК II: 338]. Ср. зафиксированное столетие назад *китови́на* 'подсека, засеваемая во второй раз' как олон., возможно, из фин. *kytö* 'площадь, очищенная от леса' [Фасмер, II: 241].

В анализируемую группу слов может быть включено и *вира́нда* 'сложенный в кучу хворост на подсеке, сенокосе, предназначенный для сожжения', известное медвежьегорским, каргопольским, онежским говорам:

> *Обрубали весной лес, складывали в кучи, а осенью эти кучи, вира́нды, жгли. Дыму много в лесу, вира́нды, наверно, пни выкорчевали, сжечь надо* (Онеж., Хачела).

Ср. другое толкование: *вира́нда* 'куча прутьев, веток' в тех же говорах [СРГК, II: 201]. *Вира́нда* 'нарубленный сухой хворост' произошло из карел. люд. *verand* 'куча хвороста в поле' [Фасмер, I: 319].

Таким образом, лексика подсечно-огневого земледелия русских говоров Карелии совмещает славяно-русские и прибалтийско-финские по происхождению слова. Среди рассмотренных наименований имеют место слова широкого северного ареала (*пал*), а также более узкого (*валени́ца, дрань*). Некоторые же из них известны лишь на территории Карелии (*жгань, жга́ница, жгани́на*). В основу семантики слов положены самые разные мотивировочные признаки, отражающие существенные моменты в хозяйственной деятельности жителя северного края.

ИПА́ТОВЩИНА И ТУ́ЛИНСКИЙ ЕЛА́Й
(микротопонимия как отражение хозяйственного уклада старой деревни)

Современная хозяйственная структура села характеризуется относительно крупной материально-технической базой, связанной с разными формами собственности и организации труда, специализацией и концентрацией сельскохозяйственного производства. Однако некоторые положительные результаты в развитии села на протяжении десятилетий сопровождались немалыми потерями социального и экономического плана. Особенно ярко это отразилось на состоянии индивидуальных хозяйств, которые

еще в начале XX в. занимали ведущее положение в жизни сельского населения. Непосредственным свидетелем экономических отношений дореволюционной деревни, хранителем прошлого является современная микротопонимия.

Попытаемся описать именования отдельных угодий и частей крупного села, типичного для современной южной Карелии, – с. Ладва Прионежского р-на, где проживает преимущественно русское население. Карелы, финны, вепсы, владеющие в основном только русским языком, составляют незначительный процент. В системе микротопонимии с. Ладва, протянувшегося вдоль реки Ивинки на 7,5 км, содержится более 500 единиц, включая варианты.

Село Ладва образовалось как единый территориальный и экономический комплекс на базе многих деревень, названия которых сохраняются до сих пор:

Альковская/Вальковская, Верховье,
Гадарина Горка/Гадарина,
Гордеевщина, Иломанча,
Калинкина Горка/Калинкино,
Канашкина Горка/Канашкино,
Каргуевская/Коргуевская/Коргуевщина,
Кара, Кобелева Горка,
Кошкина Горка, Курикова Горка,
Ларькина Горка/Ларькино,
Лахта, Минина,
Нижняя/Низ/Низовье,
Погост, Попова Горка, Посад,
Реньжевская/Реньжевщина,
Тимошкина Горка/Тимошкина,
Трешкина Горка/Трешкино/Миллионный Кряж,
Фенькобо.

Некоторые из них известны с XVI в., ср. данные писцовых книг Обонежской пятины 1563 г.:

> *Дер. на Ивине реке Верховье, дер. на Ивине Шестниковская словет Каленинская, дер. на Ивене ж речке на низу, дер. в лахте словет в Черной каре* и т. п.

В большой степени топонимия старорусского периода нашла продолжение в именованиях различных угодий:

> *Дер. на Ивене ж на бору* – урочище *Борки; дер. Кузьминская на Ивени ж реки* – поле *Кузьминская Полянка; дер. на Ивене ж на усть Ягры* – *Ягручей, Ягручейское поле; дер. на Палтеге* – поле *Палтега; дер. на Ивине ж на островке* – поле *Остров*.

Ср. также: «*Поч. на Кукасовой горе Сенкин след Исакова*» – *Кукощенская Горка/Куккашка/Куккошка* (возможно, связано с фин. *kukko* 'петух', но скорее всего с фин. *kukikas* 'цветистый, в цветах', *kukoistaa* 'цвести').

Известно, что многодворное селение сельского типа сформировалось как объединение одно-, двудворных деревень, т. е. участков, обработанных из-под леса под пашню, с поселением на них. Современное угодье ранее являлось деревней, а следовательно, данные топонимии подтверждают древнюю семантику слова *деревня*.

Топонимия с. Ладва отражает разнообразие видов деятельности человека, превращавшего неудобные места в земли, пригодные для выращивания хлеба и сенокоса. Об этом говорит наличие в названиях угодий элементов, восходящих к земледельческой сельскохозяйственной терминологии, – *пожня, поле, поляна (-нка), гладь, чи́щеница, рассадник, осек, обод, улица, пустошь*:

> *Верховская Нива, Великая Нива, Задняя Полянка, Зинковская Чищеница, Кряжевое поле, Ближняя Пустошь, Дальний Обод, Ближний Осек, Ободняя Ледина* и т. п.

Типичными являются названия угодий по имени бывшего или настоящего владельца:

> *Ильина Нива, Бутеневская Нива/Бутеневские Пожни, Голенищевская Нива, Макарьевская Пожня, Бравихина Пожня, Ефимовская Полянка, Михеевы Рассадники, Горячевых Чищеница, Горячевский Обод, Большая Матвеевская Полянка*.

В составных именованиях указанного типа особо выделяются топонимы с элементом *Ела́й* (← *елай*?). Активно используются названия покосов в урочище *Елай*:

> *Гачинский Елай, Кузнецовский Елай, Мининский Елай, Мокеевский Елай, Распутинский Елай, Сивкин Елай, Шкипинский Елай/Андрияновский Елай, Тулинский Елай.*

Можно предположить, что слово *ела́й*, известное лишь в топонимии, представляет собой русифицированное финское *jälki*, род. пад. *jäljen* 'след', *jäljelle* 'оставаться от кого-чего' [ФРС: 174–175]. В свою очередь, финский элемент топонима мог явиться калькой с русского «след», часто употреблявшегося в описаниях населенных мест в XVI в.:

> *Дер. на речке на Ивине на Петнаволоке Якушевской след Клементьева, Дер. на Пет же наволоке Якушевской след Сидорова, У Горлановой деревне Якимов след Сидорова* [ПКОП, 1563].

Э. М. Мурзаев, опираясь на данные М. В. Витова, отмечает *след* 'жилище, небольшое селение, починок, оставленные и заброшенные поселения' как устаревшее, известное в Обонежье, и сравнивает его с глаголами *следить, следовать*. Связанное прочно с семантической и словообразовательной системой языка, слово *след* исчезло из русской топонимии, уступив место слову *ела́й* → *Ела́й*.

Характерной приметой топонимии с. Ладва является наличие рядов, объединенных именем одного владельца, которому принадлежали различные объекты хозяйственного назначения:

> *Кирьяновская Мельница, Кирьяновские Наволочки, Кирьяновский Обод, Кирьяновская Сараселька, Кирьяновщина;*
>
> *Фокинская Кяйрека, Фокинские Пожни, Фокинское болото*
>
> *Ипатовская Орга, Ипатовский Большой Покос, Ипатовский Малый Покос, Ипатовский Палоручей, Ипатовщина* и т. п.

Наряду с этим отметим, что в топосистеме с. Ладва имеются группы родственных именований, сформировавшихся на основе географических терминов и других апеллятивов или слов, обозначающих какие-либо признаки:

> *Кривое Колено, Кривой Наволок, Кривуха;*

Матка, Маткаручей, Маточное болото, Кулематка;

Пай, Пайрека, Пайматка, Пайрецкая Поляна, -ое Устье.

Ср. фин. *matka* 'дорога', *kuljen* от *kulkea* 'идти, ехать'; *paju* 'ива, верба' [ФРС: 272, 365, 436].

Таким образом, топонимическая система с. Ладва до настоящего времени сохраняет следы, свидетельствующие о развитости индивидуальных форм землепользования, дифференцированности именований географических и хозяйственных объектов в связи с их значимостью для сельского жителя. В топонимии отразились финско-русские языковые контакты.

ОБЖА
(поиск этимологии)

На юге Олонецкого района Карелии, в нескольких километрах от Ладожского озера, на реке Обжанке, расположена деревня Обжа. Что за названия — *Обжа, Обжанка*? Откуда родом? Если мы без особого труда определим, почему возникли такие именования населенных пунктов, как *Горка, Великая Губа, Улитина Новинка*, то с топонимом *Обжа* дело обстоит довольно сложно. Кто сейчас знает, что такое *о́бжа*? Как правило, на этот вопрос никто не отвечает положительно. Лишь некоторые люди преклонного возраста, прожившие довольно долго в деревне, могут вспомнить, что *о́бжей* называли оглоблю у сохи, а также рукоятку у плуга или сохи. Об этом мы можем узнать и из Большого академического словаря [БАС, VIII: 120]. Слово забылось со временем, с уходом обозначаемой им реалии, и превратилось в архаизм. Тот же словарь отмечает и другое значение — 'участок пахотной земли, служивший единицей обложения в Новгородских землях в XV–XVI вв.' А в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова *о́бжа и обжа́* 'единица пахотной земли' дано как историзм [Ушаков, II: 635].

Известно, что территория Карелии в XV–XVI вв. входила в состав Новгородской земли — в Обонежскую и Водскую пятины. Памятники письменности, относящиеся к нашему краю, показывают активную жизнь слова *обжа* в этот период. В «Писцовой книге Обонежской пятины за 1563 г.» читаем:

На Олонце ж в Ыльинском приходе Настасьинские деревни на Дедове горе. Деревня на Дедове горе на речке на Куксеньге: во дворе Онтропко Тимофеев, во дворе Иванко Левонтьев, обжа, сеют в поле ржи пол-2 коробьи, сена косят 6 копен. Деревня на Дедове же горе: Ондрейко Степанов да брат его Тараско, обжа бес трети, сеют в поле ржи коробью, сена косят 5 копен… [ИК, 1972: 29].

Таким образом описывалась каждая деревня. Любопытно, что деревня XVI в., в которой жили 2–4 владельца с семьями, представляла собой незначительный по величине земельный участок, обрабатывамый под пашню, с поселением на нем. Размер участка не превышал одной-полутора обжей. Об этом говорят и итоговые записи в писцовых книгах, напр., такие:

И всех деревень свободных и пустых, и с припускными — 123, а дворов — 347, а людей — 452 человека, а обеж — 148 бес трети обжы, а сошного писма — 49 сох да две трети обжы [ИК, 1972: 29].

Составители хрестоматии по истории Карелии, ссылаясь на данные Софийской летописи под 1478 г., определяют значение слова *обжа* как ‛земельный участок, который может обработать один человек на одной лошади’ [Там же].

На основании этих данных можно сделать вывод о том, что топоним *Обжа* возник путем перехода нарицательного имени *обжа* ‛земельный участок’ в имя собственное. Следовательно, слово *обжа* первоначально было земледельческим термином, с которым связывались и определенные социальные отношения в Новгородской республике. Но вот какие сведения мы черпаем из той же писцовой книги за 1563 г.:

А се в Обжах. Дер. на Обже речке Артемково посиденье: Иванко Ортемов, Ваулко Тимофеев, Панша Глазанов, Ондрейко Ортемов, 2 обжи… Дер. на Обже речке Марково посиденье… Дер. на Обже речке ввопче была с Ондроном Филистовым, на владычне половине… обжа… Дер. на Обже ж речке Еремкино посиденье… Дер. на Обже ж речке Гридкино посиденье… Дер. на Обже же речке Ортемково посиденье: Федорко Иванов, Офонаско Максимов… Дер. на Обже ж Селиваново посиденье… Дер. на Обже ж речке Ивашково посиде-

нье... Дер. в Обжах же на речке на Самове Мартынково посиденье... 3 обжы [ПКОП: 69–70].

Все указанные деревни были расположены на территории современной деревни Обжи. Здесь уже наряду со словом *обжа* 'земельный участок' отмечается и наименование населенного пункта, так называемый ойконим ориентирного характера – «*в Обжах*» и гидроним *Обжа*: «*Обжа – речка*». Разработанный под пашню участок с поселением на нем назван *посиденьем/поседеньем*, ср. в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского *посѣдѣние* – «место жительства, жилье, жилище», по данным 1586 г. [Срезневский, II-1: 1282]. Эти самые посиденья, расположенные на одной или полутора-двух обжах, и стали в конце концов называть *Обжа*, в описи 1563 г. отмечено «*в Обжах*». Кажется, вполне логично. Однако все перечисленные «посиденья» находились на речке *Обже*, ныне называемой *Обжанкой*, а по-карельски *Pižinjogi*, как отмечает Н. Н. Мамонтова [Мамонтова, 1982: 147]. Сразу же возникает вопрос, а что же раньше поименовано словом «*Обжа*» – речка или поселение? Естественным был процесс перехода гидронима в топоним, точнее – в ойконим. Иначе говоря, первопоселенцы довольно часто называли места своего нового жительства по именам рек, озер и других водных (и не только водных) объектов, при которых они располагались. Ср. названия городов *Луга, Кострома* и соответствующие гидронимы – реки *Луга, Кострома,* оз. *Сямозеро* и д. *Сямозеро*, река *Шуя* и д. *Шуя* и т. д. Следовательно, есть основания считать, что в нашем случае действует модель: гидроним → топоним, т. е. река *Обжа* → нас. пункт *Обжа*. По происхождению оба имени, безусловно, связаны. Полное созвучие не случайно.

Использование формы мн. ч. для топонима – «*в Обжах*», а позднее *Обжи* указывает все же на местность, на которой рядом расположены одинаково именуемые объекты, на множество их на данной местности. Как показывает запись 1563 г., в Обжах было по меньшей мере 9 деревень – 8 из них на Обже речке, а 1 на Самове речке. Данный факт наводит нас на мысль о первоначальном «земледельческом» значении имени населенного пункта: *обжа* 'обработанный участок' → деревня *Обжа*.

Отметим, что в 1905 г. было Обжанское общество, в которое входили 10 деревень: *Средний-ручей, Боярский-конец, Тарасова, Суежа, Фенистова, Обжи, Нижний-конец, Куккейла, Сарьмяги, Гаморъ-гора* [СНМ, 1905: 68]. В 1926 г. отмечено название *Обжи* в форме мн. ч., отражающей реальное положение: в состав деревни входили *Боярский конец, Куккейла, Нижний конец, Средний ручей, Суежа, Таралицы, Тарасово* [СНМ, 1926: 83]. Ср. сведения по Олонецкому Рождественскому погосту с. XVII в.: «Дер., что была пустошь *Боярщина* — 4 дв. Дер *в Обжах Ондроновская, Филистова* тож — 5 дв. Дер *Еремкино посиденье, Таралица* тож, 2 дв.» [Олон. сб.: 64, 72]. Все эти топонимы сохраняются и в настоящее время.

Однако вернемся к имени нарицательному *обжа*. В архангельских говорах *обжа* обозначает площадь, которую может вспахать один человек одной лошадью за день [Подвысоцкий: 104]. Здесь слово *обжа* ближе всего к древнему значению, отмеченному в памятниках письменности, преимущественно новгородских. Вот какие иллюстрации приводит «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [XII: 46]:

> *Князь велики… у архиепископа: …взялъ 10 волостей: Юрьева монастыря 7 сотъ обежь и 20 обежь, …у Благовѣщенско(го) по(лъ)–300-ста вобежь и 3 вобжи* (Новг. II лет, 1478 г.).
>
> *(В. кн.) велѣлъ въпросити* (новгородцев)*, что их соха. И они сказали: 3 обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одиной лошади оретъ; а кто на трехъ лошадехъ и самъ третей оретъ, ино то соха* (Воскр. лет., 1478 г.).

Как видим, речь идет об обже как единице земли, которая соотносится с сохой, тоже мерой земли. Оказывается, обжи были разные: в связи с видами владений обжа могла быть боярской, владычной, монастырской, церковной. Приведем лишь один пример из «I Переписной оброчной книги Водской пятины 1500 г.»: «Д[еревня] Шолыгино на Волхове, вопчѣ съ *церковными обжами* Рождества пречистые, что на погостѣ въ Солнце, на Гридине жеребью».

Была и *обжа живущая* 'обрабатываемая и облагаемая налогами и повинностями земля, соответствующая обже; в к. XVI в. равнялась 10 четвертям тяглой земли в поле или 15 десятинам в 3 полях' [СлРЯ XI–XVII вв., XII: 45–46]. В XVI в. употреблялось и

слово *обжина*: «На Легошскомъ же заполье нивка была… да Якушевская Безглядвого за Холкою за Ивановымъ *обжина* изъ Яневского запол[ь]я» (Кн. ям. новг., 1568 г.) [Там же: 47].

Слово *óбжа* 'оглобля у сохи' широко известно в русских говорах Карелии и сопредельных территорий: в Кондопожском, Медвежьегорском, Прионежском, Пудожском районах Карелии; Каргопольском, Плесецком, Онежском Архангельской обл.; Бабаевском, Вытегорском, Устюженском Вологодской обл.; Лодейнопольском, Подпорожском, Тихвинском Ленинградской обл. Эти данные представлены в Картотеке Словаря русских говоров Карелии, хранящейся в Карельском педагогическом, Петербургском и Петрозаводском университетах. СРГК приводит *óбжа* 'деталь саней: металлическая планка, вставляемая для прочности в кресла', известное кондопожским говорам, а также *обжави́ца* 'оглобля', отмеченное в каргопольских говорах [СРГК, IV: 77]. И слово *óбжина* 'оглобля у сохи, обжа' бытует в современных тихвинских, бокситогорских [Там же: 78], волховских, лодейнопольских говорах, в русских говорах Латвии [СРНГ, XXII: 46]. Многим северным и южным говорам известен и вариант *вóбжа* 'оглобля у сохи', 'ручка у сохи' [СРНГ, IV: 326], возникший из *объжа* как результат исчезновения слабого гласного звука, обозначаемого буквой *ъ*: *объжа → обжа, вобжа* (ср.: *отьчина → отчина, вотчина*). Ср. также *óбыжи* 'оглобли сохи, обжи' в тульских говорах [СРНГ, XXII: 286].

А. А. Потебня считает родственными по происхождению слова *обжа* и *бгать* 'гнуть' и *обыга́ть* 'охватывать', а праславянское **o-bъg-i̯ā* 'изгиб' связано, с его точки зрения, с др.-инд. *bhujati* 'гнет', нов.-в.-нем. *biegen* 'гнуть' [Фасмер, III: 99]. Современные русские говоры сохраняют довольно много слов с корнями *-бг-* и *-быг-*. Отметим в первую очередь *óбга* 'оглобля у сохи, обжа' в тихвинских говорах, *обы́га*: 1) 'верхняя одежда от непогоды, теплая одежда, шуба, тулуп'; 2) 'одеяло; все, что надевают или чем укрываются на ночь' — со ссылкой на В. И. Даля, не указывающего территорию бытования слова [СРНГ, XXII: 13, 281]. В северо-восточных, ярославских, уральских говорах *обы́га́ть* — 'обволакивать, огибать', а также 'одевать тепло, кутать', в нижегородских — 'охватывать'. В значении 'одеваться' известен и гла-

гол *обы́гаться* владимирским, ивановским, ярославским, вологодским, тверским, нижегородским, пензенским говорам. В близких к этому значениях данный глагол отмечен также в северо-восточных, тихвинских, устюженских говорах [СРНГ, XXII: 281–282]. Там же употребляется и *обыгну́ть* `обволочь, обогнуть'. В западных и южных говорах *вобга́ться* `втиснуться' [СРНГ, IV: 326]. В курских говорах *обыго́нка* `борозда посередине загона', *обыго́нью* `начиная или кончая посередине загона, от борозды или до борозды обыгонки (о пахоте)' [СРНГ, XXII: 282]. На юге и западе также *бгать* `гнуть, ломать, засовывать куда-л., комкая', *бга́ться* `продираться в тесноте, тискаться' [СРНГ, II: 168]. Возможно, родственным является и вологодское *бога́тать* и *богота́ть* — `кружить, ходить вокруг, около чего-л. ' [СРНГ, III: 43, 54].

Этимологический словарь славянских языков приводит также укр. *бгати* `складывать, свертывать, вить', `втискивать, впихивать, комкать' и т. п., блр. *бгаць* `пихать, тискать' [ЭССЯ, III: 115]. В сербохорватском языке *ӧбга* `раскатанное тесто' [СХРС: 313]. О. Н. Трубачев не без оснований считает, что слова с корнем *-бъг-* родственны с группой *-гъб-*, отмечая перестановку звуков, «причем отношения метатезы могут восходить еще к и.-е. состоянию» [ЭССЯ, III: 115]. Древность слов с корнем *-бъг-* подчеркивается и наличием родственников с *-быг-*, а славянское чередование *ъ//ы* отражает результат более древнего, индоевропейского чередования гласных звуков. Попутно заметим, что в ЭССЯ должны были бы войти, на наш взгляд, и слова с *-бъг-*, расширив таким образом не только географию бытования рассматриваемых слов, но и семантический диапазон.

Особую позицию в происхождении слов *бы́гать, обы́га́ть, обыгну́ть* `огибать, обогнуть, закутать' (сев.-вост.), *обы́га, обыга́ло, обыгу́шка* `верхняя одежда, дождевик, шуба' занимает Н. В. Попова, считающая, что «в само́й семантике глаголов *огиба́ть, обогну́ть* заложена идея, реализуемая приставкой *обы-*, передающей движение по кругу (вокруг)» [Попова, 1995: 62]. Весь представленный выше материал свидетельствует в пользу наличия корня *-бг-* (*-быг-*) и приставки *о-*.

Итак, становится ясно, что слова с корнями *-бг-* и *-быг-* некогда имели первоначальный исходный компонент значения —

'изгиб, поворот, круг' или 'огибать, охватывать'. Дальнейшее развитие значений шло, на наш взгляд, двумя путями. От значения 'гнуть, поворачивать' развилось значение 'обходить кругом', затем 'пахать землю (делая постоянные повороты в обратную сторону от конца одной борозды к началу другой)'. Отсюда и название конкретного результата такого действия — обработанного участка — *обжа*. Другой путь развития значений связан с обволакиванием, одеванием, окутыванием: 'огибать, охватывать' → 'одевать, окутывать' → 'заворачивать' → 'прятать' и т. п. Отсюда и название того, чем производится это действие, т. е. одеяла, одежды — *обы́га*.

Ойконим *Обжа*, по всей вероятности, обнаруживает связь с *обжа* 'вспаханный участок', а гидроним *Обжа, Обжанка* — с *обжа* 'изгиб, поворот'.

Топонимических родственников анализируемого именования *Обжа* находим на картах Новгородской и Псковской областей. В бассейне Верхней Волги, на востоке Новгородской области, находится оз. *Полобжанка* [Смолицкая, 1972: 164], на северном берегу которого расположена д. *Палобжа*. Любопытна параллель: в Карелии *Обжа — Обжанка*, в Новгородской области *Палобжа — Полобжанка* (может быть, точнее — *Палобжанка*?). Севернее *Палобжи*, в Хвойнинском районе, в 30-е гг. была д. *Обежищи* [Атлас: 5]. По данным карт 1990 г. в Псковской области имеется д. *Обжино*, недалеко от пос. Кунья. Вполне возможно, что такие «родственники» живут и в других местах, нам, к сожалению, пока неизвестных. Поиск необходимо продолжить.

Таким образом, название населенного пункта *Обжа* на юге Олонецкого района Карелии, с одной стороны, приоткрывает нам некоторые моменты социально-экономической истории нашего края, а с другой — рассказывает о глубоких корнях, связывающих топонимию Карелии не только с русским, но и другими славянскими языками. Наличие русского/славянского топонима в ряду соседних прибалтийско-финских — свидетельство длительных устойчивых контактов разноязычных народов в Восточном Приладожье.

ВЕРЗЕНЬ И ЕГО РОДСТВЕННИКИ
(бытовая лексика в историко-географическом аспекте)

В русских говорах Севера и Северо-Запада выделяется целая группа слов, объединенных семантическим признаком 'сплетенное, свитое' и древнейшим корнем **ver-*. Попытаемся провести анализ тематической группы лексики 'плетеные, витые изделия' на широком лексическом фоне, учитывая этимологические связи и географическое распространение соответствующих лексем. В данную группу включаются наименования обуви, корзин, ткани, сетей, вязаных рукавиц, изгородей и т. п. На наш взгляд, следует учитывать также вторичные значения типа 'сплетни', 'сплетник', 'пустой, никчемный человек' и др. Такой комплексный подход дает возможность проникнуть более глубоко во внутреннюю форму слов, проследить их семантические связи, не только на современном срезе, но в древний период.

Корень *вер-* (← **ver-* ← **u̯er-*) имеет варианты, этимологически обусловленные меной гласных — *вер-, вир-, вор-, вр-*, а также расширителями в виде согласных — **g, *z, *d, *t*. Рассмотрение предметной лексики при комплексном анализе невозможно без соответствующих глаголов, содержащих производящую основу.

Глагол *вира́ть, вера́ть* известен в значениях: 1) 'плести лапти, корзины, сети и т. п.' в прионежских, пудожских, каргопольских, плесецких, бабаевских, батецких, солецких, пестовских говорах; 2) 'подковыривать лапти, уже проносившиеся, чинить плетеную обувь' в лодейнопольских, а также новгородских и псковских говорах; 3) 'шить непрочно, наспех' в новгородских, 'сшивать, соединять полотнища сетей' в новоладожских и псковских, 'кое-как плести, делать что-л.' в олонецких говорах [СРНГ, IV: 120, 292; НОС, I: 127; СРГК, I: 201]; *ве́рать* 'кое-как штопать, зашивать порванное платье, обувь и пр.' в тихвинских говорах [НОС, I: 112]. Отметим также *виря́ть* 'шить' в тихвинских, *вира́ть* 'выдумывать, сочинять' в кондопожских, 'лгать, говорить неправду' там же и в медвежьегорских и пестовских говорах [КСРГК], *вере́ть* 'плести обувь' в псковских говорах [ПОС, III: 90].

От указанных глаголов образованы следующие наименования плетеных, витых предметов: *ви́рка* 'крепкая толстая береста, которой плетут лапоть' в бабаевских говорах, *верни́к* 'большая ры-

боловная сеть' в онежских [КСРГК], *верéйка* 'плетеная корзина' в новгородских, *верéнька* 'то же' в чудовских [СРГК, I: 174]; *верéнька* 'плетеная корзина' известно также вологодским, нижегородским, костромским, владимирским, ярославским, тверским, пензенским, орловским, тамбовским говорам [СРНГ, IV: 142]. Ср. *верéя* 'столб, на который навешиваются ворота' в пудожских и каргопольских говорах [КСРГК]. Из семантических вторичных именных образований отметим бытующие на исследуемой территории *вирáница* 'выдумка, небылица' в медвежьегорских [СРГК, I: 201], *вирáлка* 'лгунья' в пестовских, *вирáш* 'лгун' в устюженских говорах [КСРГК].

Русский глагол *верать* и его производные имеют соответствия в литовском языке: *verìu, verti* 'продевать нитку; запирать, открывать', *virtine* 'узелок, связка' [Петлева, 1974]. И. П. Петлева поддерживает объяснение Ю. Покорного, который возводит данные слова к индоевропейскому корню **u̯er-* 'связывать, соединять', 'веревка' [Там же].

С корнем *верг-* (← **vьrg-*) известно слово *вéрги* 'зарубки, метки на деревьях' в петрозаводских, *вéрги ставить* 'надламывать ветки деревьев с целью отыскания обратного пути в лесу' в олонецких, а также *верглó* 'то, с помощью чего штопают, чинят носки, чулки и т. п.' в чагодощенских, *вéржни* 'лапти из бересты' в пудожских говорах [СРНГ, IV: 125; КСРГК]; ср. *вержа* или *вережа* 'рыболовная снасть, верша' в новгородской берестяной грамоте № 248 [Янин, Зализняк, 1986]; *вéржа* 'отговорка, выдуманная причина' в псковских говорах [ПОС, III: 91]. В топонимии отмечено название деревни — *Вéргиши*, расположенной на как бы срезанной вершине холма с крутыми склонами (Любытинский р-н Новгородской обл.).

Более распространенным является вариант *верз-* (←**vьrz-*) [Петлева, 1977: 49–51]. На исследуемой территории довольно широко представлено слово *вéрзень* (чаще мн. *вéрзни*) 'лапоть из бересты' в архангельских, владимирских, олонецких [СРНГ, IV: 146], в прионежских, кондопожских, медвежьегорских, терских, кандалакшских, пестовских говорах [КСРГК]. Исследователи — лингвисты и этнографы — относят *вéрзень* «к северному (новгородскому) типу лаптей» [Вахрос, 1959], «лапоть новгородский —

верзень — берестяной косого плетения, с высоким задником», «основная территория его бытования — Каргопольский, Онежский, Петрозаводский уезды Олонецкой губ., бассейн Пинеги, Северной Двины до Печоры, т. е. области Новгородской земли и территории, на которых в отдельных районах преобладала новгородская колонизация» [Русские, 1967]. Лингвистические данные почти совпадают с этнографическими.

Слово *вéрзень* имеет также значения `мочалка из бересты' в медвежьегорских [СРГК, I: 177], `корзина из прутьев' в волховских и тихвинских говорах [КСРГК].

Вéрзень образовано от *вързти* `плести, сплетать' [Вахрос: 77], не сохранившего своего значения. В древнерусском языке существовало слово *верзати* ← *вързати* `вязать' [Срезневский, I: 224]. Современное *верзить* имеет лишь вторичные значения: `говорить или делать что-л. продолжительно, но беспутно и бестолково', `врать, лгать, бредить, говорить пустяки' в псковских, курских, смоленских, южнорусских говорах [СРНГ, IV: 146], сюда же можно отнести укр. *верзти* и блр. *верзці* `болтать, говорить вздор' [Вахрос: 77]. На севернорусской территории известны также вторичные значения глагола *вéрзить* `возиться, предпринимать какие-л. действия, но безрезультатно' в киришских [КСРГК), *вéрзить* `неуклюже что-л. делать' в боровичских [НОС, I: 116], *вéрзиться* `упасть, провалиться' в петрозаводских [Куликовский], *вéрзать* `врать, обманывать' в череповецких говорах [КСРГК].

Из именных образований со вторичной семантикой известны *вéрзень* `дурень', *верзúла* `неряха, пачкун, проказник' в медвежьегорских, *вéрзя* `плакса' в вытегорских, *верзя́к* `верзила' в вытегорских [КСРГК], *верзéя* `пролом в изгороди' без указания места, `изгородь из лежащих кольев (огорожены выгоны, поля)' в костромских говорах [СРНГ, IV: 146].

С корнем *верез-* (← **verz-*) отмечено *верезéйка* `калитка, дверца в изгороди' в беломорских говорах [КСРГК].

Названные бесприставочные слова с корнями *верг-* и *верз-* входят в славянское гнездо **vьrg-/*vьrz-* и **verg-/*verz-*. Ср. *верги*, *вергло* и сербохорв. диал. *вр̏гу̑љка* `лента, сплетенная из соломы (на соломенной шляпе)', *вргу̑љак* `сверток (о табаке)', *ка-вр̏гати*

'неодинаково и неровно прясть'; русские слова с *верз-* и сербохорв. *вр̏зина* 'плетень, изгородь', болг. *варзулька* 'узел в пряже или ткани', сербохорв. *вре́жа* 'ползучий стебель, плеть', *вр̏ажа* 'вид самодельной шерстяной ткани', пол. *wierzgała* 'ткач' [Петлева, 1977: 49–51]. Сюда же И. П. Петлева включает и восточнославянские материалы, в частности, русск. *вере́жить* 'сучить нитки', *супережка* 'мелкая сетчатая ловушка для рыбы'.

Беспрефиксную группу можно дополнить словом олонецким *ве́ртень* 'берестяной лапоть' [СРНГ, IV: 154].

Корень **vьr-/*ver-/*vir-* представлен также в словах с приставками, которые выделяются лишь на уровне этимологического анализа.

I. Слова с приставками *ко-, ка-*.

В говорах бытует большая группа слов этого типа с корнем *вер-* и его вариантами, образующимися при мене гласных. Напр., глагол *кове́рить* 'ломать, изгибать, мять что-л.' в костромских, 'гримасничать, передразнивать кого-л.' во владимирских говорах [СРНГ, XIV: 29]. В первом случае явно сохраняется связь с идеей плетения, вязания, при котором возможны изломы и изгибы. Второе же значение, по-видимому, явилось результатом семантических изменений: 'плести' → 'плести небрежно' → 'делать что-л. небрежно' → 'болтать языком во время небрежно выполняемой работы' → 'передразнивать, кривляться' → 'вести себя плохо'. И. С. Вахрос отмечает, что префикс *ко-* в подобных словах имел оттенок пренебрежения [Вахрос, 1959]. Отрицательную экспрессию в словах с приставками *ко-, ка-, ше-, ша-* видит и Б. Я. Шарифуллин [Шарифуллин, 1979].

Отрицательный оценочный компонент содержат также именные образования: *ко́верзень* 'человек, плохо, некачественно делающий что-л.' в чудовских говорах [КСРГК], *ка́верзень* 'неудачно испеченный хлеб', *каверза́* 'нечистоплотная женщина', *каве́рза* 'деревянная соха', *ка́верзный язык, старая ка́верза* бран., *каве́рзные руки* 'некрасивые руки' в псковских говорах [КПОС], *ко́верзни* 'плохие, некрасивые на вид пироги и т. п.', 'ноги' в новгородских говорах [НОС, IV: 64].

Данные исторической ономастики показывают активность фамилий *Каверзин, Коверзин, Каверзнев* в Ярославле и Можайске с XVI в. [Веселовский, 1974].

Связь семантики префиксальных образований с движением по кругу устанавливает М. Москов [Москов, 1962].

Признак `сплетенное, свитое' содержат вторичные семантические образования: *коврýшка* `лепешка', *ковpéнь* `шиворот' в псковских говорах [КПОС], *кóвра* `танец' в онежских говорах [КСРГК].

Этот семантический компонент имеют прежде всего слова со значением `половик, самодельный, из тряпок, коврик': *ковéрок* в волховских, *ковёр* в новгородских, *ковёрка* в устюженских, *коверкú* в киришских, *коврюнка* в тихвинских говорах [КСРГК]. Ср. также *кó верка* `сплетенная из соломы прикрывка для окна вместо ставня' в пинежских говорах [Подвысоцкий]. Псковским говорам известно *кó верный* (о лаптях) `сплетенный из лыка, некрасивый, плохой', *кáвер* `ковер', *кóварни* `обувь больших размеров' [КПОС]. Данные свидетельствуют о собственно русском, славянском происхождении слова *ковёр* от *ковéрить.* Этой точки зрения придерживается Н. М. Шанский [Шанский, 1972]. Однако О. Н. Трубачев не включает слов **koverъ, *kovьrъ* в ЭССЯ, хотя приводит со знаком вопроса **koveriti*, соотнося его с этимологически тождественным **kovirati*, где видит «сложение местоименной приставки *ko-* и *-virati*, итеративно-дуративной формы глагола **verti*» [ЭССЯ, XII: 13–14].

Лексика с корнем *верз-*, обозначающая плетеную обувь, широко представлена в говорах Псковской и Новгородской областей, а также в смоленских и тверских говорах. По Новгородской области: *кó верзни* `сапоги, сплетенные из бересты' в поддорских, волотовских, крестецких и демянских говорах, `кирзовые сапоги' в окуловских, `башмаки, сплетенные из бересты' в поддорских, волотовских, демянских, старорусских говорах, т. е. преимущественно в западной части области [НОС, IV: 64]; по Псковской: *кóверзень* `лапоть' в бежаницких, великолукских, качановских, красногородских, локнянских, новоржевских, опочецких, островских, палкинских, печорских, пустошкинских говорах, а также в сопредельных торопецких говорах Тверской области; в значении `лапти' отмечены также *коверзёшки* в себежских, *коверзý-шки* в новосокольнических, *ковéрзники* в печорских, *кóверзные поршни* в островских, *кóвержни* в новоржевских, островских, палкинских, пустошкинских, *коверзнякú* в великолукских говорах [КПОС].

Глагольная лексика с *ко-* и *ка-* имеет преимущественно вторичную семантику: *кавирзáть* 'городить, путать, дурно писать, бить, колотить' в смоленских, *кóверзить* 'сплетничать', 'шалить, проказничать, бедокурить' в псковских и тверских, *кавярзáць, кавéрзаць* 'небрежно делать' в белорусских диалектах [ЭССЯ, XII: 19]. Добавим современные данные псковских говоров: *кáверзить* 'плохо, небрежно работать' в новоржевских, *коверзáть* 'небрежно говорить' в островских, печорских, холмских, *каверзáть* 'кувыркаться' в новоржевских [КПОС].

На русском материале выделяется ряд семантических групп глаголов с приставками *ко-, ка-, ку-* [Андреева-Васина, 1985].

С корнем *-верд-* зафиксировано слово *ковердéнь* 'орудие, с помощью которого плетут лапти' в пустошкинских/псковских говорах [КПОС]. Ср. *Ковердяй Ульянов*, новгородский своеземец, 1551 г. [Веселовский, 1974: 146]. Ближайшие по семантике бесприставочные слова имеют место в сербохорв. языке: *вр̀ндати* 'прясть на большом веретене', диал. 'прясть грубо, толсто', 'двигаться туда-сюда, слоняться'; *вр̏дати* 'двигаться, меняя направление', 'уклоняться', 'быть нестойким', 'увиливать, лукавить, изворачиваться'; а также в болг. диал. *вр̀рдам* 'отбегать в сторону', словенском *vȏrdati* 'шарить (напр., переворачивать одежду в сундуке)'; сюда относится и сербохорв. *заковр̀ндать се* 'перепутаться, запутаться (о волосах)' [Петлева, 1983].

II. Слова с приставками *ше-, ша-, ши-, че-*.

С приставками *ша-, ше-* и корнем *-вер-* известны следующие слова: *шавёра* 'пустой человек, бездельник, болтун', *шавёровать* 'говорить пустое, болтать' [Куликовский]; *шáвер* 'лесной сор' в петрозаводских, *шáвера* 'остатки, обрубки, сучья после рубки' в каргопольских, *шáверье* 'сучья и разный лом на дне реки' в череповецких говорах [КСРГК]; *шáверь* 'мелочь, дрянь' в донских говорах [КСРНГ]; *шáверень* 'шваль, сброд, ничтожный, дрянной люд' в тульских говорах [Даль, IV: 618]. В псковских говорах отмечены слова, связанные по семантике с плетением: *шаверéнь, шеверéнь* 'лапоть с тупым носком прямого плетения', *швáрни* 'лапти' в великолукских; ср. также *шáвирье* 'тряпье' в новоржевских [КПОС].

В это гнездо входят и глаголы *шавáрить* `слоняться, бродить, ходить в мягкой обуви, шаркая ногами' в ярославских и новосибирских говорах, *шáврать* `медленно ходить, волоча ноги' в вологодских и новосибирских говорах [КСРНГ]. Последнему есть точное соответствие в словенском языке: *šavráti* `ходить нетвердо, шататься, бродить', на что указывает, исследуя словенско-восточнославянские связи, Л. В. Куркина [Куркина, 1972]. Ср. в новгородских/мошенских говорах *шеварнóгий* `такой, кто плохо ходит, ковыляет при ходьбе' [НОС, XII: 86], в вятских *шеварнóгой* (Васнецов). Фамилия *Шеварногов* была известна Новгороду на рубеже XVI–XVII вв. (Веселовский).

К псковскому *шеверéнь* `лапоть' близки употребляющиеся в говорах на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества слова *шеверня́, шеверёнка, шеверéнька, шеверýшка, шеверю́шка* и т. п. в значении `корзина' [Мельниченко, 1974]. Ср. у В. И. Даля *шеверéнька* `коробица, зобня, корзинка, мостинка, плетенка' с пометой «Влд.» [Даль, IV: 626].

В дополнение приведем следующие лексемы: *шáверзить* `проказить, портить, мешать', `сплетничать' в тверских, *ши́верзить* `коверзить, делать зло, мешать' в новгородских, *шáверзни* `сплетни', *шáверзень* `сплетник' [Даль, IV: 618, 632]; *ши́вер* `приспособление для закрывания печной трубы' в печорских/псковских говорах [КПОС], *шивéра* `каменистый мелководный участок реки с быстрым течением' в окýловских/новгородских говорах [НОС, XII: 92].

Сюда же относятся, на наш взгляд, и такие слова, как *шáвердать* `говорить невнятно' в медвежьегорских говорах, *шáвертать* `то же', *шáвердать* `суетиться, хлопоча по хозяйству' в прионежских, *шевердýнья* и *чевердýнья* `болтливая женщина' в медвежьегорских, *шавардя́та* `озорники' в кирилловских, *чи́вердать* `издавать писк' в каргопольских говорах [КСРГК]. В славянском мире соответствия имеются в сербохорв. языке: *шевр̏дати* `увиливать, уклоняться от работы' в чакавском говоре; *šavardȃlo* `неприметный неказистый человек' при штокавском *шевр̏дало* `ненадежный человек' [Куркина, 1982], *шврндати* `перебирать и искать что-л. в доме' [Петлева, 1983].

Видимо, в эту же группу входят и лексемы с *-варг-*: *швáргать* `ходить без дела, болтаться' в белозерских, *шаваргá* `ребята, маленькие дети' в кирилловских говорах [КСРГК]. Ср. *вáргать* `ворчать, ругаться' в пермских, `не подчиняться приказанию' в пермских и уральских, *вáрги* `варежки' в курских, *вáреги* `варежки' в разных русских говорах — северных и южных [СРНГ, IV: 47, 49]; *вáрега* и *варя́га* `рукавица, сшитая из сукна, холста или кожи (иногда на меху или вате), предназначенная для работы' в терских, лоухских, кемских, беломорских, кондопожских, кирилловских и подпорожских говорах, *вáрега* `вязаная рукавица, варежка, иногда с двумя пальцами' в кондопожских, кемских, терских говорах [СРГК, I: 162]; ср. также общеизвестное *вáрежка* и новгородское *шавареш(ж)ка* `прозвище; говорится о человеке, который ходит, как спутанная лошадь' в маловишерских говорах [КНОС].

Комплексный анализ лексико-семантической группы, содержащей признак `плетеное, витое, вязаное', позволяет увидеть четкие семантические связи между словами с затемненным для современного состояния морфемным составом. В частности, мы убеждаемся в наличии большого количества слов с мертвыми приставками *ко-*, *ше-* и их вариантами в русском языке и его диалектах.

Представленный материал свидетельствует о сохранении архаических образований и архаических значений с корнем *-вер-* в говорах Севера и Северо-Запада России, в ряде южнославянских языков — сербохорватском, болгарском, словенском. Особая концентрация архаических элементов в рассмотренной лексике наблюдается в Псковской зоне, Заонежье, на юге Славии.

НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ

СИЗЫЙ Я́РЛУК
(народно-поэтическая лексика и история края)

Для художественно-изобразительной системы устного народнопоэтического творчества характерно использование целой серии наименований птиц, символизирующих образы героев. Л. А. Астафьева-Скалбергс, рассматривающая роль символики в некоторых песенных жанрах, выделяет такие типичные для любовных песен образы-символы, как сокол, голубь, селезень, утушка, лебедушка, куна, пава [Астафьева-Скалбергс, 1971]. Под символом понимают «устойчивое, строго дифференцированное по содержанию представление, вызывающее постоянный круг ассоциаций в определенной поэтической системе» [Еремина, 1978: 110]. Являясь средством типизации в народной лирике, символика, иносказательность позволяют создать не только художественные картины высокой степени обобщения, но и вызвать конкретные представления (от типизированной вещи — к символу как обобщению, и от него — к конкретизации символа в обстановке определенной жизненной ситуации) [Уваров, 1971: 14]. Многие исследователи поэтического строя русских песен пишут о закрепленности определенных наименований птиц в качестве символов за некоторыми конкретными субъектами (невеста — *лебедушка*, любящая девушка — *голубка*, щеголиха — *пава*, братья — *гордые соколы* или *сизые голуби* и т. п.) [см. Астафьева, 1975: 164; Колпакова, 1973: 254].

В северной свадебной песне, наряду с традиционными, широко распростаненными образами-символами, встречаются и своеобразные, территориально ограниченные. Так, в песне села Колежма Беломорского района Карелии «удалой доброй молодец» направляет свою каленую стрелу в *черна ворона, серу утицу, белу лебедь*, а также в «*сизого ярлуха*». Собиратели русского фольклора Карелии А. П. Разумова, Т. А. Коски и Е. И. Русакова зафиксировали слово *я́рлух* именно в таком фонетическом облике, с конечным *-х*:

Ты застрель, моя каленая стрела,

Черна ворона под тучею,

Ихи!

Черна ворона под тучею,

Си́зой я́рлух на камешки

Ихи!

Си́зой я́рлух на камешки,

Серу утицу на забереги,

Ихи!

[Русская, 1980: 143].

В экспедициях 1980–81 гг. в с. Сумский Посад и Нюхча Беломорского р-на нами отмечены другие варианты — *ярл* и *я́рлук*.

В песне «Из-за устьица Лодейного» («Со устьица, устьица лодейного» — вариант Белом.) представлена расшифровка символов:

Черный ворон был ворог мой…

Си́зой я́рлук был недруг мой…

Сера утица — яства моя…

Бела лебедь — утеха моя…

Красна девица — невеста моя…

Анна Григорьевна Трифанова, родившаяся в с. Колежма и жившая в н. 1980-х гг. в с. Сумпосад, сопровождала исполнение песни следующим замечанием: «Черна ворона под тучею, *си́зой я́рлук* на камешки, белой лебедь на заводи… В Нюхчи нет этого *я́рлука. Си́зой я́рлук — какой-то дедко вредной, недруг дак.* Колежма с каким-то *я́рлуком.* Черной ворон — вроде отец, *я́рлук* — не знаю, кто он такой». Совершенно очевидно, что *я́рлук* является обозначением чего-то недоброго, но установить связь этого слова с чем-л. конкретным невозможно.

Интересно провести сравнение символических предметов в песнях Севера, являющихся вариантами песни «Из-за устьица лодейного», а именно: Поморья — д. Колежма и Нюхча [Русская, 1980], д. Гридино [Русские, 1971: 115–116], Мезени — д. Резя [Песенный, 1967: 206], Пинежья — д. Лавела [Обрядовая, 1980: 94], Пе-

чоры — д. Устье, Великая Виска [Песни, 1963: 326, 480], Нижегородской губ. — Ветлуга [Великорусс, 1900: 692–693] и Вологодской губ. — д. Мякса [Лирика, 1973: 107–108]. Все эти песни объединяются одинаковым сюжетом, в котором обязательной является символическая ситуация — преодоление водного пространства на судне; удалой добрый молодец посылает каленую стрелу и наказывает ей убить, застрелить различных птиц; далее идет расшифровка символов, представленных в наименованиях птиц.

Данный материал показывает, с одной стороны, сходство и относительную полноту его на разных территориях в пределах Севера России, от Карельского Поморья до Печоры (некоторая ущербность наблюдается в песнях Нижегородской и Вологодской губ.); с другой стороны, вариантность наименования того или иного предмета: *насад, насадик, полусад* и т. п. Однако устойчивыми, почти не допускающими вариантности оказываются обозначения символов-птиц в сочетании с эпитетами: *черный ворон, сера утица, бела лебедь*. Лишь в с. Колежма употребляется своеобразный символ — *си́зый я́рлук*. Он обозначает одну из тех птиц, которую должен убить добрый молодец, иными словами — покорить, стать обладателем невесты, а также ее окружения (*черный ворон* — тесть, *бела лебедь* — теща, *сера утица* — яства, кушанье). Добрый молодец — жених — «вооружен как древнерусский воин: в его руках лук, калены стрелы» [Элиаш, 1966: 20], которыми он побеждает любимую. Как отмечает Н. П. Колпакова, жених — «это покоритель, „разоритель" и своевольник; это — „князь" с боярами, властный начальник, предводитель дружины, ломающий городовую стену, разбивающий ворота... символически преодолевающий недоступность невесты» [Колпакова, 1973: 254]. Как птицу, подстреливает добрый молодец «волю» девушки-невесты. «„Воля" и „красота" могут принимать в свадебной лирике различные антропоморфные и зооморфные обличья. Это образ-оборотень» [Колпакова, 1973: 259]. В с. Колежма перед отъездом к венцу, на так называемом «пониманьи», невеста поет:

— Куда я положу вольную-то волю довольную?

Уж пущу по маленькой, по быстрой речки струечия,

Туда ездят чужи ясные удалые соколы,

Ловят свежую рыбу трепущатую,

Уж поймают мою вольную волю довольную,

Уж не спущу, да оверну серой маленькой утушкой,

Пущу во темные во лесы во дремучие.

Там ходят чужеясные удалые соколы,

Так уж подстрелят мою вольную волю довольную…

[Русская, 1980: 66].

Итак, «воля» может первоплощаться, выступать в разном облике, невеста может посылать свою волю «в недосягаемые для похитителей места», понятие девичьей воли представляется в образе «какой-то волшебной птицы — неуловимой, невозвратимой» [Колпакова, 1973: 259], за которой охотится добрый молодец (чаще за «серой утицей»). Наряду с этим «калена стрела» поражает и черна ворона, и белую лебедь, и сизого ярлука (сиза ярла). Все эти образы-символы связываются с теми, кто должен быть побежден, т. е. все они составляют сторону невесты.

В одной из песен Ирины Андреевны Федосовой «князь молодой» пошел к островам Соловецким:

Изловить хотел лебедь белую…

Как пустил в нее он тятевкой,

Пустил пух ее по поднебесью,

Ранил в сердце свою Лебедь белую…

При доми теперь княгиня молода,

У вас во высоком тереми.

[Агренева-Славянская, 1887: 44–45].

В песнях Терского берега Белого моря «сокол молодой» выступает в цепи других символов:

Он на горы ясна сокола убил,

Под горою куницу задавил,

Он на заводи утушку,

Да на песочки лебедушку

В терему-ту красну девицу-душу,

Да ище Анну Ивановну хорошу.

[Балашов, Красовская, 1969: 132].

Несмотря на общность поэтических образов, представленных в виде птиц и зверей, песня села Колежма выделяется наличием совершенно своеобразного наименования *ярл* (*я́рлук*). Цель жениха — убить злое начало в невесте, стать обладателем доброго начала. «Воля» невесты — это зло для жениха, он должен его уничтожить. Переход невесты из одного мира в другой — это смерть; здесь находим отражение «представления» об опасности невесты для жениха, представления о связи женщины с «демоническими силами» [Левинтон, 1970: 28].

Итак, перед нами стоит задача — выяснить, что за «птица» я́рлук, в которого, кроме всех прочих, посылает свою стрелу жених. Точнее, мы хотим понять происхождение слова *я́рлук*. Ответить на этот вопрос нелегко, так как ни в одном из известных нам словарей, в т. ч. и диалектных, ни в одной крупной картотеке оно не зафиксировано.

Поиски происхождения слова *я́рлук* (и *ярл*) заставляют нас обратиться к истории отношений с соседними скандинавскими странами. Слово *ярл* в древней Скандинавии обозначало знатного человека, главу области или ряда областей, герцога. Источником слова *ярл* в русском языке является древнескандинавское *earl*, позднее *iarl* [БАС, XVII: 2090]. Любопытно, что в древней Швеции, где титул *ярл* держался дольше, в XII–XIII вв. он «давался главнокомандующему на море, занимавшему по положению второе место после короля» [БСЭ, XLIX: 642].

Отношения Карелии и ее населения со Швецией и другими странами Скандинавии на протяжении многих столетий были враждебными. Как утверждают историки, «в XI–XII вв. на Скандинавском п-ове установились феодальные порядки, и с с. XII в. возобновились походы на восток. Но теперь это были уже не случайные набеги дружинников, искавших добычу, а агрессия феодалов, стремившихся завладеть новыми землями и превратить местное население в своих крепостных. С к. XII в. в грабительские походы включились северогерманские и датские феодалы» [Очерки, 1957: 66].

Предметы, действия, символы	Слова	Названия сел								
		Колежма	Нюхча	Гридино	Лавела	Резя	Устье	В. Виска	Ветлуга	Мякса
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Водное пространство (какое)	устье	+	+	+	+	+	+	+		
	— лодейное	+	+				+			
	— березовое			+	+					
	— осиновое					+				
	— рябиновое							+		
	реченька									+
Судно	червленый носок	+								
	черненый кораб		+							
	садик			+	+	+				
	чернилов сад				+					
	черниловой садок					+				
	черленый насад						+			
	черленый кораб							+		
	насадик	+					+			
	корабль		+							
	садочек			+						
	корабличок							+		
	полусад	+						+		
	насад						+			
	суденышко									+
Группа жениха	гребцы-молодцы	+	+				+	+		
	молодцы			+						
	работнички				+					
	семь человек					+				+
	кормщичёк	+	+				+	+		
	корщичек			+						
	кормовщичек					+				
	наказничек				+					
	водолей						+			
	носовщичек	+				+				
	наносничек		+		+					
	нанощичек							+		
	весельщичек			+						
	кашевар									+
	повар									+

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Кого (что) должна убить (разрушить) стрела	черный ворон	+	+	+			+			
	сизой ярлук	+								
	сера утица	+	+	+	+		+		+	+
	уточка							+		
	бела лебедь	+	+	+			+			
	лебедушка							+		
	красна девица	+	+	+						+
	красна девка				+					
	красная девушка							+		
	раскрасавица									+
	селезеюшка			+						
	орлик								+	
	сиз голубь								+	
	серый волк				+					
	гора					+				
	вода					+				
	высок терем					+				
Расшифровка символа	ворог (ворон)	+		+						
	тесть (ворон)		+				+			
	недруг (ярлук)	+								
	яства (утица)	+		+						
	кушанье (утица)		+				+			
	кушанье (лебедь)			+						
	теща (лебедь)		+				+			
	невеста	+	+	+			+			+
	веста (утица)									+
	забава			+						
	богосужена					+				
	молода вдова						+			

Н. П. Загоскин пишет о том, что новгородцы, первыми колонизовавшие русский Север, включая и берега Белого моря, «были уже издавна хорошо знакомы с плаванием не только по морю Варажскому (Балтийскому), но и по морям Мурманскому и Студеному, как назвали наши предки Белое море и Северный Ледовитый океан. Здесь внимание их прежде всего привлекли к себе берега Лапландии и Норвегии», на этих берегах соприкасались интересы русских промышленников и норвежцев, «нередко переходя, на почве промысловой конкуренции, в открытые враждебные столкновения» [Загоскин, 1910: 160–161].

Не останавливаясь подробно на исторических событиях, свидетельствующих о необходимости населения Карелии защи-

щаться от шведов и других западных соседей, обратим внимание на интересующую нас ограниченную территорию, где записана песня «Со устьица…». Из ближайших населенных пунктов Сумский Посад (а следовательно, и другие пункты) не раз подвергался нападениям врагов. Давая историческую справку, С. В. Максимов сообщает о том, что «шведы, литовцы и русские изменники нападали на Суму. Шведы по зимам делали частые набеги, значительно усилившиеся на исходе XVI столетия» [Максимов, 1890: 331].

Среди возглавлявших набеги шведов были *ярл Биргер, Гаук Ястреб, Эйрик Кровавая Секира*, особенно прославившийся своей жестокостью. Название титула *ярл* вряд ли могло не запомниться местному населению. «Нападения скандинавов должны были вызвать отпор со стороны карелов, и, во всяком случае, ставили их во враждебное отношение к норвежцам и шведам» [Гадзяцкий, 1941: 52]. Произведения карельского эпоса отразили чувство тревоги, постоянной опасности, вызванной набегами шведов и норвежцев. Об этом ярко говорят некоторые руны «Калевалы». Так, в руне 18 старый Вяйнямёйнен намерен поехать

К шуму страшному сраженья,
Где мужи друг с другом бьются,
Где потоком кровь струится
До колена достигает…

А девица Анникки вспоминает, как ее отец уходил раньше

В тот великий шум сраженья,
Где мужи друг с другом бьются.
Сто мужей садились к веслам,
С ними тысячи стояли,
По краям висели луки,
По скамьям мечи висели.
[Калевала 1978: 279].

В. Евсеев предполагает возможным считать, что «значительная часть карело-финских рун о пастухе-воине, сыне Калевы, связана с событиями XIII–XIV вв., когда карельскому и русскому народу приходилось бороться против шведской интервенции»

[Сампо, 1940: VI]. Соперничество со шведами представлено и в руне 7 сборника «Сампо», рассказывающей о желании шведов посвататься к дочери старика Хиизи. Дева, узнавшая о том, что шведы едут к ней, превратилась в золотистую кукушку, пожаловалась Илмойллине, и тот отправился в женихи к дочери Хиизи [Там же: 110–113].

Слово *ярлук* в символическом сочетании *сизый ярлук* косвенно могло выражать понятие зла, которое сеяли шведы и норвежцы-насильники на чужой земле. Думается, что русским, населяющим Карелию, как и местному населению, могла быть также известна «История Хиалмара, царя Биармландии и Фулемаркии» [Кузнецов, 1906: 33–42], где, в частности, есть строки, рассказывающие о браке царской дочери с Храмром, получившим от царя в приданое титул и права ярла, об отъезде его с молодой супругой из Биармландии на двух кораблях (*«ярл увозил вместе с собою в Фулемаркию свою милую супругу»* [Там же: 38]). События мирной жизни перемежались с жестокими боями. Автор, явившийся переводчиком скандинавских рун о Хиалмаре, С. В. Кузнецов, считает, что Биармия-Биармландия находилась на Мурманском берегу, т. е. рядом с Белым морем, а следовательно, слово *ярл* вполне могло быть знакомо соседям — карелам, саамам, русским.

Со значительной долей уверенности мы можем говорить об образовании слова *ярлук* 'символическая птица, представляющая сторону невесты' от *ярл* 'знатный человек', 'главнокомандующий на море': исторические события, вызвавшие ненависть местного населения к скандинавам, бесконечно нападавшим на него, не могли не сыграть свою роль в том плане, что за словом *ярл* закрепилось понятие чего-то недоброго. Иначе говоря, есть основания предположить перенос значения с конкретного понятия — *ярл* 'знатный граф', 'злой, могучий человек', на абстрактное — 'что-л. злое, что необходимо уничтожить'.

В русских песнях исторического содержания также находим отражение русско-шведских отношений, в частности, шведский король выступает в образе черного ворона:

Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалося,
Что малым-мало спалося, много виделося:
Как привиделась мне, матушка, крута гора во сне,
Что на крутой на горе бел-горюч камень лежит;
А на камне вырастал част-ракитовый куст;
Как на кустике сидит птица млад-сизой орел,
Во когтях он держит черна ворона.
Что возговорит родная ее матушка:
Что дитя мое, дитя милое!
Я тебе, дитя, сон этот расскажу:
Что крута гора – то каменна Москва;
Бел-горюч камень – то наш Кремль-город;
А ракитов куст – то Кремлевский дворец;
Сизой орел – то батюшка, православный царь;
А черной ворон – то Шведский король.
Победит наш государь землю Шведскую
И самого короля во полон возьмет.
[Песни, 1870: 114–115].

Как *черный ворон* символизирует шведского короля, вообще зло, которое надо победить, так, возможно, и *сизый ярл, сизый ярлук* может обозначать что-то отрицательное, что требуется уничтожить, чтоб получить желаемое, противоположное по сути своей (уничтожить злое – приобрести доброе).

В современных скандинавских языках имеется историзм: в шведском *jarl* – ист. ‵высший сановник при короле, ярл′ [ШРС: 459]; в норвежском *jarl* – 1) ист. ‵ярл (феодальный князь в древней Скандинавии)′, 2) ‵граф′ [НРС, 1963: 4–2], *jarl* – ‵князь (древний норвежский титул)′ [НРС, 1959: 59]; в датском *jarl* – 1) ист. ‵ярл, удельный князь′, 2) ‵граф′ [ДРС: 312]. Древнесканд. *earl*, позже *iarl* – в Скандинавии в раннее средневековье означало ‵знатный человек′ и соответствовало англо-саксонским эрлам [Там же]. Англ. *earl* от древнеангл. *eorl* – ‵человек′ – «в Англии

раннего средневековья родовая знать, занимавшая привилегированное положение в обществе» [БСЭ, XLIX: 642].

Исследование лексического состава севернорусских говоров свидетельствует о длительном и интенсивном влиянии скандинавов. «Заимствования из скандинавских языков, особенно на территориях, прилегающих к Белому морю и Ледовитому океану, шли в говоры непрерывным потоком по XX в. включительно» [Житников, 1974: 169–177].

Итак, слово *ярл* (и *я́рлук*) имеет, возможно, свои истоки в древнескандинавском языке. Это предположение еще раз подтверждает мысль о том, что «западная поморская традиция содержит уникальные для общерусского фольклора явления, истоки которых следует искать не только в славянском и финно-угорском, но шире — во всем североевропейском мире» [Бернштам, 1981: 54–55].

ПОРЯДЛИВЫЕ СТАРУХИ И МОЛОДЫЕ ОШКУИ
(отражение нравственно-эстетических представлений в лексике говора)

В плане определения генезиса и путей развития понятий нравственно-эстетического содержания большой интерес представляют диалекты. Соединяя в себе различные исторические пласты лексики, они содержат явления древнейших эпох и новообразования. В говорах в вербальном виде отражается восприятие мира человеком, его воззрения, духовный мир, на формирование которого наложила свою печать история, а также этнические и культурные связи носителей языка.

Лексический состав русских говоров Карелии, уходя своими корнями в далекую общеславянскую (и индоевропейскую) эпоху, приобрел относительно поздние слова субстратного происхождения. Сопоставления с данными славянских и неславянских языков дают возможность установить не только ареалы слов, но и истоки народных нравственно-эстетических представлений.

Нравственно-эстетическая оценка человеческих качеств выражается прежде всего словами, обозначающими понятия 'хороший' — 'плохой', 'красивый' — 'некрасивый'. В современном русском языке характеристика предмета по признаку обла-

дания самыми различными положительными качествами, преимущественно внутренними, выражается словом *хороший* 'вполне удовлетворяющий по качеству, свойствам', 'опытный, искусный в своем деле', 'достойный в моральном отношении', 'заслуживающий одобрения, похвалы', 'доставляющий удовлетворение, радость', 'благородный, порядочный', 'достаточно большой, значительный по величине'; лишь в краткой форме *хорош* имеет значение 'красивый', а при наличии оттенка иронии *хорош* может значить 'очень сомнительных достоинств' [БАС, XVII: 396–405].

В безыскусственной живой народной речи, по мнению С. П. Обнорского, раньше не было слова *хороший* в значении 'красивый', «недаром мы здесь встречаемся с рядом иных его лексических эквивалентов — со словами *ладный, красный, добрый, баской* и др.» [Обнорский, 1929: 241]. В современных диалектах, в отличие от литературного языка, слово *хороший* может выражать значение 'красивый' в полной и краткой форме. Ср.: «*Она на лицо красивая, хорошая*» (Прион., Суйсарь).

О происхождении слова *хороший* существует несколько гипотез. С. П. Обнорский считает, что слово *хороший* представляло собой форму притяжательного прилагательного от *Хоросъ* (*Хорсъ* — имя божества), образованную при помощи суффикса -**jo*, и означало 'собственно принадлежащий, свойственный Хоросу', откуда далее, с забвением Хороса как реального имени божества, развилось естественное значение 'искусный, добрый', 'хороший' [Там же: 254].

В. П. Гудков, предполагая, что прилагательное *хороший* имеет тот же корень, что и существительное *короста*, устанавливает развитие его значения в следующей цепи: 'бугорчатый, пестрый' → 'украшённый, узорный' → 'красивый' → 'хороший' [Гудков, 1966: 35–36]. Известный этимолог Ж. Ж. Варбот видит в этимологии В. П. Гудкова одно из наиболее перспективных направлений поисков происхождения слова *хороший*, так как он учитывает «исходную семантику слова, а именно — обладание по преимуществу внешними положительными качествами, красотой», и обращает внимание на то, что производный от прилагательного глагол *хорошеть* 'становиться красивее, интереснее, миловиднее'

оказывается семантически связанным с прилагательным *красивый* [Варбот, 1981: 37–38]. В производных образованиях часто сохраняются связи с первичным значением производящего слова, исследователь допускает предположение о первичности значения 'красивый' у прилагательного *хороший*; производные глаголы *хорошеть, прихорашиваться* обнаруживают значение 'становиться красивее' [Там же: 39].

Ж. Ж. Варбот предполагает, что восточнославянское *xorošъjь* и его формы родственны с русск. *хорохóриться* 'хохлиться, надуваться (о курице)', волог. *хорохóра* 'растрепанная курица', южнорусск. *хорохóра* и *хорхóра*, обозначающими разное тряпье, могилевск. (белорусск.) *хыряхóня* — человека, который прихорашивается, чтобы обратить на себя внимание. Говоря о естественном развитии семантики от конкретного к абстрактному, автор обращает внимание на первоначальное значение глагола *хорохóриться* — 'топорщиться, взъерошиваться, нахохливаться (о птицах и зверях)', а затем на базе значения 'топорщиться' развивается 'заноситься, храбриться'. Такое развитие семантики Ж. Ж. Варбот связывает с наблюдениями за поведением животных с топорщащимися, взъерошенными перьями или шерстью как признаками «агрессивного поведения или брачного соперничества, величания (причем у многих птиц к брачному периоду отрастает особенно длинное и пышное оперение)» и объясняет развитие значений существительного *хорохóра* таким образом: 'торчащие перья, шерсть' и 'птица (зверь) с торчащим, взъерошенным оперением (шерстью)' → 'заносчивый, задиристый человек' и 'человек, который прихорашивается'. Исследователь приходит к выводу о том, что слова *хорохóриться, хорохóра* (и *хороший*) восходят к слав. **(s) kor-* ← и.-е. **(s) ker-* 'резать, драть'. Первоначальным значением прилагательного *хороший*, как утверждает Ж. Ж. Варбот, было 'топорщащийся, взъерошенный', на базе которого в дальнейшем развилось 'украшенный' → 'красивый' [Там же: 40–41]. Есть основания согласиться с окончательным выводом Ж. Ж. Варбот о том, что «в формировании и развитии значений **xorxoriti sę, *xorxora* и **xorošьjь* отразились наблюдения древних славян за поведением животных, представле-

ние о непосредственной связи между внешними украшениями, убранством и заносчивым поведением» [Там же: 42].

О. Н. Трубачев включает *хороший* в группу слов, родственных с **xorostь* (костр. *хорость* 'удобство, красота, приятность'), добавляя такие данные, как *хорошай* 'красавец', 'слишком занятый своей наружностью', отмеченные в псковских и тверских говорах, *харошыць* 'чистить' — в белорусских говорах, а также многие другие с подобной семантикой; он считает, что его «гипотеза объясняет исход слова и учитывает скрытые стороны значения слова *хороший* и гнезда ('скрести', 'чистить'), вполне отвечающие этимологической реконструкции **sker-/*skor-*» [ЭССЯ, VIII: 80–81].

В северо-западных говорах отмечены: *хороший* 'ловкий, искусный в движениях' в вытегорских, *хоро́шачий* 'хороший ' в киришских, *хороше́нный* 'очень хороший ' в тихвинских, *хоро́шество* 'хорошие, положительные качества человека' в лодейнопольских [КСРГК], ср. *хоро́шество* 'то, что заслуживает одобрения' в крестецких и валдайских говорах [НОС, 12: 23]. Новгородским говорам известно также *хорохо́ра* 'хвастливый, задиристый человек' и *хорохо́ристый* 'задиристый, строптивый' [Там же]. В эту же группу, видимо, следует включить и такие этимологически родственные слова (без редупликации корня), как *хорега́* 'птичий хвост', *хору́га* 'петушиный хвост', известные онежским, *хореватый* 'негладкий, со следами оспы' — пудожским говорам [КСРГК].

В лексико-семантической группе нравственно-эстетического и оценочного содержания имеют место слова с корнями *лад-*, *ряд-*, *год-*, *норов-*, выражающие понятия порядка, уместности. Большинство слов с корнем *лад-* объединяются семантическими компонентами 'мир, согласие, порядок, уместность', напр., *ладный* 'такой, какой нужно; подходящий по величине, размеру' в медвежьегорских, *ла́диться* 'быть пригодным, подходящим, отвечать определенным требованиям' в беломорских, медвежьегорских, *лад не в лад* 'кое-как' в пудожских, *ла́довый* 'такой, который удовлетворяет определенным требованиям' в белозерских говорах и т. п. [СРГК, III: 88–90]. Однако имеется лексико-семантический вариант с компонентом 'красивый': *ла́диться*

'стараться придать себе нарядный вид, прихорашиваться' в каргопольских и подпорожских говорах [Там же: 89].

Слово *лад* – общеславянское по происхождению. В современных западных и восточных славянских языках лексема *ладный* — укр. *ладний*, чеш. *ladný*, польск. *ładny* — имеет значение 'миловидный, красивый' [Фасмер, II: 447]. Можно предположить, что значение 'красивый' развилось на базе более раннего абстрактного значения 'порядок, мир', 'то, что согласуется с общепринятыми нормами'. Ср. древнерусское *лада* 'супруг, супруга', известное всем славянским языкам. Исследователи находят аналогию в развитии семантики слов *лад* — *ладный* и *мир* — *милый* (этимон *ми-*). *Мир* — общеславянское слово, имеющее соответствия в балтийских языках, а также в алб. — *mirë* 'хороший', др.-инд. — *mitrás* 'друг' [Фасмер, II: 626].

С корнем *-ряд-* известна группа слов с приставкой *об-*: *обряди́ть* 'положить в укромное место, спрятать' в медвежьегорских, вытегорских, подпорожских и тихвинских говорах, а в значении 'выполнить все хозяйственные дела по дому', 'привести в порядок, прибрать, почистить' в соседних говорах к западу и югу от Заонежья; *обряжа́ть, -ся* 'ухаживать за домашним скотом', 'наводить порядок' и т. п. в ряде говоров; *обря́дня* 'выполнение хозяйственных дел по дому', 'пища, еда', 'время обеда' в кемских и терских говорах; *обря́дки* 'игра в прятки' и 'место, где что-то спрятано' в подпорожских говорах; *обряже́нец* 'человек, занимающийся делами по домашнему хозяйству' в терских говорах; *обряжу́ха* — то же применительно к женщине в говорах Белозерья; *обря́д* и *обря́да* 'совокупность хозяйственных дел, выполняемых женщиной в доме' в медвежьегорских, любытинских говорах и говорах Белозерья, 'обустроенность, порядок в доме и хозяйстве' в кемских, 'внутренность, убранство дома' в киришских говорах и т. п. [СРГК, IV: 114–116]. Имеются и слова с приставкой *по-*: *поря́дня* 'образ жизни, уклад', *поря́дливый* 'любящий порядок, аккуратный' в беломорских говорах, ср.: «*Кака деревня, така поре́дня*», «*Сумля́нки поря́дливы*» (Белом., Сумпосад).

Некоторые слова с *-ряд-* имеют значения, содержащие компонент 'красивый', ср. *обря́д* 'одежда, наряд, украшение' в пудожских, медвежьегорских и многих соседних говорах, *обря́дно*

`нарядно, красиво (о манере одеваться)' в онежских и кандалакшских, *обря́денький* `нарядно одетый' в белозерских, *обряжа́ться* `наряжаться' в терских и батецких говорах. Наоборот, у слова *обря́дина* `грязь, беспорядок' в пудожских говорах развилось противоположное значение, указывающее на отсутствие данного компонента [Там же].

Корень *ряд-* балто-славянского происхождения, ср. болг. *ред(ът)* `ряд, порядок, строка', лит. *rinda* `ряд, линия' [Фасмер, III: 536]. В целом можно видеть следующий путь развития оценочного положительного компонента: `линия, ряд' → `порядок' → `аккуратность' → `красота'. Эстетическое представление формируется на базе установившихся понятий о жизненном укладе.

В рассматриваемую лексико-семантическую группу входят и слова с корнем *норов-*: *норовли́вый* `капризный, норовистый' в медвежьегорских говорах, *норови́ть* `приспосабливаться, приноравливаться к кому-н.' в череповецких и кирилловских, `подождать, повременить' в лодейнопольских и подпорожских говорах [СРГК, IV: 41]; *понорови́ть* как синоним к *подла́дить* `угодить', *беспоноро́вный* `неуклюжий, неловкий', `не угождающий' [КСРГК]. Ср. также *нрав* `привычка' в каргопольских, *нра́вый* `такой, который нравится' в пудожских, *нра́вство* `взаимное влечение, любовь' в кирилловских говорах [СРГК, IV: 52]. Описывая представления древнего русича, отраженные в слове, В. В. Колесов приходит в выводу о связи высокого слова *нрав* с духовной сущностью человеческих действий, а *норов* — с физическими, чисто биологическими, с которыми не может справиться ни закон, ни обычай [Колесов, 1986: 130]. Говоры, наряду с общеизвестным словом *нравиться*, усвоили не только собственно русские слова с *норов*, но и старославянские с *нрав*, приобретшие значения, выражающие не внутренние черты, а внешние моменты поведения человека.

Лексемы *пого́дно* `так, как следует' [КСРГК], *го́дно* `хорошо, как следует' в медвежьегорских и прионежских говорах, *годя́чий* в пудожских и тихвинских, *годя́щий* в медвежьегорских в значении `отвечающий определенным требованиям, пригодный', *го́дью* `правильно, верно, толково' [СРГК, I: 350–351] находятся в лексико-семантическом ряду с *го́дный* `удобный, подходящий' — от

общеславянского *год* `прилаженное, подходящее, желаемое'. Слово *годный* в анализируемых говорах приобрело дифференцированные семантические варианты, содержащие компонент положительной оценки: `знающий, опытный', `порядочный, опытный', `хороший', `интересный', `ценный', близкая семантика характерна для слова *гóжий* [Там же]. Ср. в совр. чеш. яз. *hod* `благоприятное время, праздник' [КЭСРЯ: 107].

Таким образом, в народном понимании *лад, ряд, норов, год,* содержащие общий семантический компонент `порядок, удобство', находят прямой выход для выражения понятия красивого, «во многих словах замечается переход от сходства, уместности, своевременности к красоте» (А. А. Потебня). То, что занимает самое важное место в жизни людей, — мир, согласие, порядок, — воспринимается как эстетически самое ценное, прекрасное. Отсюда развитие соответствующих значений. Может наблюдаться и обратный семантический процесс — «развитие на основе понятия внешних достоинств, красоты понятия положительных качеств вообще, как внешних, так и внутренних» [Варбот, 1981: 42].

Понятие прекрасного выражается в исследуемых говорах и диалектными словами с корнями *див-, бас-, рахман-.*

Слово *басá* бытует в значении `красота, привлекательность чего-н. (о внешности, одежде, пейзаже)' в пудожских, белозерских, вашкинских, кадуйских, `нарядно одетый человек' в вашкинских, *для басы́* `для красоты' в кемских и многих соседних говорах; *бáсенький* `красивый, пригожий (о человеке, животном)' в пудожских, медвежьегорских и прилегающих с юга говорах. Наряду с этими словами СРГК приводит с довольно широкой географией и такие: *бáсенько* `опрятно, красиво', *бáсинка* `красиво, нарядно одетая женщина' только в пудожских, *бáсинка* `что-н. вышитое, чем-н. украшенное', *басúночка* `вышивка на платье', *басúстый* `красивый, нарядный', *бáсить* `наряжать, одевать красиво', `украшать кого-, что-н.', `форсить, щеголять, похваляться чем-н.', `приводить в порядок, чистить', *бáситься*, близкое по семантике к *бáсить*, а также *бáситься* `становиться ясным (о небе)', *бáский* `нарядный', *бáско* `нарядно', *басотá* `о радостной, хорошей жизни', *басю́ля* `тот, кто любит наряжаться', *бася́вый* `красивый, нарядный', *бáся* `картинка', *бáсенка* `фотография, иллюстрация в

журнале, книге, газете', `обертка от конфеты, фантик'. Как видно, все слова связаны с обозначением красивого, нарядного, т. е. внешне выделяющегося именно этим признаком. В эту же группу входит также название оборки и кофты с оборками, с отделкой — *ба́ска*, довольно широко распространенное [СРГК, I: 43–45]. В ряде северных говоров развивается значение, содержащее оценочный компонент: *баско́й* `имеющий какие-л. положительные качества, вполне удовлетворяющий предъявляемым требованиям' в архангельских, `удачный, благоприятный' в пермских; в южнорусских говорах слова с *бас-* встречаются реже: *баско́й* `проворный, расторопный, ловкий' известно орловским и тамбовским говорам [СРНГ, II: 133].

Этимологи относят слова с корнем *бас-*, в частности *баской*, к достаточно древним, учитывая северновеликорусско-украинский ареал соответствий (в укр. *баски́й* `резвый, ретивый, рьяный'); сближают с сербохорв. диал. *nàbas* `красиво, превосходно'; О. Н. Трубачев указывает, что этимологическая трактовка требует учета связи группы слав. **bas-* как с др.-инд. *bhasati* `светит, блестит, сияет', так и с *\*bajati* `говорить', «особенно же с лат. *fās* `божественный закон' и др.-инд. *bhāṣate* `говорит', показывающими идентичное расширение». В основе всех этих лексем он видит единое и.-е. **bha-s-* [ЭССЯ, I: 162–163]. Мотивирующим признаком для слов с корнем *бас-*, в семантической истории которых «наблюдается... эстетическое осмысление реальности», Л. В. Савельева считает `свет, блеск, сияние' [Савельева, 1997: 112–113].

В современном литературном языке *ди́вный* имеет значение не только `чудный', `удивительный', но и `прекрасный' [БАС, III: 779]. В севернорусских говорах широко представлено слово *дивья́* `хорошо, легко'; *дивья́* `удивительно' известно тихвинским, каргопольским, кадуйским, кирилловским, вариант *дивьё* кемским и плесецким говорам; `трудно' — вытегорским и каргопольским, `очень' — лодейнопольским, киришским, белозерским, `вместе' — пудожским. В укзанных значениях слово *дивья́* употребляется как наречие или категория состояния. Ср. также *диво* `хорошо, удобно' в медвежьегорских, *дивья́тенко* `хорошо, легко' в подпорожских говорах. Однако морфологическая принадлеж-

ность слова *дивья́* может быть и иной: союз усл. и уступит. 'хотя бы' — в медвежьегорских и вытегорских, частица, обозначающая желательность, — в чудовских, в роли вводного слова 'ничего, ерунда' выступает в вытегорских [СРГК, I: 458–459]. Семантический компонент 'удивление' содержат слова *ди́вно* 'удивительно', 'странно', *ди́вное* 'что-н. удивительное', *ди́вность* 'удивление' в ряде говоров, устойчивые сочетания *в ди́во войти́* в терских, *ди́во взя́ло* (*берёт*) в медвежьегорских, пудожских, кирилловских, *ди́во каза́лось* в подпорожских, *из ди́ва вон вы́йти, с ди́ва пропа́сть* в медвежьегорских, кемских, терских говорах, *дивова́ться* 'удивляться' во многих говорах; *дивова́ться* 'хвалиться', 'любоваться' в беломорских, *дивли́на* 'нечто удивительное' в вытегорских, *ди́вно* 'много' в киришских.

В меньшей степени в гнезде с *див-* проявляются другие значения, а именно: *диви́ть* 'осуждать' в каргопольских, 'хвалить' в лоухских, *диви́ться* 'смотреть' в онежских [Там же].

В русских говорах Карелии и соседних областей обнаруживается большинство значений, известных группе с **div-* другим славянским языкам, кроме 'дикий'. Память о последнем косвенно проявляется, видимо, в значении 'удивляться'. В целом группа восходит к **divo, * divъ* 'чудо, диво' связано с **divъ(jь), *dikъjь* 'дикий', как считает О. Н. Трубачев. «Нет оснований считать именно слово **divъ* первонач. слав. названием бога, якобы деградировавшим семантически (→ 'злой дух') в связи с семантической эволюцией **bogъ*» [ЭССЯ, V: 35]. Этимолог отрицает возможность сближения с и.-е. **dei̯u̯-* 'свет', 'небо', 'божество', не объясняющего, на его взгляд, таких существенных значений слов в славянском лексическом гнезде, как 'смотреть', 'дикий', и возводит этимологически тождественные **divъ, *divo* к др.-инд. *dhī-* 'созерцать, наблюдать', к которому присоединился расширитель *-v-* в слав. [ЭССЯ, V: 34–35].

Слово *рахма́нный* 'добрый, хороший, живой, приветливый, гостеприимный' в к. XIX в. бытовало в петрозаводских, пудожских, каргопольских, лодейнопольских говорах [Куликовский: 99]. В современных прионежских говорах словом *рахма́нный* характеризуют скромного, спокойного, уважительно относяще-

гося к другим человека, в беломорских красивого, в белозерских говорах нарядного человека [СРГК, V: 500].

В говорах севернее и восточнее от Москвы *рахма́нный* (*рахма́ный*) имеет значения `веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый; щеголь'; западнее — `тихий, кроткий, смирный, ручной'; юго-западнее и юго-восточнее от Москвы — `вялый, хилый, неразвязный; смирный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный'; в московских, нижегородских, симбирских и пензенских говорах — смешанное значение [Даль, IV: 86], характерное также для новгородских говоров: `неорганизованный, несобранный', `бойкий, расторопный', `толковый', `красивый', `веселый', `радушный, гостеприимный', `хвастливый', `добрый' [НОС, IX: 116].

Таким образом, в русских говорах это прилагательное имеет широкий семантический диапазон. Слово *рахма́нный* (*рахма́ный*) может характеризовать привычки и наклонности: разгульный, хлебосольный, щедрый, сюда же пудожское *рахма́нно есть* `хорошо питаться': «*Он рахма́нно ест, рахма́нно есть — добра́ не нажи́ть*» [Потахина, 1985]; физические свойства: полный, цветущий (о человеке) [Прохорова, 1966: 95]; степень материальной обеспеченности: *рахма́нный* `роскошный', *рахма́нно* `привольно, с достатком', `широко, щедро, не скупо' в архангельских говорах [Подвысоцкий: 146].

С XVI в. известны антропонимы: Василий Иванович Ляпун *Рахманов*, бывший холоп, 1495 г., Новгород; *Рахманин* Астафьев Колзанов, губной староста, 1566 г., Владимир; Василий Васильевич *Рахманинов*, дьяк, 1536–1545 гг., Можайск и т. д. [Веселовский: 267].

Слова с корнем *рахман-* известны и другим славянским языкам: в белорусском языке ряд слов имеет значения `тихий, кроткий, хмурый, пасмурный (о погоде)', а в украинском *рахма́н* — `по народному поверью: житель мифической местности, праведный христианин'; `нищий'; *рахма́нний* `смирный, тихий' [Гринченко, IV: 7]. Родственные слова есть в сербском из тюркского и польском из вост.- слав. [Прохорова, 1966: 98; Фасмер, III: 450].

Поиск этимона привел исследователей к двум позициям:

1) др.-русск. *рахмане* 'брахманы' и *врахмане*, заимствованное из греч. «брахманы», распространилось через «Александрию» и «Хождение Зосимы» (без *в*- с XIV в.) (Соболевский, Преображенский, Фасмер);

2) из тур. *rahtman* 'сострадательный' от араб. (Миклошич, Брюкнер); евр. *racham* 'любезный, сострадательный' (Горяев) [Прохорова, 1966].

В. Н. Прохорова, проследившая судьбу слов с *рахман*-, пришла к выводу, что «слово *рахман* возникло в результате проникновения в русский язык слов из разных языков: книжного заимствования из греческого (*брахманы – врахманы – рахмане*) и устного заимствования из тюркских языков» [Прохорова, 1966: 102].

В группу слов нравственно-эстетического содержания входят слова с корнем *чин*-, развивающие в говорах разные, иногда противоположные значения: *чини́ть* 'ценить, уважать кого-, что-н.' в медвежьегорских и каргопольских говорах, *за чин счита́ть* 'почитать, уважать (за должность)' в терских, *чинарём* 'самостоятельно, отдельно, независимо от других' в кемских говорах; *чини́ться* 'ссориться, ругаться, относиться друг к другу враждебно' в тихвинских, *чиня́ть* 'упрекать, порицать за что-н.' в подпорожских говорах [КСРГК]. Развитие значений с отрицательным компонентом обусловлено, видимо, стремлением субъекта устранить непорядок, вызванный действием другого лица, отсюда 'упрек', 'порицание' можно рассматривать и как положительное действие, ср. иллюстрации: «*Мать стала Нину-то чиня́ть, она опять приехала к Ивану*» — Подп., «*Не помню, как поженились, а помню, как вражи́лись наши соседи, чини́лись, вражі́лись между собой, а что толку*» — Тихв. [КСРГК]. В говорах в сравнении с литературным языком представлено значение 'положительное качество', ср. *чи́нный* 'хорошего качества что-л.', *чиня́ть* 'приготовлять лыко для плетения лаптей, очищать его' (точнее, как нам кажется, 'доводить до хорошего состояния, своими действиями придавать нужные качества' — *Л. М.*) в новгородских говорах [НОС, 12: 59].

Чин — общеславянское слово, связанное происхождением с др.-инд. *cáyati* 'накладывает, располагает, собирает, составляет, строит' [Фасмер, IV: 363]. О. Н. Трубачев считает, что праслав.

**činъ* восходит к и.-е. глагольной основе со значением 'лежать, покоиться', 'класть' и что «форма и семантика **činъ* 'поступок, содеянное' тесно связаны производностью того и другого планов с формой и семантикой **cěna* 'плата за содеянное' на и.-е. уровне» [ЭССЯ, 4: 114]. Н. М. Шанский представляет семантическое развитие слова *чин* в виде следующей цепи: 'порядок, действие' → 'подчинение' → 'определенное место' → 'должность'; образованный от существительного общеславянский глагол *чини́ть* с первоначальным значением 'следить за порядком', далее — 'делать что-л.' → 'исправлять' [КЭСРЯ: 494–495].

Русские говоры довольно прочно удерживают слова с корнем *черед-*, содержащие компонент 'порядок': *череда́* 'порядок в следовании, очередь' в киришских, *черёдка* 'очередь, черед' в вологодских, *черёдный* 'заслуживающий внимания, сто́ящий' в череповецких, *чередо́м* 'как следует, хорошо', 'случайно, вдруг' в череповецких, 'правильно, заслуженно, справедливо' в кирилловских, *череды́ свести́* 'навести порядок' в терских говорах [КСРГК]. Ср. в новгородских говорах три омонима: *череди́ть* 'убирать, приводить в порядок что-л.' — на западе области, *череди́ть* 'идти, волоча ноги, почти не поднимая ноги' — в центральных, боровичских говорах, *череди́ть* 'бранить, ругать' — на востоке, в дрегельских говорах [НОС, 12: 45].

В целом в русских говорах глагольные образования имеют разнообразную семантику, часто противоположную. Ср. в тамбовских говорах *череди́ть* 'угощать, потчевать, чествовать', в курских *череди́ть* 'проказить, прокудить'; в северных и сибирских *череди́ть* обозначает действия, связанные с наведением порядка, чистоты, — 'готовить, изготовлять, исправлять, убирать, устраивать, приводить в порядок, рядить, ладить, обихаживать' [Даль, IV: 591].

Этимологически родственным общеславянскому слову **čerda* является древнепрусское *kērdan* 'время' (из 'ряд, очередь'), литовское *kerdà* 'стадо', восстанавливаемое на базе 'пастух'; в др.-инд. и других и.-е. языках соответствия имеют значение 'стадо', а также 'скот, богатство', 'группа, толпа' [Фасмер, IV: 337]. В славянских языках обнаруживаются основные — 'стадо', 'отряд, разряд', 'смена, очередь', 'вереница', 'пора, время' и второстепенные зна-

чения — 'растение череда', 'просо', по данным ЭССЯ. О. Н. Трубачев высказывает «предположение, что слав. семантич. комплекс 'стадо, вереница; смена, очередь; время, пора' отражает в слове *čerda древний обычай общинного выпаса скота и связанных с этим повинностей»; он допускает возможность возведения данного слова к и.-е. *ker- 'резать'. «Наличие весьма старых значений 'время, пора' (для др.-прусск., напр., это знач. единственное) наводит на мысль, что перед нами — один из технических (сельскохозяйственных, скотоводческих) терминов отсчета времени и хозяйственных расчетов между пастухами и родовой общиной, основанный на применении надрезов и зарубок. Культурные аналогии в развитой форме можно найти в быту карпатского оттонного скотоводства»; реально-семантическую параллель исследователь находит в романских языках: 'дощечка с зарубками' — 'стадо мелкого скота' [ЭССЯ, IV: 62]. Добавим, что к последнему близко ярославское *черёд* 'единица для счета скота (лошадь, корова — черед; овца, теленок — 1/2 череда)' [КЯОС: 213]. Ср. также наличие компонента 'резать' в кандалакшском *чередить* 'разрезать и чистить рыбу, птицу' [ЖРКП: 176].

Диалектные слова, содержащие семантический признак 'порядок', сохраняют память о ряде (составленном из надрезов), на базе которого и устанавливался порядок. Компонент 'красивый', развившийся, по-видимому, позднее в группе слов с корнем *черед-*, содержится во владимирском *чередиться* 'наряжаться', псковском *чередиха* 'щеголиха' [Даль, IV: 591].

Русское литературное слово *опрятный* 'чистый, аккуратный' образовалось от глагола *прятать* 'убирать', 'приводить в порядок'. Глагол *прятать* в севернорусских говорах существует как термин подсечно-огневого земледелия и обозначает 'убирать стволы и пни и тем самым расчищать будущую пашню'. Ср. *прятать* 'убирать с сожженной нивы (подсеки) обгоревшие стволы деревьев, пни и т. п., чтобы удобнее было производить вспашку' в олонецких говорах [Куликовский: 96]. Ср. также *прятать суки* 'сжигать сучья, готовя землю под пашню' в новгородских говорах [НОС, 9: 55]; *опрятать* — в домашнем хозяйстве 'прибрать, привести в порядок, убрать вещи на свое место' (новг.), *опрятать* 'очистить, привести в порядок, вымыть' (яросл.)

[Меркулова, 1976: 66]. Современным говорам исследуемой территории известно *опря́тать* 'спрятать, упрятать' — плесецкие, 'сложить на хранение' — шекснинские, 'убрать' — каргопольские [СРГК, IV: 229].

На основе значения 'убирать' = 'приводить в порядок' развивается значение 'убирать (себя)' = 'одевать, наряжать'. Ср. русск. *опряну́ть* 'одеть', *опряну́ться* 'одеться', *опрятывать* 'окутывать', *упря́тка* 'одежда' (смол.), *напрятать* 'надевать, одевать' (брян.) и др. Этимологические разыскания привели В. А. Меркулову к выводу о первоначальном значении глагола **prętati* — 'рыть, рыться', 'рвать, дергать', затем → 'дергая, срывая, удалять' и 'делать чистым, расчищать путем вырывания, корчевки (поле, дорогу)' [Меркулова, 1976: 67, 70]. Значение современного слова *опрятный* развивается, естественно, позднее, в частности, на базе семы 'чистый, аккуратный' → 'красивый'.

Семантически к анализируемым словам близко медвежьегорское *чо́порный* 'опрятный, аккуратный', 'придерживающийся моды, модный' [КСРГК], *чо́порный* 'порядливый' [Куликовский: 133]. Аналогичные значения в орловских — *чапурно́й* 'щеголевато одетый', ярославских говорах — *чепорный* 'нарядный'; такую же или близкую семантку имеет соответствующая лексема в вост.-слав. языках: укр. *чепурни́й* 'аккуратный, чистый, опрятный, красивый', блр. *чепурны́й* 'чисто, чопорно одевающийся' [ЭССЯ, IV: 60]. Ср. в литературном языке *чо́порный* 'чрезмерно строгий в поведении, в соблюдении приличий' [БАС, XVII: 1102]. О. Н. Трубачев восстанавливает **čeрьrъпъjь/*čeрьrъпъjь* как производное от **čeрьrъ/*čeрьrъ*, которое является отглагольным именем от **čeperiti/*čepiriti, *čepuriti*. Из данных глаголов первые два с возвратной частицей **sę* имеют современные южнослав. и зап.-слав. языки с семантикой, отражающей внешнее поведение человека, животного, состояние отдельных предметов: 'хорохориться, пыжиться', 'расставив ноги, загораживать дорогу', 'взбираться, подниматься; двигаться вверх', 'топорщить перья, щетиниться', 'ерошиться', 'наряжаться странно, крикливо', 'торчать, топорщиться (во все стороны)', 'важничать, пыжиться' [ЭССЯ, IV: 55]. Глагол же **čepuriti sę* в болг., польск. и вост.-слав. языках содержит основную сему 'наряжаться, прихорашиваться', реже выражает

отношение с окружающими — `ссориться, важничать' [ЭССЯ, IV: 56]. Данные глаголы образовались путем сложения «экспрессивной частицы *če- и глагольной основы, насчитывающей целый ряд апофонич. вариантов *-periti, *-piriti, *-puriti» [ЭССЯ, IV: 56].

Существительное *čеръгъ/*čеръгь характеризуется наличием таких сем, как `сук', `пенек' в южнослав. языках, `хлам, старье' и `хороший' в зап.-слав., `хохол, волосы, чуб', `прядка волос', `птица' в вост.- и южнослав. языках. «Значения `хлам' (в.-луж.) и `хохол, волосы, пучок, прядь' (укр., сербохорв., макед.) отчетливо связаны с глагольным значением `топорщить, торчать'», а значения типа `охорашиваться' производны от `топорщиться', как отмечает О. Н. Трубачев [ЭССЯ, IV: 59–60].

Любопытно фонетическое и частичное семантическое сходство известного лоухским говорам *чёпор* `выделанная шкура молодого животного (оленя, лося)' и терским говорам Мурманской обл. *чепуро́к* и *чёпурок* `молодой олень в возрасте до полугода', *чепурно́й* и *чёпурный* `выделанный из меха оленя моложе одного года, меховой' [КСРГК]. Ср. также архангельское *чо́порка, чо́пурок* `молодой олень до трех месяцев', восходящее к саамскому `то же' [Фасмер, IV: 372]. Ср. в саамском обозначение оленя словом *пуаз* [Керт, 1986: 189]. Сопоставление со славянскими данными наводит на мысль о наличии общего семантического компонента `шерсть, волос', т. е. `то, что топорщится'. Не явилось ли такое схождение результатом древнейшей интерференции славянских и прибалтийско-финских языков — вопрос, требующий дополнительных разысканий.

В развитии семантики слова *чо́порный* отражается та же цепь отношений, что и в слове *хороший*, связанном с *хорохо́риться*: внешний признак становится определяющим в оценке характера человека.

Отрицательная оценка качеств человека выражается известными словами *дурной, плохой, худой*.

Прилагательные с корнем *дур-* имеют в славянских языках такие значения, как `вспыльчивый, неистовый, злой' — сербохорв., `пугливый' — слвцк., `глупый, дурацкий, сумасшедший' — чеш., `глупый' — укр., блр. В русском языке в значениях *дурной*

`нехороший, скверный', `вызывающий неодобрение, предосудительный', `безрадостный, гнетущий, неблагоприятный', `некрасивый' является общеупотребительным. В говорах русского языка отрицательные характеристики более конкретны, они относятся и к внутреннему состоянию человека, и к внешним признакам как человека, так и какого-л. предмета: `сумасшедший, бешеный, ненормальный' — в самых разных русских говорах, `нездоровый, больной; болезненный' — во владимирских, калужских, `рваный, старый (об одежде, обуви)' — в русских говорах Латвии и Эстонии, `необыкновенный, непривычный; не свой' — в тверских, `очень большой, огромный, крупный' — в уральских и т. п. (о воде, о домовом, о сибирской язве, о густой высокой траве, о собаке), как это суммарно представлено О. Н. Трубачевым [ЭССЯ, V: 163]. Праславянское прилагательное **durьnъjь* производно от слова **durъ*, представляющего собой «субстантивно-адъективное образование архаич. типа, кот. может быть возведено к и.-е. *dhou̯-r-o-*, производному с *-r-* суффиксальным, однокоренному с **duxъ, *duti*» [ЭССЯ, V: 162].

В русских говорах Карелии отмечены следующие слова и сочетания: *дуровóй* и *дуровáтый* `способный к неожиданным действиям; дурной' в пудожских говорах, *дурнóй* `хмельной, крепкий' в чудовских; *в дýрово* `понапрасну, на выброс' в кемских; *быть не в дýрости* `быть неглупым, воспитанным' в медвежьегорских; *дурь* `гной' в пудожских, каргопольских, вытегорских и некоторых соседних говорах; *дýрство* `дурость, глупость' в прионежских говорах; а также *дурнáть, дурнь, дурня́к, дурьбёха* в соседних говорах [СРГК, II: 11].

Слово *худой*, обозначающее отрицательные внутренние качества людей, также является славянским. О. Н. Трубачев считает наиболее вероятной реконструкцию славянского **xudъ* как и.-е., родственного др.-инд. слову в значении `толочь, дробить', `маленький, мелкий' и допускает связь с лит. *skurdùs* `скудный, бедный, убогий' [ЭССЯ, VIII: 112].

Отметим, что в русских говорах Карелии и соседних областей представлено значительное по объему словообразовательное гнездо: *худербéй* `слабый человек' в онежских, *худерýщий* `очень плохой', *худеря́чный* `плохонький' в подпорожских, *худúться*

`обижаться на кого-н., сердиться' в медвежьегорских, *худовóй* `несчастливый, безрадостный плохой (о жизни)', *худоýмиться* `грустить, быть невеселым, задумчивым' в беломорских, *худоýмный* `скучный, грустный' в кондопожских, `неуживчивый, несговорчивый' в медвежьегорских, `обидчивый' в кемских, `глупый' в чудовских и т. п. Известны также слова *хýдость, худýн, худя́вый, худя́к, худя́нный, худя́чка, худя́щий* и *худáщий, худóбина, худови́на*; особняком в словообразовательном отношении стоит *хужáрый* `плохой, неблагодарный' в подпорожских говорах. Любопытны и устойчивые словосочетания со словом *худой*: *попáсть на худóй след* `оказаться под воздействием нечистой силы' в медвежьегорских и терских, *как в худóм гнездé вертéться* `суетиться, хлопотать, как белка в колесе' в кандалакшских, *в худы́х дýшах* `о состоянии тревоги, беспокойства' в каргопольских говорах.

Слово *плохóй* `лишенный положительных качеств', возможно, являющееся заимствованием из польского [КЭСРЯ: 344], отмечено в своеобразном употреблении в говорах: напр., *обрати́ть плохóе внимáние* `не уделить должного внимания' в медвежьегорских говорах. Словообразовательное гнездо с корнем *плох-* содержит такие лексемы, как *плоховáсто* `плохо' в киришских; *плохýнья* `капризная, непослушная девочка', *плóший* `худший, чем раньше; испорченный' в медвежьегорских, *плóхкать* `чувствовать себя нездоровым, испытывать недомогание', *плошáщий* `очень бедный, нищий человек' в подпорожских; ср. *плохáтый* `плоский' в солецких говорах [СРГК, IV: 550–551].

Прилагательное *неуклю́жий* в литературном языке не имеет родственных слов. Его обычно употребляют по отношению к человеку нескладному, с некрасивой несоразмерной фигурой, мешковатому, неловкому в движениях, ср.: *ходи́ть неуклю́же*. В русских говорах довольно широко представлена лексика с корнем *клюд-/клюж-*: *клюдь* `порядок, приличие; красота' в костромских и владимирских говорах, *клю́жа* — ласк. о курице, ребенке в смоленских, *клю́жий* — `хороший; статный, красивый, видный' в вологодских, ярославских, владимирских, костромских, калужских, олонецких, ленинградских, `честный, порядочный' в вытегорских и подпорожских, `вкусный, ароматный' в ленинградских; *клю́жий* `хороший, достойный' бытует в подпорожских и

лодейнопольских говорах, 'красивый, пригожий' в прионежских, 'красивый, нарядный (об одежде)' в лодейнопольских, *клюжный* 'ласковый, добрый' в прионежских; *клюже* 'складно, хорошо' известно подпорожским говорам [СРГК, II: 374], 'хорошо' в вологодских, ярославских, костромских и тамбовских говорах, 'удобно' в тамбовских, 'полезно' в вологодских говорах [СРНГ, XIII: 318]. Семантически противопоставленным по наличию сем отрицательной характеристики является однокорневое *клюжить* 'ругать, бранить', 'ворчать', 'бить, трепать', отмеченное в рязанских говорах [Там же].

В медвежьегорских говорах зафиксирован глагол *оклю́деть* 'начать чувствовать себя лучше после болезни, недомогания': «*Я маленько оклю́дела, ожила немножко, а то болело всё у меня*» [СРГК, IV: 176]. Ср. у В. И. Даля: «*Без клю́ди мы не люди*» [Даль, II: 122]. Глагол *клю́диться* 'болеть', бытующий в псковских говорах [ЭССЯ, X: 54], видимо, имел на одном из этапов значение 'приобретать, получать клюдь, т. е. хорошее состояние', как и глагол *боле́ть* 'получать силу, выздоравливать' [Колесов, 1986: 94].

Родственные слова в говорах Карелии и смежных территорий имеют и приставку *не-*: *неуклю́дный* 'неприятный; такой, который чем-то не нравится кому-н.' в пудожских и вытегорских говорах, *неуклю́док* 'неказистый, непредставительный человек' в кирилловских и вытегорских, *неуклю́жий* 'неаккуратно, неряшливо одетый' в лодейнопольских, 'кривой, нестройный (о дереве)' там же и в терских говорах [СРГК, IV: 17]; *неклю́жий* 'неуклюжий, неловкий' в прионежских, подпорожских, лодейнопольских, 'некрасивый' в прионежских, 'нехороший' в кондопожских и лодейнопольских, 'неудобный' в подпорожских; *неклю́же* 'плохо, неправильно' в лодейнопольских, 'трудно, неудобно' в подпорожских говорах [СРГК, III: 409]. В олонецких говорах отмечено и *склю́диться* 'согласиться, сладиться', содержащее в семантической структуре признак 'согласие, лад' [Кузнецова, 1977: 82–86].

Известные западнославянским и русскому языку слова с корнем *клюд-/клюж-* восходят к и.-е. **k̂lūd-*, **k̂leud-*, производному «от глагольной основы лат. *cluo* 'чистить', лит. *šlúoti* 'мести, вытирать'» [ЭССЯ, X: 54–55].

Развитие отрицательной семантики в слове *неуклю́жий* обусловлено наличием приставки *не-*. Производящая основа заключает положительную оценочную семантику: *клюдь* `порядок, красота' → *клю́жий* `красивый, статный' → *уклю́жий* `ловкий, красивый' (далее → *неуклю́жий* `неловкий в движениях, неповоротливый', `аляповатый, нескладный').

В восприятии некрасивого, вероятно, было своеобразие, обусловленное этнокультурными особенностями. Напр., отрицательную оценку в говорах Карелии содержат субстратные слова, употребляемые переносно для обозначения внешних качеств человека.

Ро́пака `женщина, имеющая некрасивое лицо' известно прионежским, вытегорским, кемским и лодейнопольским говорам [Куликовский: 101]. Чаще всего так называют людей, переболевших оспой. Слово *ро́пака* возникло, по предположению М. Фасмера, под влиянием вепсского *ropak* `оспенный рубец' или саамского `дрейфующий лед' [Фасмер, III: 501].

У́пак в беломорских говорах имеет значение `неуклюжий, некрасивый человек', в вытегорских говорах `неопрятный, несобранный человек', в кандалакшских бран. `бестолковый человек', в череповецких бран. *у́пак окая́нный* `плохой человек' [КСРГК]. Все эти значения являются переносными по отношению к *у́пак* `большой кожаный сапог с коротким голенищем' в беломорских, кирилловских и череповецких говорах, `обувь для работы на болотах' в онежских, `сапоги, к которым уже приделаны лыжные крепления' в кандалакшских говорах [КСРГК]. *У́пак* заимствовано из финского *upokas* `широкий башмак, сапог без голенища' [Фасмер, IV: 163].

О́шкуй `неуклюжий человек' отмечено в кемских говорах. В мурманских говорах слово *о́шкуй* обозначает лентяя, лодыря, упрямого, непослушного человека; в говорах архангельских, северных *ошкуй* — прозвище неповоротливого, медлительного, ленивого человека [СРНГ, XXV: 90]. В архангельских, печорских *ошкуй* `белый медведь', в свердловских — `медведь' [СРНГ, XXV: 90]. М. Фасмер считает *ошку́й* заимствованным из коми [Фасмер, III: 180]. В коми-зырянских языках *ош* — `белый медведь', *ошкос* — `медвежий'. Б. А. Серебренников сопоставляет *ошкуй* с финским

ukko 'старик' и приходит к выводу о первоначальном значении 'старик' у слова *ошкуй* [Серебренников, 1970: 278]. На наш взгляд, следует учитывать и влияние коми-зырянского, тем более что слово *óшкуй* в говорах сохраняет значение 'медведь', далее, по ассоциации, возникает значение 'неуклюжий'.

Таким образом, названия того, с чем сталкивается человек в повседневной жизни, используются для обозначения внешности людей, их характера. Слова с отрицательной оценкой тесно связаны с привычными предметами и явлениями жизни.

ТУТ ТАКА́ ПОРЁДНЯ
(живое водлозерское слово)

Речь диалектоносителей Водлозерья исключительно образна и выразительна, что обнаруживается в пословицах, поговорках, присловьях, отражающих многовековой жизненный уклад. Напр., по поводу ведения хозяйства, необходимости иметь корову говорят так: «*Чужóму молокý, дак и мéста нет. Корóвушка с кóшку, а молокá с лóжку, да всё своё*».

О хозяйке, подготовившейся к встрече желанных гостей, скажут: «*Наваріла, напеклá про Онісью, про Петрá*»; «*Наваріла, напеклá Окулúна про Петрá*».

Так говорят, когда стол ломится от яств. Хозяйка внимательно следит за тем, чтобы каждый гость попробовал все, что есть на столе, сама же «*хозяйка с пёрста сыта*».

Родственник, сосед, знакомый, пришедший в дом в обычный, непраздничный день, может быть принят без особого радушия и гостеприимства: «*Не стóит шýбка обшíванья, а гóстья обнíманья; свáтья – не гóстья, а блины́ – не гостíнцы*» — Куганаволок.

Он угощается тем, что есть на данный момент, что обычно готовится к обеду, завтраку. Первая часть этой пословицы имеет более обобщенный смысл: «не принимайся за пустое, ненужное дело». Иронически обыгрывается отношение свекрови к невестке: «Свекрова-то невестке-то и говорит: „*Покушай моего пéченья да стрéпенья. Было всегó напéчено, да нéлюди съéли*“» — Куганаволок.

Такими выразительными оборотами пересыпана речь Анастасии Ивановны Пименовой, Анастасии Дмитриевны Кирилло-

вой, Лидии Николаевны Суховой, Клавдии Владимировны Зимариной.

Об общепринятом порядке говорит известная довольно широко по Карелии поговорка «*Где кака́ дере́вня, тут така́ поре́дня*»; ср. также «*Во худу́ да во дере́венку, да в каку́-то поре́денку* [выйдет девушка замуж]». И далее идет пояснение: «*Поре́дня – как ведёшь, порядок*». Слово *поре́дня* является фонетическим вариантом известного другим говорам Карелии слова *поря́дня* 'общепринятый порядок'. Здесь произошел переход гласного [*а*] в [*е*] в позиции между мягкими согласными: первоначально звук [*д*] был позиционно мягким – *порядьня*, а на месте корневого *-я-* был носовой гласный переднего ряда. «Еще в XIX в. такое произношение было распространено очень широко и являлось общерусским» [Колесов 1990: 57], затем сохранилось в основном в Поморской и Вологодско-Вятской группах говоров. Наши материалы по Водлозерью дают основания считать, что через эту территорию проходит западная граница данного явления. *Поря́дня* 'обычай, обыкновение; устои' бытует в архангельских, вологодских, олонецких, мурманских, псковских, тверских говорах, 'порядок где-л., в чем-л.; благоустроенность' в архангельских, онежских, костромских, новгородских, борисоглебских/тамбовских говорах, 'работа по дому, ведение хозяйственных дел; домашнее хозяйство' в олонецких, новгородских, заонежских, прионежских, вятских, 'дело' в псковских говорах [СРНГ, XXX: 123]. Более конкретные значения слова *порядня* охватывают примерно ту же территорию, включая среднерусские и сибирские говоры.

Более пространная поговорка касается и отдельной семьи: «*В ка́жной избу́шки свой побряку́шки, а в ка́жной дере́вни свой поре́дни*». Причем вполне осознается и то, что данная поговорка может касаться различного рода фактов, включая и своеобразные слова, характерные для лексической системы говора, например, названия корзин и т. п. В связи с этим отметим, что слово *побряку́шка* приобретает очень обобщенный смысл в сравнении с общеизвестным *побряку́шка* 'детская игрушка, при встряхивании производящая шум; погремушка' или перен. 'о чем-л., служащем для забавы, развлечения' [БАС, X: 50] – в говоре слово *побряку́шка* обо-

значает все, что угодно, любой факт, событие, которое является обычным, характерным для дома, семьи.

О достатке в доме, богатстве или бедности, также имеется много разных поговорок:

> *Всё говоря́: до́жили до тупику́ – не́ту ни хле́ба, ни табаку́. Проживёшь ворохáмы – не натя́нёшь крохáмы,* – говорили старики. *Кто живёт весь совсем, а кто с костяно́го на ка́менной перебива́ется* (то есть кто-то живет очень богато, а кто-то бедствует, не имея ничего для пропитания) – Куганаволок.

Отношение к богатству, нажитому нечестным путем, к богатым людям, к возможности стать богатым или бедным в зависимости от обстоятельств выражается такими словами:

> *Богаци́ роспы́хкались, го́споди прости́; де́ньги – наво́з, се́нни не́ту – за́втра воз* – Куганаволок.

Глагол *распы́хкаться* имеет, вероятно, значение 'достигнув значительного благосостояния, проявить пренебрежительное отношение к людям, не имеющим достатка'; более того – речь идет и о стремлении разбогатевших людей использовать большие деньги неразумно. Однако надо заметить, что в этом слове выражены и осуждение, и отрицательная оценка поведения людей, которым неожиданно на голову свалилось богатство, а они стали считать это своей собственной заслугой, по причине чего возвысились в своем мнении о себе, с высокомерием относясь ко всем остальным, кто не богат.

Оценивая свою трудную жизнь, пожилые жители Водлозерья говорят:

> *Нам-то дак всё мёд на ломо́ть был! Нам было не мёд на ломо́ть* – Куганаволок.

Первая фраза равна по содержанию второй: фразеологическое сочетание *мёд на ломо́ть* имеет значение 'в полном достатке, благополучии', легко, приятно, радостно (жить)'. Метафорическая основа семантики данной фразеологической единицы очевидна. Безусловно, фраза (*не*) *мёд на ломо́ть* заключает в себе и более широкий и глубокий смысл, связанный с пониманием роли труда в жизни человека:

Бáбушка-покóенка вилá верёвки двухря́дны, трёхря́дны; до восьми́десяти пяти́ она всё ещё пановáла. Всё ещё пану́ет – что стáра, а всё робóтат; по годáм, так пану́ет. Рáньше стару́хи под зы́бкой умру́т... Приду́т с робóты – уж приготóвленось. Рáньше стару́хи жи́ли... Что я вожу́се, дак меня́ кóрмят. Лю́ди б рабóтали – всё и на при́вязи бы бы́ли; вот дéвкам по пятнáдцати годóв, вот оны́ вы́станут (довольно поздно, около 12 часов дня. – *Л. М.*), *куды́ пойду́т? Нáм-то дак всё мёд на ломóть был! Нам бы́ло не мёд на ломóть.*

Казалось бы, довольно прозрачной является семантика лексемы *пановáть*, мотивированной известным словом *пан* 'барин'. Глагол *пановáть* отмечен в пудожских, каргопольских и кемских говорах в значении 'жить в достатке' [СРГК, IV: 390], ср. *пановáть* 'жить барином, паном' в ярославских, воронежских говорах [СРНГ, XXV: 196]. Однако приведенный контекст говорит о том, что в говоре Водлозерья *пановáть* имеет и другое значение: 'работать, будучи в пожилом возрасте, на пенсии'; ср. *пановáть* 'работать' в пинежских/архангельских говорах, 'вести хозяйство, распоряжаться чем-л.' в архангельских, псковских, смоленских говорах [Там же]. Возможно, данная лексема имеет более отвлеченное, обобщенное значение 'вести себя так, как подобает, как свойственно молодому, молодым'. В любом случае семантика слова *пановáть* воспринимается как сложное переплетение элементов, соотносящихся и с конкретными жизненными ситуациями, и с общей оценкой поведения человека, стремящегося обнаружить свои лучшие качества.

Довольно любопытны метафорические преобразования конкретных слов, связанных с отражением характера жизни человека. Ср. *грызть* 'раскусывать, раздроблять зубами что-л. твердое, крепкое' [БАС, III: 451] и *грызть* 'жить' в водлозерском говоре:

Восьмóй деся́ток грызу́ – Куганаволок.

Оценка жизненных ситуаций выражена и такими пословицами и поговорками:

Гóрького не хлебнёшь, так слáдкого не уви́дишь.

Мнóго кобы́ла жеребя́т носи́ла, да в оглóблях пропáла. Мнóго робя́т наноси́ли, а всё самы́м нáдо (обеспечивать себя само-

стоятельно, не надеясь на помощь детей. — *Л. М.*)… *На робо́ту не го́нят, де́ньги даны́, а здоро́вья не́ту. Ви́дно, так челове́к устро́ен: с лю́льки до моги́лки — всё в зобо́тах… Хоть бы с ног, да в гроб.*

Ра́ньше ведь жи́ли се́мьямы, а тепе́рь всё пооди́нке. Арте́льный котёл гу́ще кипи́т: для одного́ кладёшь, дак мно́го ли на́до, а для арте́ли — гу́ще кипи́т.

Как живёте? — Как живу́т-то все. Где судьба́, а где глу́пость своя́.

Пословицы, поговорки, присловья естественно вплетаются в словесную ткань диалектной речи, что свидетельствует о близости фольклорного языка и говора. Приведем еще запись, в которой отражаются взаимоотношения между мужем и женой:

Встава́льная не обогре́ла, а к зака́тнему не обогре́ть [когда во 2-й раз женщина не вышла замуж]. *А возьми́-ко ты друго́го. Пе́рвая жена́ — огоро́дница, а втора́я — богоро́дица. Не ка́мушек, не бережо́к — не вы́береиь* [о муже]. *Не с лица́ и во́ду пить. Не тепе́рь ска́зано: и краси́вой челове́к, а неприя́тной; су́женой уро́д, да бу́дет у воро́т, а на како́го нарвёшься… Ка́ждой сотоны́ свой кули́ солоны́. Пень оде́нь — и тот краси́в.*

В СРГК не приводятся слова *встава́льный*, *зака́тний*, смысл которых связан с отношениями между молодыми мужем и женой (*встава́льный*) и в пожилом возрасте (*зака́тный*), сравниваемыми, как представляется, с восходом и заходом солнца. Ср. сочетание *встава́льная пора́* 'время, когда крестьяне встают и отправляются на работу' в шенкурских/архангельских, олонецких, тихвинских, иркутских говорах [СРНГ, V: 212–213]; *зака́тний* 'заходящий (о солнце)' в олонецких говорах [Там же, X: 120]. Не числовое значение имеют и слова *первый* и *второй* в сочетаниях *первая жена* и *вторая жена*, обозначающих соответственно законную жену и любовницу. *Огоро́дница* — не женщина, занимающаяся огородничеством, владелица огорода, а в представлении мужа (изменяющего жене, имеющего любовницу, которая называется *богородицей*) *первая жена*, т. е. законная жена. *Огоро́дница* — та, которая надежно ведет хозяйство, ухаживает за мужем и детьми, на которую можно во всем положиться, которая все поймет и простит,

она — хранитель домашнего очага. *Вторая жена,* она же *богоро́дица* — та, которую мужчина любит как женщину, перед которой он преклоняется, как верующий в бога. Все указанные слова преобразуются семантически, но сохраняют связь с первоначальным значением.

Таким образом, живое слово говоров Водлозерья отражает глубокие исторические процессы проникновения некогда заимствованных слов, их адаптации в соответствии с фонетическими особенностями говора; живые процессы образования новых слов, сопровождающиеся целым комплексом явлений на разных уровнях языка; использование метафоры как одного из характерных способов преобразования семантики общеизвестных слов, что придает речи необычайную выразительность. В речь водлозерского жителя органично вплетаются фольклорные элементы, отражающие житейскую мудрость, народную этику, философский взгляд на мир.

ФАРАОНЫ, ДЕВЯТЫЕ ЛЮДИ
(и другие жители Карелии)

В одной из диалектологических поездок по Карелии в н. 80-х гг. мне удалось побывать в д. Суйсарь, что недалеко от Петрозаводска на берегу Онежского озера. В первые же минуты общения с хозяйкой Клавдией Никитичной Лысовой была записана удивительная фраза:

Ма́ндера — фарао́ны чита́ли,
Суйса́ра — девя́ты лю́ди,
Так и я́лгубцам назы́вки прокла́дены:
Я́лгубцы — простоки́шники.

Вспомнилась сразу та самая «глокая куздра», которая «штеко бодланула бокра и курдячит бокренка». Конечно, что-то из этого текста становится ясным сразу: *я́лгубцы* — жители д. Ялгубы — называются *простоки́шниками;* им «*назы́вки прокла́дены*», как и жителям других, соседних деревень. Те, кто живет в д. Суйсарь, — *суйса́ра* — имеют прозвание *девя́тые лю́ди*. Раньше говорили: *девя́тые купцы́ поехали, девя́тые де́вки иду́т*. Оказывается, люди могут быть *девя́тыми*. Почему? Что кроется за этим?

Вот какую легенду о том, как возникло это регионально-групповое прозвище, рассказала К. Н. Лысова:

«*Однáжды зимóй шúли мужикú на сарáе лóдку. Было их 10 человéк. Стáли они в час óтдыха считáть, скóлько их рабóтает. Считáли, считáли по óчереди все, и кáждый насчитáл 9 человéк. А когдá брóсили в лóдку шáпки – оказáлось 10 шáпок. При счёте кáждый не учúтывал себя́, когдá был в рóли считáющего. Так и стáли суйсáра девя́тыми людьмú*».

Девя́тые люди живут и в с. Кузаранда в Заонежье. По старинному преданию, «обыватели с. Кузаранды в количестве 10 человек отправились в путь. После какой-то переправы они вздумали проверить, все ли они налицо, но сколько они ни считали, кто ни принимался считать, всех участвующих в путешествии оказывалось не 10, а 9 человек. Как погиб один из товарищей и кто он такой, они не могли припомнить и сильно горевали. Кто-то уж посторонний пересчитал их, нашел, что они все налицо, и объяснил им, что все считавшие забыли сосчитать самих себя» [СРНГ, VII: 326]. Сводный словарь русских говоров приводит эти сведения со ссылкой на известного этнографа и составителя словаря Олонецкой губернии Г. Куликовского. В СРНГ находим и другие прозвища со словом *девя́тый*: *Девя́тый дья́вол*. Екатеринб.; *Девя́тый забáй*. О человеке, который любит много говорить. Свердл.; *Девя́тый зуб*. О дальней родне. Урал. На территории Воронежской губ. – Нижнедевицк – известны были такие прозвища, как *Девя́тый титар* и *Девятóй*, 1893 г. [СРНГ, VII: 326]. Все эти прозвища, безусловно, экспрессивны, несут в себе заряд иронии, насмешки.

Далее в беседе ниточка тянется за пролив, на противоположном берегу которого, через 10 километров всего, расположены такие деревни, как Кулмукса, Гангозеро и др.:

Кумукшáнишка ремéсленные
Плетýт бýраки берéстяные,
А суйсáришка – девя́тые купцы́ –
На семú подвóдах éзживали,

А подвóды удивúтельные,

Папирóсочки курúтельные…

Суйсарские *девя́тые лю́ди* отличались успехами в торговых делах, но зато *кумукша́нишка,* т. е. живущие в Кулмуксе, плели отменные, надо думать, бураки. Северяне и многие жители средней полосы России знают, что «бурак – сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-л.» [СРНГ, III: 280]. Но у кумукшан–кулмукшан есть и насмешливое прозвище, они – *звóнари.* Известно, что звонарь – служитель церкви, звонящий в колокола, а в просторечии – болтун, сплетник. В прозвище кулмукшан слились, пожалуй, оба значения. Рассказывали, что когда-то зимой в Кулмуксу должен был приехать батюшка на церковную службу; все ожидали его с нетерпением и старались уловить момент, когда повозка с ним появится на санном пути, проложенном через пролив. Нетерпение и желание оповестить всех о приезде редкого и исключительно уважаемого гостя было столь велико, что при виде первой же упряжки лошадей кто-то сразу стал звонить в колокола. Все высыпали на берег для торжественной встречи… Но каково было разочарование встречающих, когда они увидели сошедшего с саней цыгана. Насмешкам над оповестителями колокольным звоном о приезде столь нежеланного гостя, как цыган, не было конца. Кулмукшане стали звонарями, пустозвонами.

Присловье о людях ремесленных относится не только к кулмукшанам. В 1992 г. в пос. Ладва-Ветка и в Таржеполе нами записан вариант этого присловья, касающийся жителей Таржеполя и Ладвы:

Таржепóла ремéсленные

Плетýт бýраки берéстяные.

Есть и лáдвина – богáтые купцы́ –

На семú возáх товáры привезлú,

А товáры удивúтельные,

Папирóсочки курúтельные…

Нет ни спúчек, ни бумáги, табакý –

Все висúт пустáя тóрба на бокý.

Как видим, в этом присловье жители Таржеполя и Ладвы-Ветки по характеристике своей схожи с суйсарами и кулмукшанами. Возможно, здесь сыграла свою роль стихотворная организация фольклорного произведения, не один вариант которого, по всей вероятности, еще бытует в Карелии и шире — на Севере. Но у тех и у других есть прозвища более обычные, более приземленные, имеющие иную мотивацию:

Таржепóла – кокачи́,

Надое́ли хóдячи.

Сапогóв не рви́те-ко,

Не лю́бим, не ходи́те-ко!

Кóкач и *кокáч* 'род пирога из ржаного кислого теста с начинкой из гороха, толокна, пшена, риса, каши с яйцами, рыжиков и т. п.' известно олонецким, вологодским, новгородским, лодейнопольским, кемским, прионежским говорам [СРНГ, XIV: 87]; *кóкач* и *кокáч* 'пирожок, начиненный яйцом, пшеном, горохом, вареньем, рисом и др.' отмечено также в кондопожских, подпорожских, медвежьегорских, вытегорских говорах [СРГК, II: 389]. В говоре Таржеполя, Ладвы *кокáч* — 'пирог с картофельной начинкой'.

А вот и другие прозвания жителей Прионежья: «*Медве́дев – таржепóл настоящий, пошехóнец; лáдвинские – ряби́нники, таржепóла – пошехóнцы*». Не повезло таржепольским девочкам: их звали *трясухами*.

Село Ладва исторически сформировалось на базе почти 20 деревень, среди которых Лахта, Кара, Иломанча, и в них жители — «*лáхтинские сплéтницы*», «*кáрские бубари́цы*» и «*и́ломанчские кокачи́*». *Бубари́ца* 'жук' в петрозаводских говорах [СРНГ, III: 232]; 'навозный жук' в кондопожских и прионежских [СРГК, I: 128]. Добавим к этому такие сведения, полученные в Таржеполе: «Обзы́вки: лáдвин звáли *ряби́нники*, таржепóльские — *трясýхи*, рéвсельгские — *коря́ки*, и́ломанча — *кокачи́*. Кокачáми звáли пироги́. Педáсельгцы — *ши́*, деревя́нцы — *скáнцы*. Идёшь в Лáдву к прáзднику, вот, говоря́т, *трясýхи* идýт».

Среди них не очень ясна мотивировка прозвища *коря́ки*. Что это за коряк? Вряд ли это наименование представителя народности палеоазиатской группы — коряк, т. е. так называемый этно-

ним. В известных областных словарях отмечается слово *коря́ка* в применении к человеку, а именно: в псковских и тверских — о том, кто ходит на четвереньках, а в ярославских и рязанских говорах — о несговорчивом, упрямом человеке [СРНГ, XV: 42]. В костромских говорах *коря́кой* называют телегу для возки снопов или навоза, в ярославских, сибирских — суковатое дерево [Там же]. Ср. бесприставочное *коря́ка* и слово *раскоря́ка* — о человеке с изогнутыми и неуклюже раздвинутыми ногами [БАС, XII: 640]. Вполне возможно, что *коряка* обозначает то же, что *раскоряка*. Но точнее всего на этот вопрос могут ответить жители Ладвы, Таржеполя, которые применяли это прозвище по отношению к своим соседям из Ревсельги. Причина возникновения такого группового именования нам, к сожалению, не известна.

Как говорят таржепольцы, «прибасёнки сами по себе выходили из жизни: *Они́сим, иди́ толо́конця поми́сим! Ону́фрия, иди́ толокна́ исть!*» Данные прибасенки возникли в связи с тем, что хозяйки ежедневно пекут калитки, для приготовления которых нужна разная начинка, в том числе и толокно.

Подобных присловий много в Беломорье. Вспомним, какие прозвища жителей беломорских сел приводит в книге «Подаренье» В. Пулькин:

> *Шиженские — крошкоеды, Сухонцы — обливанцы, коты, Колежомцы — лопари, Шуеречане — репоеды, Виремчане — кочегары, Сумляне — мещане, Сума не просит ума — она сама проживет, Нюхчане у Петра Великого кафтан украли* [Пулькин, 1984: 54–72].

Всей главе «Море — наше поле» автор очерков предпосылает эпиграф из поморских пословиц:

> *Какая деревня — такая передня,*
>
> *У каждой деревушки свои побрехушки.*

У каждой деревни своя история, свои поверья, свои герои, свой порядок.

Остановимся особо на слове *передня*. Это лишь в современном переоформлении, скорее всего не преднамеренном, мы обнаруживаем слово *передня* 'передняя (т. е. прихожая)'. Основной смысл местной поговорки понятен. В какой дом ни зайдешь в поморском селе, будь то Сумпосад, Колежма или другое какое

село, увидишь идеальный порядок. Каждый дом может служить музеем поморской бытовой культуры. Стремление вести дом, хозяйство «порядливо» отразилось в изначальной пословице «*Кака деревня – така поре́дня*». Не «*пере́дня*», а «*поре́дня*», т. е. 'установленный порядок, своего рода устав, домострой'; он включает, конечно же, не только правила ведения домашнего хозяйства, но и этические нормы, нравственные ориентации. Слово *поре́дня*, употребленное здесь, представляет собой фонетический вариант слова *поря́дня*, которое входит в лексическую группу с корнем *ряд*: *порядок, порядничать* и т. п. Прошел целый ряд звукопереходов: *поря́дня → поре́дня → передня*. Последнее возникло не столько по причине фонетических преобразований, сколько под влиянием стремления человека непонятное диалектное слово заменить общеизвестным, хотя при этом, конечно же, несколько меняется смысл.

Параллели имеют и некоторые другие поморские присловья, пословицы, поговорки: *ши́женцы* – жители д. Шижня Беломорского р-на – известны не только как *крошкое́ды*, но и *чужее́ды* и *мышее́ды*; а в Колежме живут не только *лопари́*, но и *короли́*; «*колежо́ма – короли, а ню́хчана – цари*». В Сумпосаде живут *кала́шники*: «*сумля́не – кала́шники, сумля́нки поря́дливы*». *Треское́ды* и *кишкое́ды* обитают в разных селах Беломорья, причем одни и те же люди могут быть и трескоедами, и кишкоедами, в зависимости от того, кто о них говорит – сами или соседи. И *черлаки́* живут в д. Лапино: «*Лапинча́не – черлаки́, нет ни хлеба, ни муки*». Черлаком называют птицу, которая может взлететь только с воды. В д. Коросозеро жили до недавнего времени *вши́вики*! А в Сороке, нынешнем Беломорске, – *соба́чьи отцы́*, они же обитают сейчас в Сумпосаде. Всех и не перечислить!

Из разговора с Клавдией Дмитриевной Потахиной, уроженкой д. Зехова Пудожского р-на, человеком, очень не равнодушным к родному слову, выяснилось, что *заводчан*, рабочих лесозавода Шальский, живших кое-как, называли *чёрны вши*; в д. Зехово жили *зе́ховцы-скалозу́бы*; в д. Погост (быв. д. Теребовская) обитали *зво́нари*, они же *пого́щане*; в д. Белоглазовской – *ни́зовцы, белогла́зы*.

Надо сказать, что всех, кто живет в селах Карелии, мы не знаем. А знать надо бы, хотя бы потому, что если не отцов, то дедов

и прадедов наших наделяли особым именем и были на то причины.

Вернемся к фараонам... «*Ма́ндера – фарао́ны чита́ли*», иначе говоря, жителей д. Мандера Прионежского р-на (современное название Березовые Мосты) считали фараонами. Прямо скажем, не лестное прозвание. Думается, что не египетский царь имелся в виду, когда слово *фарао́н* стали применять к жителям небольшой карельской деревушки. Скорее всего, здесь нашло отражение известное в просторечии *фараон*, которым презрительно называли полицейского [БАС, XVI: 1258]. *Фараон* – неодобрительное прозвище. Выяснить, почему мандерцев прозвали фараонами, не удалось. Но любопытно, что у жителей этой деревни были и другие прозвища: они же *колдуны*, они же *шведы*. По рассказам, которые пришлось услышать в связи с этим, там жили зажиточные, богатые и недобрые люди:

> *Денег поди к бе́дныма занимать, а хлеба – у кого семья большая. Бедный поверит, так* (без особых условий. – *Л. М.*) *даст, а богатый не даст, он не верит людям* – Лехнаволок, Прион.

Видимо, недобрые люди сравнивались с колдунами, фараонами. А о *шведах* поведали нам в Ялгубе в 1991 г.: «*Мандерцы... Швед там был один, Ходарин такой, он швед. Шведами называли их*». Вот групповое прозвище, связанное с конкретным человеком, выделяющимся среди других своей национальной принадлежностью. Необычность, нераспространенность явления накладывает печать на ономастическую систему.

Села Карелии, в сравнении со многими современными, раньше были большими. Части их имели определенные названия, а в связи с этим и жители. Ср. в Таржеполе – *верховча́на, середненча́на, низовча́на*. Анастасия Яковлевна Поташева, старейшая жительница Верхней деревни в Таржеполе, по мужу Киприяниха, рассказывала:

> *7 апреля – Благовещенье, в Верховье празднуют. Чово-то середненча́на надумали к нам идти. Думаю, надо идти домой, хоть лепёшек напекчи. Верховча́на – мы, а на Низу – низовча́на... Он говорит, скажи ве́тковским, чтоб корма привезли.*

В Ялгубе живут *южноко́ны, поса́дчина, сивернoко́ны* по названиям трех деревень: *Южный конец*, или *Южная деревня, Посад, Си́верик*, или *Северный конец*. А все вместе «*ялгубцы – купцы, купцы*», кроме того, что они *простоки́шники*: везли простоквашу/простокишу в город продавать на лодке, а лодка опрокинулась вместе с простоквашей.

Своеобразной «визитной карточкой» той или иной деревни стали такие местные присловья, как «*Шчо – пошчо, колежо́мищо... Куда пошла? – Да на у́дбищо*» (Колежма Белом.), где отражается одна из фонетических особенностей местного говора – произношение долгого шипящего звука как «*шч*». И это столь заметно для соседей, что они не преминули сочинить данное присловье. Подобную функцию, подчеркивание регионально-групповых примет, могут выполнять и загадки, напр.:

– *Кривое лека́ло, далеко ль поскакало?*

– *Что тебе за дело, стриженый коч?* – Таржеполь, Прион.

Речь здесь идет о крутом изгибе реки Таржеполки: река – *лека́ло*, а покос в излучине – *стриженый коч*. В этот малый жанр фольклора могут включаться и имена собственные, напр., обычное имя олицетворяет явления природы:

> *Весной Василей* [лед] *поехал. Василиса* [берег] *плачет. А лёд говорит: «Не плачь, Василиса, осень будет – тебя не забуду* – Гридино, Кем.

Региональная ономастическая система включает и индивидуальные прозвища, среди которых найдется немало основанных на ассоциациях с известными событиями, явлениями, предметами. В Прионежье, напр., некогда жили *Наполеон, Хрущев*, а также *Неха́й, Толоко́нная меша́лка*, были там *Гармонь, Кибирі́, Пухкачі́, Бураки́, Еря́к и Еме́ля, Храбрі́ха* и многие другие. На Белом море в одном из сел живут *Русалка* со своим мужем *Русалом*, а в Пудожском крае – *Ста́вер*. В этой интереснейшей, совсем не исследованной части местного ономастикона отражается способность народа давать меткую характеристику не одному поколению.

ВЫ́БОЛОНДАЛ ДА ЗАЛО́БОНДАЛ (некоторые средства создания комического в малых жанрах русского фольклора Карелии)

Для анализа выделены примеры загадок, частушек, присловий, записанных в фольклорно-диалектологических экспедициях студентами Карельского государственного педагогического университета в Беломорский, Прионежский и Медвежьегорский районы Карелии. Все выбранные материалы отличаются наличием комического начала, определенной иронической направленностью, в них отражен «иронический ход мышления» [Борев, 1970: 104], насмешка, шутка говорящих по отношению к другим и себе.

Понимая язык фольклора как особую разновидность языка [Тарланов, 1977: 12], не совпадающую в своей системе ни с диалектом, ни с литературным языком, мы ставим своей задачей выделить некоторые лексические элементы, с помощью которых создается иронический эффект, а произведение в целом выполняет «коммуникативно-эстетическую функцию» [Оссовецкий, 1975: 74].

Средства создания комического в устном народном творчестве подвергались изучению в литературоведческом аспекте на материале былин [Астахова, 1957: 5–32], ярмарочного фольклора [Богатырев, 1986: 426–435], песенного жанра [Гудошников, 1961: 213–222]. Немногочисленны и собственно лингвистические исследования такого материала, в частности, пословицы и поговорки описаны И. В. Абрамец [Абрамец, 1974: 237–241].

Больше работ, в которых рассматривается диалектная лексика в языке различных жанров русского фольклора [Кретов, 1973: 47–59; Сорокалетов, 1977: 54–61; Зайцева, 1958; Горошкова, 1966: 58–75]. В работах А. Т. Хроленко показаны семантико-стилистическая емкость устно-поэтического слова, сложность и специфичность его содержания, многомерность, его необыкновенная возможность соединяться с другими словами в тексте фольклорного произведения [Хроленко, 1976, 1985].

Остановимся на некоторых особенностях лексического состава загадок, частушек и присловий, бытующих в настоящее время в восточной части Карелии среди русского населения.

I. Загадки

Пошел мужик в лес:
Волóга волóгу ест…
Он взял розбóлондал,
Да вы́болондал, да залóбондал.
(Авдеево, Пудож. р-н, 1987)

Комический эффект загадки создается, во-первых, употреблением слова в разных значениях: «*Волóга волóгу ест*». Известно, что слово *волóга* в ряде северных говоров, в том числе медвежьегорских, обозначает всякую пищу [СРНГ V: 47]. В тексте загадки оно употребляется в значении 'тот, кто ест', не отмеченном в говорах русского языка. Неслучайность же этого употребления может быть объяснена тем, что слово не потеряло и своего первоначального значения — 'пища' (речь идет о животном, мясо которого может быть использовано в качестве пищи). Во-вторых, «загадочность», а вместе с тем и эффект «глокой куздры» заключены и в однокорневых глаголах с разными приставками, к тому же с перестановкой слогов в пределах корня. Основная семантика слов, таким образом, выражена приставками, остальная же часть глагола указывает на какое-то «загадочное действие». Глагола *бóлондать* в СРНГ нет, а *лóбандать* обозначает действие, не подходящее для разгадки, — 'шуметь, кричать, говорить громко' в вытегорских говорах [СРНГ, XVII: 97]. Ср. отгадку: мужик пошел в лес и выгнал оттуда овец. Следовательно, в загадке используются не диалектные, а образованные по существующей модели глаголы с необычным корнем. «Комическое использование словообразовательных элементов языка» характерно также для пословиц и поговорок [Абрамец, 1974: 239].

В другой загадке, записанной там же, обыгрываются омоформы:

Тóлсто — претóлсто,
Прина́вито — витó сто.
Кто сто отгóнет,
Тому сто рублей;
Кто ста не отгада́ет,
Тому сто плетей.

Здесь *сто* как субстантив указывает на то, что навито толстым слоем (нити, холст в домашнем ткацком станке), и частично совпадает по звучанию со словом-отгадкой: *став* `ткацкий станок'.

Местные загадки могут содержать и микротопонимы, включенные в общий образный, шутливый контекст и служащие для разгадки:

Затопали кони на Романовом поле,
Залаяли собаки на Мурманском,
Заревел на Кирилловском — Мельница.
(Авдеево, Пудож. р-н, 1987)

Редки загадки, где используются сразу несколько диалектных слов:

Круглый, как пятак,
Красный, как кума́к,
Идет — не ка́пшат,
И ест — не ча́мкат.
(Челмужи, Медвеж. р-н, 1979)

Ср.: *кума́кный* `красный' в медвежьегорских говорах [СРНГ XVI: 79]; *ка́пшать* `передвигаться медленно, с тихим шумом, шелестом' в медвежьегорских, *ча́мкать* `есть с шумом, чавкать' в медвежьегорских, пудожских, подпорожских, каргопольских говорах [КСРГК].

Для характеристики клопа берется не только имя, но и глагольная синонимия; причем диалектный синоним, содержащий в своем значении отрицательный компонент, подается в загадке после отрицательной частицы *не*, чем и создается ироническая характеристика описываемого объекта, подчеркиваются особые его «достоинства». В данном случае ирония «приписывает явлению то, чего ему недостает, как бы подымает его, но лишь для того, чтобы резче подчеркнуть отсутствие приписанных явлению средств» [Тимофеев, 1948: 85].

II. Частушки

В частушке передаются отношение к различным явлениям, разнообразные мысли, чувства, настроения [Лазутин, 1960: 101]. «Частушка выражает один момент, одно мимолетное пережива-

ние человеком в данную минуту» [Симаков, 1913: 11]. Ср. в наших материалах:

Пришел – молчит,
И ушел – молчит.
Это чей такой залёточка –
Только шуба шабарчи́т?
(Ялгуба, Прионеж. р-н, 1987)

Насмешка по поводу поведения парня выражается противопоставлением *молчит – шабарчи́т* (*шабарча́ть* 'производить шум, шорох, шелест' в каргопольских, пудожских, вытегорских говорах, по данным КСРГК), чем подчеркивается неодобряемая несмелость, скованность, неактивность, необщительность «залётки» и, наоборот, «активность» его шубы.

Милый, ешь картофну шаньгу,
Милый, ешь, не жалко мне,
Только кажну пятидневочку
Загащивай ко мне.
(Колежма, Белом. р-н, 1985)

Ирония заключается в неадекватности бытовой ситуации и глубокого лирического чувства. Выражается это употреблением бытовых слов типа *ша́ньга* 'ржаная лепешка с начинкой'. Частушка «часто строится на контрасте двух первых строк и двух последующих. Несоответствие масштабов обычно является источником смешного, сатирического» [Молдавский, 1981: 88].

В ряде случаев имеет место «смеховое сближение и сопоставление двух совершенно различных слов» [Лихачев, Панченко 1984: 42], напр., *табуретка* и *балда*:

У меня миленка два –
Табуретка и балда.
Табуретка ходит редко,
А балда – и никогда.
(Кузнецы, Медвеж. р-н, 1985)

Автор-исполнитель не только явно издевается над ухажерами, но и иронизирует над собой.

Ср. также употребление диалектных слов, несущих основную экспрессивную нагрузку в следующих частушках:

Я любила, не грубила,
А миленочек отстал,
Он немножко покозырился,
Опять мириться стал.
(Вирма, Белом. р-н, 1984)
Дéвки, óх-те, дéвки, óх-те,
На бесéдку úдут вéхти,
Скóро прúдут голякú,
Те и нáши женихú.
(Там же)

В архангельских и олонецких говорах *вéхоть* — ‵мочалка, тряпка′ [СРНГ, IV: 209], в архангельских и владимирских *козы́риться* — ‵ломаться, капризничать′ [СРНГ, XIV: 77]. В текстах приведенных частушек сохраняется связь с данными значениями, но объем семантики указанных слов значительно шире. Наши материалы подтверждают общее положение о том, что «попадая в народнопоэтическое произведение, диалектизм может терять свой стилистический нейтралитет и пополнять ряды эмоционально-экспрессивно-окрашенной лексики» [Зайцева, 1958: 246].

III. Присловья

Присловья — особенно широко распространенный и активно употребляемый на рассматриваемой территории жанр. Д. К. Зеленин определяет присловье «как прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собой географическое или этнографическое целое» [Зеленин, 1904: 1]. В присловьях, как ни в одном другом жанре, «народ замечательно тонко подмечает мелкие отличия в быте, говоре и характере своих соседей» [Зеленин, 1904: 4].

Известны присловья-дразнилки, отражающие фонетические особенности говора. Напр., жителей села Колежма зовут *недобаями*: «*Кóлежма – недобáи, оны́ крýто говоря́т. Нюхчана – царú, колежóма – королú, а ещё недобáи: «Бери цеу..» – недоговáривают что, всех прозвáли недобáи*» (Вирма, Беломорский р-н, 1986). Ср. *недобáй* ‵неразговорчивый, молчаливый человек′ в псковских говорах;

'заика' в вятских; 'человек с картавой речью, косноязычный' в свердловских, среднеуральских говорах [СРНГ, XXI: 14). Народные наблюдения над речью соседей довольно широко отражены в подобных прозвищах, бытующих на других территориях [Журавлев, 1984б: 124–129; Зеленин, 1904: 16–18].

Поражает обилие регионально-групповых прозвищ, характерных для сел Беломорского р-на. Приведем некоторые из них:

Сýхонцы — *рыбники горячи,*
Подóлы смородячи.
От кéчкары-то несёт (Колежма, 1985);
Лапинчáне — *черлакú,*
Нет ни хлéба, ни мукú (Лапино, 1985);
Сумля́не — *калáшники,*
Виремчáне — *кочегáры,*
Сýхонцы — *облúванцы,*
Шúженцы — *мышеéды,*
Сорóчана — *собáчьи отцы́,*
Ню́хчана — *царú,*
Колежóма — *королú* (Вирма, 1986).

Обычными являются и прозвища в Прионежском р-не. К представленному выше материалу добавим:

Я́лгубцы — *купцы́, купцы́,*
Шýяна — *теля́та,*
Заозёра — *порося́та* (Ялгуба, 1987).

Система регионально-групповых прозвищ заслуживает специального исследования, мы подчеркнем лишь образность и выразительность их. В прозвищах проявляется «смесь самоуважения и самоосмеяния, самопрезрения», составляющая «юмористическое расположение духа» народа [Чернышевский, 1949: 189].

Наряду с регионально-групповыми прозвищами, широко распространенными в русских говорах [Журавлев, 1984а: 111–123], в Беломорском р-не нами зафиксировано любопытное присловье, в котором представлены индивидуальные прозвища жителей д. Вирма:

Островóчек — островóк...
Живёт Сéнька — *пыжичóк,*
Да Натáшенька — *ермачóк*
[мужиковáта такá],
Да Степáнушка — *сергачóк,*
Да Максúмушко — *куличóк,*
Степанúдушка — *крылáтка,*
У Гаврúловной палáтка,
Дýня — *пьяница,*
Ýстя — *целовáльница,*
Мáрья — *лáбайдальница*
[говорúть мнóго лю́бит, *лáбайдать*],
Мáнюшка — *толстýшка,*
Вагáниха — *вирýшка,*
Дýня — *тарайтýшка*
[вы́йдет, ребя́там ж...пы клéщет, ругáт],
Шúженка — *бадья́...*

В приведенном материале собственно диалектных слов не так уж много: *ермáк* 'армяк' в новгородских и архангельских говорах [СРНГ, IX: 29], *лáбайдальница* от *лáбайдать* 'говорить пустяки, вздор, болтать' в кемских говорах [СРНГ, XVI: 213], *вирýшка* от *вирáть* 'врать, рассказывать небылицы' [СРНГ, IV: 292]. Немногие слова употреблены в прямом значении, в последнем тексте это лишь *пья́ница* и *толстýшка.* Остальные слова-характеристики приобретают дополнительные признаки, семантически трансформируются в общем эмоционально-экспрессивном контексте. Но указать конкретные дополнительные признаки в значении этих слов представляется затруднительным, так как основная функция данных лексем — служить средством создания комического.

Лексический состав присловий, на наш взгляд, — это совершенно обособленная группа лексики, не совпадающая по семантике и эмоционально-экспрессивной нагрузке ни с литературным, ни с диалектным словарем, имеющая своеобразные слово-

образовательные элементы, обладающая необычной сочетаемостью. Ср.: *соба́чьи отцы́, мышее́ды, треское́ды, си́ние лобо́чки, простоки́шники.*

Предварительные наблюдения над лексическими средствами выражения иронии в малых жанрах фольклора позволяют сделать вывод о некотором своеобразии лексики загадок, частушек и присловий, об особой выразительности последних. Народ проявляет «чувство исконно глубокого юмора, способность проницательно видеть заслуживающие осмеяния комические черты жизни» [Эльсберг, 1957: 194], обнаруживает тонкий ум, богатую душу и сильный характер.

СТОЛБА ИЗ-ПОД КОРОВУШКИ (наименования народных игр и танцев)

Народная игра и танец, зародившиеся в глубокой древности, — неотъемлемый элемент духовной культуры народа, представляющий собой «одну из форм проявления общественного сознания» [Былеева, 1974: 208]. В игре и танце ярко выражается самобытность характера народа, его неповторимого быта, условий жизни, в них «нашли свое отражение многие этапы развития человеческого общества» [Иноземцева, 1971: 48]. Многие игры и танцы отошли в прошлое, стали достоянием истории народного быта.

Сделаем попытку описать лексику севернорусских говоров, связанную с играми и танцами. Заметим, что наименования народных игр и танцев мало исследованы языковедами. В. А. Меркулова рассматривает этимологию слова *бирю́льки*, недавно вышедшего из активного употребления, имевшего значения 'набор мельчайших деревянных или металлических вещичек в виде палочек и разного рода предметов (посуды, шляпок, лесенок и т. п.), употребляемых для особой игры', 'игра, состоящая в том, чтобы из кучки маленьких игрушек (бирюлек) вытаскивать крючком одну за другой, не пошевелив и не рассыпав остальных' [БАС, I: 459], и предполагает его появление в русском языке «через украинское посредство или непосредственно из турецкого через говоры Поволжья», в которых до настоящего времени сохранилось первичное значение 'дудочка, свирель' [Мер-

кулова, 1973: 189]. Слово отмечено в некоторых современных говорах северного наречия: в красноборских говорах Архангельской обл. *бирю́лька* и *берю́лька* — 'голень, передняя часть голени' [АОС, II: 10]; в вологодских говорах *бирю́лька* — 'палец у собаки' [СВГ, 1983: 32]; ср. в боровичских говорах Новгородской обл. *бирю́льничать* — 'баловать, возиться с детьми' [НОС, 1: 57]. Почти на всей территории России известно название игры *ко́зны* и его многочисленные варианты, как отмечает тот же исследователь. Значения 'игра в кости' и 'кости для игры' у слова *ко́зны* производны от первоначального 'надкопытный сустав ноги рогатого скота', аналогия наблюдается у слова *бабка* — 'кость для игры' и 'надкопытный сустав лошади'; слово же *ко́зны* — мн. от *козо́н*, образовавшегося от *козоно́к* ← **козвонок*, параллельно существовавшего наряду с *позвоно́к* [Меркулова, 1971: 81–82]. *Казано́к, козено́к* и *козёно́к* 'сустав на пальцах рук' известно кондопожским, медвежьегорским, вытегорским, каргопольским, плесецким, североморским, лодейнопольским, подпорожским, тихвинским говорам, 'сустав конечностей животных, используемый при игре в бабки' — тихвинским и чудовским говорам [СРГК, II: 312]; *ко́зни* 'игра в бабки' — каргопольским, *игра́ть в ко́зны* 'играть в бабки' — тихвинским и чудовским [Там же: 387].

Этнографические материалы показывают разнообразие игр и богатство соответствующей лексической группы. По территории Севера имеются разные по полноте описания игр работы этнографического плана. По Олонецкой губернии — Д. К. Зеленин исследовал старый быт карел Медвежьегорского р-на [Зеленин: 110–125]; В. Дашков представил исторические, статистические и этнографические данные [Дашков, 1841]; Г. Куликовский описал детские игры в Петрозаводском уезде [Куликовский, 1888]; имеются материалы, в которых можно узнать об игрушках, играх и детских забавах в деревнях Повенецкого уезда [ОГВ, 1886]; по Архангельской губернии — у П. С. Ефименко дано описание внешнего и внутреннего быта русского населения [Ефименко, 1877: 1–221]; Г. Цейтлинг изучал народные игры Поморья [Цейтлинг, 1911: 7–21]; по Вологодской губернии — В. Александров исследовал особенности деревенского веселья в Вологодском уезде [Александров, 1864: 169–200].

Игровая лексика отражена и словарями [Васнецов, 1907; Куликовский, 1898; Подвысоцкий, 1885; Даль, 1956; СРНГ, 1965–1998; СРГК, 1994–1999 и др.]. В современных исследованиях народного танца, игр и развлечений [Былеева, 1974; Иноземцева, 1971; Голейзовский, 1964; Ткаченко, 1954; Гусев, 1977; Суханов, 1945; Сушко, 1983; Соломянская, Глязер, 1980; Бедарев, 1979] находим много названий, известных и севернорусским говорам.

В тематической классификации игровой лексики выделяются следующие группы слов:

I. Названия подвижных игр без предмета с бóльшим количеством участников

1. Игра в горелки — *пáрами* (Выт.), *огорéлыш* (Выт.), *столбóм* (Заон.), *горéлки* (Повен.), *волк* (Заон.).

2. Прятки — *ухорóнки* (Петрозав.), *похорóнки* (Белом.), *хоронýшка* (Белом.), *хоронýшки* (Люб.), *селю́гой* (Поморье), *обрядýха* (Тихв.).

3. Другие игры — *гузноби́тка, кýхарь, ладошки, и́мушка, ти́пка, «Золотáя ры́бка», чехардá, шехардá, каравáн* и др.

II. Названия игр с предметом

1. С мячом — «лапта» имеет названия *лапта, лапта беговая, лапта круговая*, а также *хлапта* (Лодейноп.), *хлопта* (Пертозав., Пуд., Лодейноп.), *хлопта с клином* (Выт.); *круглый город* (Петрозав., Заон., Повен.), *кругом* (Белом., Выт.), *о лунках* (Повен.), *салом, в переездки* (Поморье), *попá гонять, попá мучить, полем играть* (Белом.).

2. С рюхой — *рюхи* (Поморье, Белом., Повен.), *рюшка с города* (Петрозав.), *городки* (Белом., Повен.), *стойка* (Вт.), *корелка* (Повен.), *попком* (Повен.).

3. С поленом — *слепая баба* (Петрозав.), *полено ковырять* (Петрозав., Заон.), *зимний буй* (Петрозав.), *буёвка, буево* (Карг.).

4. С камешками — *коны* (Петрозав.), *камешки* (Пуд.), *камушки* (Поморье), *дидки* (Петрозав.), *прохватка-братка* (Петрозав.), *пошевелька-братка* (Петрозав.). Здесь обращают на себя внимание названия фигур в игре — *ничто, двойки, тройки, сиврюцки, куча, дристи, нищелк, щелк, выпуск, помело, колесо, коса, козловы одиночки, козел, из ручки, в ручку, листовки, кокотки* (по данным Цейтлинга), *по одинкам, по двойкам, по тройкам, делать столба, загонять коро-*

вушку, хлев, ворота, пастух, столба из-под коровушки (по Куликовскому), *с дотрогишкой и без дотрогишки* (по нашим данным).

5. С доской — *коска* (Выт., Лодейноп.).

6. С лунками — *ярки* (Заон., Пуд., Петрозав.), *шар* (Выт.), *стойка* (Выт.).

7. В кости — *бабки* (Петрозав., Лодейноп., Повен., Карг., Выт., Белом.), *баски* (Белом.), *козни* (Петрозав.).

8. С мелкими предметами:

а) с палочками — *палочки-застукалочки, палочки-выручалочки, двенадцать палочек* (Белом.), *щилец, щильцы* (Петрозав.);

б) с бирюльками — *лобач* (Выт.);

в) с осколками битой посуды — *шкапками* (Белом.);

г) с ножом — *в землю играть* «отвоевывать себе землю соседа с помощью ножа» (Белом.).

9. С голиками — *рыбка, оленя парить* (Белом.).

10. Игра *меньком* связана с использованием жгута из соломы, называемого меньком, ср. *мень, менёк* 'налим'.

В наименованиях участников игр выделяются такие, как *матка, щука* 'водящий' (Петрозав.), *сынки* и *детки* — остальные по отношению к матке, *ярки, ангел* и *бес* (Поморье), *водящий*.

Богата глагольная игровая лексика: *мáтаться* 'делиться на две партии в игре' (Петрозав., Чер.), *корúться* 'называть себя условно для выбора в одну из партий' (Пв.), *жегáться* и *жóгаться, гониться* 'в игре в бабки определять, кому бить первым по положению брошенной бабки' (Петрозав.), ср. близкие по значению вятское *гонúть* и псковское, тверское *гонúться*. Широко распространен глагол *конáться* 'устанавливать очередь в игре': кроме олонецких говоров (Петрозав., Пуд., Выт.), слово известно псковским, осташковским, ярославским, терским, тульским, калужским, тамбовским говорам, а также в говорах Урала и Сибири. Помимо общеупотребительного глагола *считать* 'произносить считалку при игре в прятки', в Поморье известен глагол *шалáндаться*. В игре в мяч действия обозначаются глаголами *поддавáть, клескáть, белúть, оття́пать, промáзать*; в игре в прятки — *запятнáть, застýкать*, в игре в камешки — *решетúть, ля́питать*, в игре в побегушки-ловушки — *тúпаться* и т. п.

Игровая лексика сложилась преимущественно на базе общеупотребительной. Ср., напр., метафорические названия фигур в городках — «рюхах»: *письмо, пушка, ворота, колокольня, каток, слон, свеча,* название ямки — *горшок*. Здесь особо следует отметить активность хозяйственной лексики, используемой для названий игр, — *коровушка, хлев, пастух*, ср. также *корову кормить, корову доить, полем играть, в землю играть*. Игровая лексика в некоторой степени отражает своеобразие хозяйственно-экономического уклада жителей Севера, что проявляется в использовании названий животных — *оленёнок, оленя парить, щука, меньком, рыбка, рыбинка*.

Анализируемая группа слов содержит и собственно игровую лексику: *бúта* 'то, чем выбивают бабки' (Белом.), ср. *бúта* 'игра в бабки' в пермских и казанских говорах; *рю́шник* 'место для игры в рюхи' (Заон.), *вы́шки* и *нúзки* 'верхний или нижний уровень полета мяча в игре' (Белом.). Имеет место также и собственно игровая фразеология: *дéлать столбá, столбá из-под корóвушки, бáбушка в окóшке, кúслый гóрод* и др.

Бóльшая часть лексики известна северным и северо-западным говорам. Некоторые из них, по предварительным наблюдениям, могут быть отнесены к узколокальным, напр., только в русских говорах Карелии отмечены: *олéня пáрить, пúндуши* 'квадраты на земле в детской игре', *жегáться, жóгаться, ля́пишать*. Установление территориальных различий в игровой лексике, вероятно, даст возможность определить и этнографические отличия в играх. Ср. вятское *майдáн* 'детская игра, при которой мяч или шар загоняют в лунки', повенецкое *о лунках* и вологодское *вланы* в близком значении. К особым вятским играм относятся *золотая банька, землянки, играть в вожжи*.

Из игр, связанных с русскими аграрными праздниками, отметим «*А мы просо сеяли*» (Белом.), где «*дид-Ладо*» объединяет «весеннюю аграрную обрядность с обрядностью брачной» [Рыбаков, 1981: 606]. В каргопольских и вытегорских говорах эту игру называют *роса*. Добавим сюда известные в Поморье игры «*Не я ли тебе?*», *кацюли, зыбели* и *качели*. Из беседных игр словари фиксируют названия *пеленёлка* (Выт., Заон.), *дятина* (Пуд.), *лочкунья* (Петрозав.). В н. XX в. была известна игра «*Кострома*» (Поморье).

Названия некоторых игр, в том числе и хороводных, могут быть объяснены тем, что в них еще сохраняется связь с различными обрядами. Так, Т. А. Бернштам пытается увидеть отголоски похоронного обряда в наименовании хороводной игры «*на майдан*» в традиционном праздничном календаре в Поморье во 2-й половине XIX — н. XX в. [Бернштам, 1977]. *Майдан* обозначало 'могильный курган': хороводные игры проводились на возвышенном месте, на горке, отсюда название хороводной игры. Ср. *майдан* в вятских говорах — 'особая детская игра в шар, мяч, закатываемый палками в лунки' [Васнецов: 128]. Шар необходимо как бы спрятать, «схоронить», ср. другие наименования игр — *ухоронки, похоронки, хоронушки*.

Думается, аналогичная связь выражена в слове *селю́га*. Еще в н. XX в. в Поморье дети играли *селю́гой* 'в прятки' [Цейлинг, 1911]. Образованные на базе этого слова антропонимы *Селюга, Селюгин* известны с XVI в.: «*Селюга*, крестьянин, начало XVI в., Новгород; *Селюгины*, крестьяне, 1564 г., Олонец. Ср. там же *Селюкины, Селюхины*» [Веселовский, 1974: 284]. В современных пудожских говорах *селюга* 'кладбище'.

Названия танцев составляют сравнительно небольшую группу слов. Сюда входят русские слова: *завивай, утушка, одеянка, парками, тройка, шестерка, трепак, коробочка, макова коковушка, совьюн, сорви-голова, черник, косарики* и др. Имеют место и слова неславянского происхождения, например, фр. *кадрель*, ср. *кадриль, шин*, ср. *шен* [Фасмер, II: 157; IV: 438], *ланча, ланцы*, ср. *лансье* [БАС, VI: 57]. Активность усвоения этих слов не только в русском языке, но и в его диалектах относится к эпохе Петра I [Семенов, 1982: 153, 163]. В прионежских говорах отмечено *коханочка*, ср. *коханка, -очка* 'в рассказах об украинской и польской жизни — возлюбленная', связанное по происхождению с укр. *коханка*, польск. *kochanka* [БАС, V: 1547]. Беломорским говорам известно название танца *о́йра*, отмеченное также и в новгородских. Оно получило свое название, вероятно, по повторяющейся части припева в песне, сопровождающей пляску: «*а́та-ти́на, о́йра, о́йра*».

Наблюдается тенденция перехода танцевальной лексики в другие лексические группы. Ср. название танца *шин* и выражение *в шину́ сидеть* 'уединившись, обниматься, целоваться' в при-

онежских говорах, *шиновáть* 'оставаться вместе после танца' в петрозаводских говорах [Фасмер, IV: 438].

Из многочисленной игровой лексики в настоящее время употребляется активно лишь часть, многое ушло в пассивный запас. Интерес представляет лексика считалок, которые несколько преобразуются с течением времени. Ср. считалку в игре *селюгой*, известной в н. XX в. [Цейтлинг, 1911]:

Шалáнды – балáнды,
По кýсту – по мóсту,
По лебéжьей горы́
По чужóй стороны́,
Там ця́ски – орéшки,
Медóк – сахарóк,
Поди́ вон, королёк.

Другой вариант этой же считалки, записанный нами в 1985 г. в с. Сумский Посад Беломорского р-на:

Шарáга – барáга,
По кýсту – по мóсту,
По Лéбеди – горы́,
По чужóй стороны́,
Там чáшки – орéшки,
Медóк – сахарóк,
Поди вон, королёк!
Ши́шел – вы́шел,
Вон пошёл,
Красну шапочку нашёл.

Преобразованию подвергаются неясные по семантике слова: *шарáга, барáга, шалáнды, балáнды*. Известные говорам слова *шалáнда* 'судно типа баржи', неодобр. *шарáга* 'группа людей' и др. вряд ли имеют хотя бы отдаленные семантические связи с теми словами, что употреблены в считалках.

В лексике детских считалок наличествует иноязычная лексика. Напр., еврейские по происхождению слова отмечены Г. Цейтлинг в считалке:

Ендиль, бендиль, цюп,
А цендиль, ачу, вачу,
Видишь, корешь, чвак.
[Цейтлинг, 1911: 11].

В. Э. Орел приходит к выводу, что считалка «Эники-беники ели вареники...» и сейчас «сохраняет элементы средневерхненемецкой присказки» [Орел, 1978: 160].

Субстратные элементы, связанные с взаимодействием славянских и прибалтийско-финских языков, в рассматриваемой группе лексики незначительны: *ба́ска* 'костяная игрушка' заимствовано из финского *paasko, paasku* 'мелкие косточки запястья и голеностопного сустава', карел. *poaska* 'стопа животного' или саам. *paska* 'то же' [Фасмер, I: 130]; *ко́ска*, возможно, из финского *koskea* 'трогать, касаться' [ФРС, 1977: 262].

Предварительный анализ лексики данной тематической группы показывает, что перед исследователем стоят задачи разных планов, здесь перекрещиваются интересы лингвиста, этнографа, фольклориста.

В наименованиях игр и танцев находят отражение общеславянские этноязыковые и культурные связи, обнаруживаются и более глубокие этнокультурные процессы.

СПИ-ТКО, ПШЁННАЯ КАЛИТОЧКА
(деткий фольклор и формирование языковой личности)

Глубокие нравственные и эстетические начала заложены в большинстве произведений фольклора. Освоение окружающего мира ребенок начинает не только с внешних ощущений, но и с восприятия слов матери или пестуньи. Своеобразный мир детства включается в макромир бережно и разумно. Повседневные дела, связанные с уходом за ребенком, представляются какими-то необыкновенными событиями («Сорока кашу варила»), в которых участвуют «птички», «скотинка», «кошка Матрешка», «косая огорода» и т. п. Ребенок не только знакомится с миром природы, вещей, человеческих отношений, в которых преобладают доброта, красота, абсолютное благоприятствование растущему человеку, но и входит в сложный и многогранный мир слов, форм, языковых конструкций.

Обратим внимание на некоторые особенности языка разных жанров детского фольклора, в которых, на наш взгляд, изначально заложено решение определенных лингвопедагогических задач. Фольклорист С. М. Лойтер собрала и систематизировала более тысячи устнопоэтических произведений, связанных с пестованием и играми детей в Карелии [Лойтер, 1991]. Мы попытаемся, используя данные материалы, показать, в какой степени в фольклорных текстах для детей отражаются местные языковые черты.

В колыбельных песнях, прибаутках, пестушках, докучных сказках, бытующих на территории Карелии*, используются слова бытового содержания, среди которых встречаются этнографизмы, диалектизмы, как известные в настоящее время, так и архаичные.

(192) – *Туру-туру, пастушок,*
Осиновый батожок,
Далеко ли трубишь?..
– *От моря до моря, до царева города…*
– *Как сыну имя?*
– *Ступень-глупень, мягкий поршень,*
Зовут Николаем.
(Шуерецкое, Белом.)

Слово *батожóк* – уменьш. от *батог* 'палка', известного не только в северных говорах, но и новгородско-псковских [СРНГ, II: 146]. *Стýпень,* чаще *стýпни* – это, как отмечает Даль, 'лапти с большой головой (передами), без обутника или запятника (без бочков и задка), босовики, туфли, для обувки в доме, для выхода на двор' – вост.; 'берестовые и шелюжные лапти' – сев., вост.; 'выступки, род женских башмаков' – арх., олон., перм.; *кожаные стýпни* 'калоши, кенги, род бахилок' [Даль, IV: 349]. *Пóршень,* чаще *пóршни* 'короткая легкая обувь, изготовленная из одного, иногда нескольких кусков кожи, стянутых вокруг ступни шнуром' известно довольно широко как на севере, так и на юге, в частности в олонецких говорах: «*Пóршни* – обувь с короткими широкими голенищами; шьются поршни просторно, широкая

---

* Используются иллюстрации из книги [С. М. Лойтер, 1991] с указанием номера текста и места записи.

подошва загибается вверх, каблук широкий и очень низкий», по Г. И. Куликовскому [СРНГ, XXX: 116–117].

(57) *Баю-баюшки, баю,*
Баю деточку мою.
Бай-бай,
Спи-ко, пшенная калиточка,
Крупитчатый пирог.
(Петрозаводск)

Калитка 'небольшой открытый пирог, приготовленный из пресного ржаного теста с начинкой' довольно хорошо известно не только носителям говоров Карелии [СРГК, II: 318], шире — Севера и Северо-Запада, но и городским жителям.

(6а) *Баю-баюшки, баю,*
Укачаю, уложу.
Рипачо́к под бочок
И соломки тукачо́к.
(Гарницы, Медв.)

Рипа́к 'пеленка', *тука́ч* 'сноп' бытуют в русских говорах Севера [СРНГ, XXXV: 104; Даль, V: 441].

(49) *Бай-бай-бай куколку.*
Кошки спят по печурочкам,
А собачки спят по межуточкам,
А маленьки ребятки спят по зыбочкам
Да по колыбаечкам.
(Нюхча, Белом.)

Слова *зы́бочка* и *колыба́ечка* имеют в данном контексте значение 'колыбель', ср. *колыба́ть* 'качать, укачивать' во многих русских говорах, *колыба́лка* в архангельских, *колыба́й* в рязанских.

Особо выделим примеры с архаизмами:

(11) *Этот котенька-коток*
Из-за морьица притек.
(Костинская, Пуд.)

(282) *Липа, липа, липа, сядь,*
На веревочку присядь -
Я не буду имать.
(Середка, Медв.)

(994) – *А мы коней вынимаем, вынимаем.*
– *А чем же, млада, вынимать, вынимать?*
(Пудож)

(87) *Баю-баюшки, баю,*
Живе барин на краю.
Он не нужен, не богат,
Полна горница ребят.
(Пудож)

Ср. в древнерусском языке *имати* 'брать', *нужный* 'трудный, тягостный' (→ 'неимущий, бедный' в говорах), *течь* 'бежать скоро, идти' [Срезневский]. Эти слова сохраняются лишь в говорах Севера, Сибири и Урала.

Характерной чертой текстов детского фольклора является включение слов в определенный системный ряд, способствующий формированию понятий словообразовательного уровня.

(30) *Прилетай ко мне в садок*
Под высокий теремок.
(Коросозеро, Белом.)

(50) *Зыбочка нова,*
Огибочка шелкова...
Подушечка перинна,
Постелюшка мякинна.
(Комлево, Медв.)

(54) *Баю-баю, баюшки,*
Я качаю девушку,
Да на полянке жнеюшку,
На поженке грабеюшку.
Баю-баю, баюшки,
Я качаю паренька
В чистом поле пахарька,
Во лесочке секарька
Баю-баюшки, баю.
(Семеново, Пуд.)

(102) *Я улюлюкиваю,*
Я укачиваю
Да уговариваю.
(Кемь)

(138) *Да чем нам деточек кормить:*
Да пресным молочком,
Да мятным пряничком,
Да мягким яблочком.
(Шуерецкое, Белом.)

Мыслительная деятельность ребенка в этом случае невольно направляется на структурный анализ слова, выделение производящей основы: *сад, терем, зыбка, огибка, жнея, грабея, пахарь* и т. д.

Часто используются синонимические пары с разными корнями и одинаковыми суффиксами:

(55) *Мне подай за байканье*
Да расплатись за люльканье.
(Пудож)

(91) *Спи без байканья,*
Спи без качанья.
(Пургино, Медв.)

Сюда включаются и собственно фольклорные лексико-словообразовательные пары или совмещающие общеупотребительные и фольклорные сочетания:

(104) *На киску – потягушечки,*
На Сереженьку – растушечки.
(Петрозаводск)

(461) *Сгузка-подгузка!*
Струсила дыра,
Сколокольничала,
Сбалабольничала.
(Сенная Губа, Медв.)

(311) *Кого солью солить,*
Кого мылью мылить...
(Середка, Медв.)

В детском сознании невольно закрепляются понятия, связанные с трудом, его ролью в жизнеустройстве. Этому помогает и способ введения слова в текст – повтор, включение в синонимический ряд, словообразовательная модель, реализующаяся неоднократно в одном небольшом тексте:

(60) *Я повырощу тебя,*
Да повозрощу молодца,

Да во чисто поле севца,
Да во озерышко ловца…
(Аксинская, Пуд.)

(56) *Чтобы вас пропитать*
Да чтобы вас прокормить,
Надо хлебушко убрать,
Да на коровку накосить,
Надо сенце да соломушку,
Чтобы коровушки доили,
Молочко-то вам-то было.
(Петрозаводск)

(55) *Скажут: «Ниночка, вставай,*
Ноги в лапти обувай,
Ноги в лапти одевай
Да на работу побегай…»
(Пудож)

Детский фольклор знакомит ребенка с некоторыми особенностями фонетического и морфологического строя местной речи.

Фонетические особенности

1. Звук [*и*] на месте старого звука [*ѣ*]:

(15) *Котушко-коток…*
Много сну наволок…
Всим он робятам раздаривает…
(Авдеево, Пуд.)

(48) *Всu утушки спят,*
Всu лебедушки лежат.
(Комлево, Медв.)

(91) *Спи-тко, дите, во добри…*
Мни-ка байкать недосуг.
(Пургино, Медв.)

(128) *Идите, детушки, кашу исти.*
(Петрозаводск)

(60) *Спи, жадобушко, покрипче.*
(Аксинская, Пуд.)

2. Употребление [*ф*] вместо [*хв*]:

(64) *Спи-тко, Оля, без пробуду,*
Спи-тко, Оля, без профату.
(Пудож)

3. Перенос ударения на предшествующий слог под влиянием соседних прибалтийско-финских языков:

(459) *Сúди там,*
Шубу дам!
Кáфтан сóшью,
В Питер отóшлю.
(Великая Нива, Медв.)

Морфологические особенности

1. Форма 3-го лица глагола без ***–т:***

(46) *Спи-ка, Димушка, не плачь*
Принесе мама калач.
(Пудож)

(197) *Козел муку меле,*
Коза посыпае.
(Пудож)

(203) *А курочка по сенечкам похаживае,*
И зернышки пшеничные поклевывае,
А Иванушка сударушку полюбливае.
(Суйсарь, Прион.)

2. Архаичные формы местоимений ***у тя = у тебя, ю = ее:***

(15) *Дивья тебе, Валя, у тя матушка родна*
(Авдеево, Пуд.)

(60) *Только есть у тя добра*
Да родна маменька одна.
(Аксинская, Пуд.)

(174) *Сидит муха на ели,*
Комар на суку,
Спотешает ю.
(Пургино, Медв.)

3. Архаичные формы инфинитива:

(35) *На сараи тукачи,*
Да букы некуда легчи.
(Ялгуба, Прион.)

(144) *Буду пирожки пекти.*
(Олонец)

4. Диалектные формы мн. ч. существительных:

(248) *Дождь, дождь, дождь,*
Пори, што можь,

Ситьями, решатьями,
Полными ушатьями.
(Пургино, Медв.)

Некоторые произведения детского фольклора отражают местную топонимию:

(198) *А кислы щи да по залисью шли:*
На Шалу – по меньки,
На Подпорожье – по сеги,
Для Гакуксы да ловить ряпуксы.
(Пудож)

(285) *Ни высоко, ни далеко –*
Только Комлево видать.
(Комлево, Медв.)

Имеются и антропо- и зоонимические потешки:

(141) *Ох, Дунюшка-Дуня,*
Мила Авдотья…
Ярка Варварка,
Баран был Захарка…
Свинья Овсенья,
А боров Василий.
(Шала, Пуд.)

(173) *Лиса Ивановна,*
Патрикея Аполлоновна.
(Типиницы, Медв.)

(127) *А ты, Пахомочек, мой котеночек,*
Печку топи, деток корми.
(Повенец, Медв.)

Синтаксические построения в текстах детского фольклора – в основном простые предложения с однородными членами, с параллельными конструкциями – способствуют усвоению строя родной речи.

Совершенно особый пласт составляют собственно фольклорные слова, сочетания, звуковые единства в зачинах типа *труля-ля, трѐнди-бренди, чели-чели-чели,* а также образования по модели общеизвестных слов, закрепляющие в сознании ребенка систему языка:

(9) *У кота – воркота.*
(Сум. Посад, Белом.)

(483) *Бабка-ёжка, костяная ножка.*

(Петрозаводск)

В детских фольклорных текстах скрыты огромные культурно-исторические пласты, позволяющие при системном использовании направить детское сознание на восприятие общего и частного, местного, обычного, архаического и нового в таком многоаспектном явлении, как язык. Педагогические возможности детского фольклора безграничны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика русских говоров Карелии сложилась в результате целого ряда исторических процессов. В лексической системе данного региона — окраинной зоны славянской территории, граничащей с прибалтийско-финской, — сочетаются элементы разного происхождения. Русские диалекты усвоили большой пласт прибалтийско-финских слов. Топонимия Карелии, включая названия микрообъектов, во многом сохранила топоосновы субстратного характера, хотя именно в обозначении мелких объектов, особенно хозяйственно-экономического назначения, русские используют славянские базовые элементы.

Изменения в структуре названий поселений Карелии, прошедшие на протяжении нескольких веков, отражают историю формирования сельских поселений — от одно-, двудворной до многодворной деревни, показывают преобразование понятия «деревня» — от разработанного под пашню участка леса к поселению сельского типа. Память о типе земледелия на Севере, связанного с обработкой леса под пахотную землю, до сих пор сохраняется во многих словах, преимущественно славянского/русского происхождения, хотя имеет место и влияние соседних языков. В значительно большей степени прибалтийско-финские элементы представлены в географической терминологии.

Степень доступности для иноязычной лексики неодинакова в разных понятийных системах. Почти «закрытыми» для проникновений чужеродных элементов оказались такие зоны, как русская свадьба, игры, развлечения, крестьянское строительство. Мало подвержены влиянию со стороны других языков и образы русского фольклора. Лексика, обороты речи, употребляющиеся в пословицах, поговорках, частушках, присловьях, фольклорных произведениях других жанров, за редким исключением, типа *я́рлук*, являются русскими. Иначе говоря, слово, связанное со сферой духовной жизни русского человека, остается практически неизменным в течение веков.

Говоры сохранили уникальные лексические единицы, иногда совершенно загадочные и, казалось бы, не имеющие никакой

связи с русской лексической системой, кажущиеся чужеродными в нашем языке; однако именно они хранят глубокую память о единстве языка предков, пришедших некогда на территорию современной Карелии, например с языком южных славян, с одной стороны, о балто-славянских связях — с другой. Много загадочного, необычного находим и в словах, которые географически и исторически связывают русские говоры Карелии с Псковско-Новгородской зоной, реже с Владимиро-Суздальской землей и Москвой. Чем загадочнее, непонятнее в этимологическом отношении слово, тем, кажется, оно древнее.

Для языковеда, историка представляют интерес те лексические материалы, которые являются «общими» для русских/славянских говоров и прибалтийско-финских языков при массовом совпадении, схождении в некоторых лексических зонах, например, *ко́бра* ʽгорсть', ʽрука', ʽприспособление для сбора ягод', ʽдеревянная палка с железным наконечником, которой колют рыбу', ʽбольшой костер' в русских говорах Карелии и фин. *koura* ʽрука', ʽгорсть', ʽлапа', ʽгрейфер', карел. ливв. *kobru* ʽгорсть, пригоршня, пясть', ʽрука, пятерня', ʽустройство для костра на носу лодки, лапа'. Мы попытались обратить внимание на данные группы слов, не претендуя на полноту решения вопроса о том, каково было направление заимствования. Были ли данные лексические элементы общими в досубстратную эпоху, стали ли они общими для разных языковых семей в древнейшую эпоху взаимного обмена «лексическим опытом» — вопрос, требующий дополнительных разысканий и основательных аргументаций. В любом случае общий лексический материал славянских и прибалтийско-финских языков — это достояние истории. Длительное сосуществование разноэтнического населения естественным образом привело к взаимообогащению словаря каждого этноса.

Соотнесенность привычного внеязыкового мира вещей с лексической системой трансформируется при восприятии иного мира реалий, похожего во многом на «свой мир», однако отличающегося от него в значительной степени. Результатом такой трансформации является освоение новой лексемы, соответствующей определенному денотату, интерференция, приводящая к полному вхождению нового слова в лексическую систему вос-

принимающего языка. Особенности ландшафта, явлений природы, занятия и промыслы, бытовые реалии нашли соответствующее вербальное выражение в субстратной лексике русских говоров Карелии.

Русские диалекты усвоили значительное количество слов прибалтийско-финского происхождения, причем большей частью для обозначения понятий, связанных с природой, напр., названия заболоченных мест (*лѝва, я́нга, ра́да, лѝма, о́рга, ко́рба, ку́гра, ня́ша, ке́чкара, ро́змега, ла́мба* и др.); для выражения эмоционально-экспрессивной оценки чего-либо, преимущественно отрицательной (*о́шкуй, у́пак, ро́пака*), для отражения самых разнообразных оттенков движения, речи, мысли и т. п. (*а́рандать* ʻворчатьʼ, *бу́рандать* ʻразговариватьʼ, *ку́ландать* ʻделать что-н. медленно, неторопливоʼ, *ма́лтать* ʻпонимать, смыслить, разуметьʼ). Слова-этнографизмы (типа *а́лажма* ʻпечь, устанавливаемая на лодкеʼ) при заимствовании обычно не имеют конкурентов в принимающей системе и являются однозначными. В других же случаях происходит сложное семантическое взаимодействие своего, известного слова и нового, входящего в речевой обиход, отбор и перераспределение семантических компонентов, и чаще всего данные лексемы являются многозначными (ср. *ма́лтать* ʻпонимать, смыслить, разуметьʼ, ʻпомнитьʼ, ʻрассказыватьʼ, ʻне давать говорить, прерывать, перебиватьʼ).

Освоение неродного элемента связано прежде всего с внешним миром, а для внутреннего мира — духовной сферы, дома как хранителя своего мира — используется своя, русско-славянская по происхождению лексика.

Промежуточное положение в отношении иноэтнических проникновений занимают те жизненные сферы, которые имеют отношение не только к одному человеку непосредственно, но и к другим людям, в которых находит отражение взгляд человека на окружение, а через него и восприятие себя как бы со стороны. Отсюда, например, насмешливое, ироническое отношение к другим выражается целым рядом прозвищ, слов-экспрессивов, причем при отрицательной коннотации часто употребляются слова, корни которых могут быть связаны с субстратными словами. При характеристике человека, отступающего в чем-либо от

общепринятых норм, также употребляется лексика уничижительного характера, которая имеет неславянские корни.

Лексемы типа *кóбра, шавёра* часто воспринимаются как заимствованные, усвоенные русскими извне, причем этимологические решения могут быть иными. Происходит как бы отчуждение некогда своего слова в связи с вхождением его в соседствующую языковую среду.

Русские говоры Карелии, естественно, содержат не только субстратную лексику, связанную с усвоением прибалтийско-финских слов, морфем, фонетических вариантов, но и заимствованную из других, например, западноевропейских языков, в частности значительная часть слов пришла в Петровскую эпоху. Позднейшие заимствования обычно являются фонетическими вариантами известных литературному языку лексических проникновений.

ЛИТЕРАТУРА, СЛОВАРИ, ИСТОЧНИКИ

Список литературы

Абрамец, 1974 — *Абрамец И. В.* Языковые средства создания комического в русских пословицах и поговорках: (К постановке вопроса) // Тр. Самаркандского ГУ. Новая серия. Вып. 250. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. № 5. Самарканд, 1974.

Агапитов, 1997 — *Агапитов В. А.* Кижская топонимия и фольклор // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения–95»: Сб. докл. Петрозаводск, 1997.

Агапитов, 2000 — *Агапитов В. А.* Путешествие в древние Кижи: Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000.

Агренева-Славянская, 1887 — *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями. Ч. II. Описание всех обрядов свадебного дня. Тверь, 1887.

Алабугина, Иванова, 1974 — *Алабугина Ю. В., Иванова Т. А.* Заимствованные апеллятивы в русских говорах Виноградовского района Архангельской области и их отражение в топонимике // Вопросы ономастики. № 8–9. Свердловск, 1974.

Александров, 1864 — *Александров В.* Деревенское веселье в Вологодском уезде. Этнографические материалы // Современник. СПб., 1864. № 7, июль.

Андреева-Васина, 1985 — *Андреева-Васина Н. И.* К вопросу о начальном *ко-* в диалектных глаголах // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985.

Ардентов, 1955 — *Ардентов Б. П.* К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. X. Кишинев, 1955.

Археология, 1996 — Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Астафьева, 1975 — *Астафьева Л. А.* Эстетические функции символики в народных лирических песнях // Проблемы фольклора. М., 1975.

Астафьева-Скалбергс, 1971 — *Астафьева-Скалбергс Л. А.* Символика в русской народной любовной песне: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Астахова, 1957 — *Астахова А. М.* Сатира и юмор в русском былинном эпосе // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957.

Ашурков, Кацюба, Матюшин, 1980 — *Ашурков В. Н., Кацюба Д. В., Матюшин Г. Н.* Историческое краеведение / Под ред. Г. Н. Матюшина. 2-е изд. М., 1980.

Балашов, Красовская, 1969 — *Балашов Д. М., Красовская Ю. С.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

Барашков, 1962 — *Барашков В. Ф.* Знакомые с детства названия. М., 1962.

Барашков, 1979 — *Барашков В. Ф.* Лингвистическое краеведение в сельской школе: Пособие для студентов и учителей-словесников. Ульяновск, 1979.

Бедарев, 1979 — *Бедарев Г. К.* Организаторы веселого досуга. М., 1979.

Беломор, 1861 — Беломор. Лето в Архангельске // Кронштадтские вести. 1861. № 26.

Бернштам, 1981 — *Бернштам Т. А.* Соотношение общерусских и локальных традиций в фольклоре поморов // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тез. докл. Петрозаводск, 1981.

Бернштам, 1977 — *Бернштам Т. А.* Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX–XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977.

Богатырев, 1986 — *Богатырев П. Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия по фольклористике. М., 1986.

Бондалетов, 1992 — *Бондалетов В. Д.* Изучение истории личных имен, отчеств и фамилий в школе // Историзм в преподавании русского языка в школе и методика русского языка в

педвузе и педуниверситете: Тез. докл. участников научно-практической конференции (8–10 апреля 1992 г.). М., 1992.

Бондарук, 1966 — *Бондарук Г. П.* Местные географические термины в топонимии Ярославской области // Изучение географических названий. Вопросы географии. № 70. М., 1966.

Бондарчук, 1978 — *Бондарчук Н. С.* Проблемы исторической региональной лексикологии: Пособие по спецкурсу. Калинин, 1978.

Бондарчук, 1977 — *Бондарчук Н. С.* Семантическое поле «Земля по способу подготовки для сельскохозяйственного использования» в географической проекции: (На материале письменных памятиков XV–XVII вв.) // Лексико-грамматические исследования по русскому языку. Калинин, 1977.

Борев, 1970 — *Борев Ю.* Комическое. М., 1970.

Борисов, Дранишников, Иванов, Кацюба, 1982 — *Борисов Н. С., Дранишников В. В., Иванов П. В., Кацюба Д. В.* Методика историко-краеведческой работы в школе / Под ред. Н. С. Борисова. М., 1982.

Борковский, Кузнецов, 1965 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Бубрих, 1948 — *Бубрих Д. В.* Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948.

Былеева, 1974 — *Былеева Л., Коротков И., Яковлев В.* Подвижные игры. 4-е изд. М., 1974.

Варбот, 1973 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и оттлагольных имен. III // Этимология. 1971. М., 1973.

Варбот, 1980 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и оттлагольных имен. IX // Этимология. 1978. М., 1980.

Варбот, 1981 — *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии // Этимология. 1979. М., 1981.

Варбот, 1984 — *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.

Вахрос, 1959 — *Вахрос И. С.* Наименование обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.

Великорусс, 1900.— Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные П. В. Шейном. Т. I. Вып. 2. СПб., 1900.

Витов, 1962 — *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962.

Витов, 1967 — *Витов М. В.* Севернорусская топонимия XV–XVII вв.: (К постановке топонимического источниковедения) // Вопросы языкознания. 1967. № 4.

Волков, 1974 — *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.

Воронова, 1968 — *Воронова Л. А.* Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.

Гадзяцкий, 1941 — *Гадзяцкий С.* Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941.

Герд, 1975 — *Герд А. С.* По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975.

Герд, 1979 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.

Герд, 1987 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987.

Герд, 1991 — *Герд А. С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991.

Герд, 1995 — *Герд А. С.* К реконструкции древнерусских диалектных зон: Верхняя Русь (к понятию «Русский Север») // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Псков, 1995.

Герд, 1995а — *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995.

Герд, 1999 — *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999.

Герценберг, 1972 — *Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в индоиранских языках. Л., 1972.

Глинкина, 1992 — *Глинкина Л. А.* Историческое лингвокраеведение в учебном процессе // Историзм в преподавании русского языка в школе и методика русского языка в педвузе и в педуниверситете: Тез. докл. участников научно-практической конференции (8–10 апреля 1992 г.). М., 1992.

Глускина, 1968 — *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968.

Голейзовский, 1964 — *Голейзовский К.* Образы русской народной хореографии. М., 1964.

Гомилевский, 1878 — *Гомилевский И.* С крайнего Севера России // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1878. Май.

Горошкова, 1966 — *Горошкова Н. М.* О лексическом многообразии языка русского фольклора // Уч. зап. Новгородского пед. ин-та. Т. XI. Новгород, 1966.

Горшкова, 1972 — *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

Грамматика, 1958 — Грамматика финского языка. М.; Л., 1958.

Гринкова, 1947 — *Гринкова Н. П.* К изучению олонецких диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947.

Громцева, 1985 — *Громцева А. К.* Методы обучения на современном этапе развития школы // Методы обучения в средней общеобразовательной школе. Л., 1985.

Гудков, 1966 — *Гудков В. П.* Три русские этимологии (*майка, хороший, хмурый*) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 5. М., 1966.

Гусев, 1977 — *Гусев В. Е.* Истоки русского народного театра. Л., 1977.

Гусева, 1972 — *Гусева Л. Г.* Географические термины, обозначающие болото, в апеллятивной лексике и топонимике Каргопольского края // Вопросы топономастики. № 6. Свердловск, 1972.

Дашков, 1841 — *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях // Журнал МВД. Ч. XLII. СПб., 1841. № 10, октябрь.

Дегтярев, 1981 — *Дегтярев В. И.* О происхождении слова *люд* // Этимология, 1979. М., 1981.

Доля, Суханова, 1975 — *Доля Т. Г., Суханова В. С.* Существительные на *-га* в русских говорах Карельской АССР // Северно-русские говоры. Вып. 2. Л., 1975.

Доля, Кривонкина, 1997 — *Доля Т. Г., Кривонкина М. Я.* Лексикографическое изучение русских народных говоров Карелии // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения–95»: Сб. докл. Петрозаводск, 1997.

Дружинина, 1983 — *Дружинина Г. А.* К истории терминов подсечно-огневого земледелия в каргопольских говорах // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тез. докл. Вологда, 1983.

Елизаровский, 1958 — *Елизаровский И. А.* Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.

Еремина, 1978 — *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.

Ефименко, 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта // Известия Общества любителей естествознания. Т. XXX. Вып. 1. М., 1877.

Житников, 1974 — *Житников В. Ф.* О некоторых германизмах в лексике севернорусских говоров // Язык и общество. Саратов, 1974.

Журавлев, 1984 — *Журавлев А. Ф.* Этнография в прозвищах // Русская речь. 1984. № 3.

Журавлев, 1984 а — *Журавлев А. Ф.* Областные прозвища // Русская речь. 1984. № 5.

Загоскин, 1910 — *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.

Зайцева, 1958 — *Зайцева И. К.* Словарные диалектизмы в языке русской народной песни Воронежской области // Славянский сборник. II. Вып. филологический. Воронеж, 1958.

Зеленин, 1904 — *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: Этнографический и историко-литературный очерк // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Отд. II. Вятка, 1904.

Зеленин, 1941 — *Зеленин Д. К.* О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Советская этнография: Сб. статей. V. М.; Л., 1941.

Иноземцев, 1971 — *Иноземцев Г. В.* Народный танец. М., 1971.

Калевала, 1978 — Калевала / Пер. с фин. Л. Бельского. Петрозаводск, 1978.

Камкин, 1880 — *Камкин Н.* Архангельские корелы: Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. XVI, 2. Февраль. Петербург, 1880.

Керт, 1960 — *Керт Г. М.* Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

Керт, 1983 — *Керт Г. М.* Карельский язык // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

Керт, 1991 — *Керт Г. М.* Сохранить память земли // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.

Керт, Мамонтова, 1976 — *Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1976.

Климкова, 1991 — *Климкова Л. А.* Лингвокраеведческая работа в школе: ее возможности и значение // Вопросы теории и методики преподавания русского языка в высшей и средней школе. Тверь, 1991.

Колесников, 1976 — *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976.

Колесов, 1975 — *Колесов В. В.* Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

Колесов, 1986 — *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колесов, 1990 — Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Колпакова, 1973 — *Колпакова Н. П.* Лирика русской свадьбы // Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973.

Колпакова, 1984 — *Колпакова Н.* А мы просо сеяли. Л., 1984.

Копанев, 1978 — *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

Коренева, 1993 — *Коренева Л. А.* Региональный компонент школьного образования по русскому языку // Современное состояние и перспективы развития методики преподавания русского языка: Тез. докл. и сообщ. Всеросс. совещ. (16-17 ноября 1993 г.). М., 1993.

Кочкуркина, 1982 — *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. Л., 1982.

Кретов, 1973 — *Кретов А. И.* Диалектизмы в языке народных частушек // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973.

Кузнецов, 1949 — *Кузнецов П. С.* Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949.

Кузнецов, 1906 — *Кузнецов С. К.* К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. 1905. М., 1906. № 2, 3. Год 17-й, кн. LXV-LXVI.

Кузнецова, 1977 — *Кузнецова О. Д.* Неуклюжий и его родственники // Русская речь. 1977. № 2.

Куликовский, 1884 — *Куликовский Г. И.* Беседные складчины и ссыпчины Обонежья // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1884.

Куликовский, 1888 — *Куликовский Г. И.* Детские игры в Обонежьи, Петрозаводского уезда и в других местах Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 73, 74.

Куратов, 1991 — *Куратов А. А.* Северная ономастика // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.

Куркина, 1969 — *Куркина Л. В.* Названия болот в славянских языках // Этимология. 1967. М., 1969.

Куркина, 1972 — *Куркина Л. В.* Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. М., 1972.

Куркина, 1982 — *Куркина Л. В.* [Рецензия] // Этимология. 1980. М., 1982.

Лазутин, 1960 — *Лазутин С. Г.* Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960.

Левинтон, 1970 — *Левинтон Г. А.* Некоторые вопросы изучения свадебного обряда // Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам (17–24 августа 1970 г.). Тарту, 1970.

Лирика, 1973 — Лирика русской свадьбы. Л., 1973.

Лихачев, Панченко, Понырко, 1984 — *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Макарова,1982 — *Макарова Т. Г.* О методике изучения школьных прозвищ в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

Максимов, 1890 — *Максимов С. В.* Год на Севере. М., 1890.

Максимов, 1985 — *Максимов С. В.* Куль хлеба и его похождения. М., 1985.

Мамонтова, 1982 — *Мамонтова Н. Н.* Структурно-семантические типы микротопонимов ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

Мамонтова, Кочкуркина, 1982 — *Мамонтова Н. Н., Кочкуркина С. И.* О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л., 1982.

Мамонтова, Муллонен, 1991 — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Мансикка, 1915 — *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Известия ОРЯС Императорской Академии наук, 1914. Т. XIX, кн. 4. Петроград, 1915.

Матвеев, 1959 — *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Урал. ун-та. Вып. 32. Сер. Языкознание. Свердловск, 1959.

Матвеев, 1966 — *Матвеев А. К.* Ареалы некоторых субстратных основ в севернорусской топонимии // Вопросы географии. № 70: Изучение географических названий. М., 1966.

Матвеев, 1976 — *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопросы языкознания. 1976. № 3.

Мейе, 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

Мельниченко, 1974 — *Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII–XIII вв. Ярославль, 1974.

Меркулова, 1971 — *Меркулова В. А.* Заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1968. М., 1971.

Меркулова, 1973 — *Меркулова В. А.* Мелкие заметки по истории и этимологии слов // Этимология. 1971. М., 1973.

Меркулова, 1976 — *Меркулова В. А.* Украинские этимологии. II (*мерщій, регнути, прятати, смотолока, годоубица*) // Этимология. 1974. М., 1976.

Мещерский, 1962 — *Мещерский Н. А.* К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельск. пед. ин-та. Т. XIII. Петрозаводск, 1962.

Мжельская, 1956 — *Мжельская О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV-XV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956.

Мокиенко, 1970 — *Мокиенко В. М.* Семантические модели славянской тельмографической терминологии // Местные географические термины. Вопросы географии. № 81. М., 1970.

Молдавский, 1981 — *Молдавский Д.* Товарищ Смех. Л., 1981.

Москов, 1962 — *Москов М.* Особая префиксальная система в славянских языках применительно к украинскому языку // Тр. Одесского ун-та. Т. 152. Сер. филол. наук. Вып. 15. Одесса, 1962.

Муллонен, 2000 — *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000.

Мызников, 1995 — *Мызников С. А.* Ареальная дистрибуция лексики сенокошения в русских говорах Обонежья и Приладожья // Псковские говоры и их носители (лингвоэтнографический аспект). Псков, 1995.

Мызников, 1997 — *Мызников С. А.* Об ареальных аспектах изучения лексики прибалтийско-финского происхождения в рус-

ских говорах Обонежья // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: Сб. докл. Петрозаводск, 1997.

Невская, 1974 — *Невская Л. Г.* Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими: (Семасиологические наблюдения) // Балто-славянские исследования. М., 1974.

Никитин, 1967 — *Никитин А. В.* Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (опыт анализа топонимов-ориентиров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Никончук, 1979 — *Никончук Н. В.* Приставки *ка-* и *ко-* в полесских говорах // Этимология. 1977. М., 1979.

Обнорский, 1929 — *Обнорский С.* Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке // Язык и литература. Т. III. Л., 1929.

Образование, 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970.

Обрядовая, 1980 — Обрядовая поэзия Пинежья. Традиционный русский фольклор в современных записях. М., 1980.

Окунев, 1993 — *Окунев А. В.* Этнографический отчет об обследовании деревень Куганаволокской волости. Петрозаводск, 1993. (Хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН).

Описание, 1886 — Описание игрушек, игр и детских забав в деревнях Пудожгорских, Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1886. № 71–75.

Орел, 1978 — *Орел В. Э.* Эники-беники ели вареники // Русская речь. 1978. № 1.

Основы, 1974 — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Основы, 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Оссовецкий, 1975 — *Оссовецкий И. А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5.

Очерки, 1957 — Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957.

Песенный, 1967 — Песенный фольклор Мезени. Л., 1967.

Песни, 1963 — Песни Печоры. М.; Л., 1963.

Песни, 1870 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8. М., 1870.

Петлева, 1974 — *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. II. Русск. диал. *шеверенька* // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1972. М., 1974.

Петлева, 1977 — *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология. 1975. М., 1977.

Петлева, 1983 — *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XII // Этимология. 1981. М., 1983.

Попов, 1949 — *Попов А. И.* Из топонимики Карелии // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской АССР. Вып. 1. (Секция гуманитарных наук). Петрозаводск, 1949.

Попов, 1949а — *Попов А. И.* Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. V. Петрозаводск, 1949.

Попов, 1965 — *Попов А. И.* Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.

Попов, 1980 — *Попов И. А.* Лексика природы как объект лингвогеографического изучения // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.

Попов, 1991 — *Попов С. В.* Топонимия Белого моря // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.

Попова, 1995 — *Попова Н. В.* Метаморфозы префикса *об-/обо-* и его вариантов (по фольклорным и диалектным данным) // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Псков, 1995.

Поспелов, 1981 — *Поспелов Е. М.* Топонимика в школьной географии. М., 1981.

Прох, 1983 — *Прох Л. З.* Словарь ветров. Л., 1983.

Прохорова, 1966 — *Прохорова В. Н.* Замечания к истории и этимологии слова *рахманый* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 5. М., 1966.

Русская, 1980 — Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче). Петрозаводск, 1980.

Русские, 1967 — Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Русские, 1971 — Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971.

Рыбаков, 1981 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбников, 1991 — *Рыбников П. Н.* Об особенностях Олонецкого наречия // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. Петрозаводск, 1991.

Савельева, 1974 — *Савельева Л. В.* К истории слов «нахрап», «нахрапом» в русском языке // Очерки по лексикологии. Л., 1974.

Савельева, 1997 — *Савельева Л. В.* Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997.

Сало, 1966 — *Сало И. В.* Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах Карельского Беломорья // Советское финно-угроведение. 1966. № 2.

Сало, 1966 — *Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1966.

Сампо, 1940 — Сампо: Сб. карело-финских рун / Ст. и коммент. В. Евсеева. Петрозаводск, 1940.

Селищев, 1968 — *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.

Семенов, 1982 — *Семенов Л. Н.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Серебренников, 1970 — *Серебренников Б. А.* К этимологии слов // Советское финно-угроведение. 1970. № 4.

Симаков, 1913 — *Симаков В. И.* Несколько слов о деревенских припевках-частушках. СПб., 1913.

Симина, 1969 — *Симина Г. Я.* Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский р-н, Архангельской обл.). Л., 1969.

Сказки, 1986 — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Смолицкая, 1972 — *Смолицкая Г. П.* Из архива П. Л. Маштакова // Восточно-славянская ономастика. М., 1972.

Соколова, 1962 — *Соколова М. А.* Очерки по исторической грамматике русского языка. М., 1962.

Соломянская, Глязер, 1980 — *Соломянская Л., Глязер С.* Игры молодежи. Вып. 1. М., 1980.

Сороколетов, 1979 — *Сороколетов Ф. П.* .Диалектная лексика в языке народных песен // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979.

Строгова, 1976 — *Строгова В. П.* Микротопонимия с. Березовский Рядок (Бологовский р-н Калининской обл.) // Микротопонимия. М., 1976.

Суханов, 1945 — *Суханов Н.* Русские пляски. М., 1945.

Сушко, 1983 — *Сушко А.* О кадрильных песнях русского Севера // Музыкальное искусство Карелии. Л., 1983.

Тарланов, 1977 — *Тарланов З. К.* Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977.

Тимофеев, 1948 — *Тимофеев Л. И.* Теория литературы. М., 1948.

Ткаченко, 1954 — *Ткаченко Т.* Народный танец. М., 1954.

Толстой, 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Толстой, 1977 — *Толстой Н. И.* О соотношени центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

Уваров, 1971 — *Уваров Л. В.* Символизация в познании. Минск, 1971.

Успенский, 1967 — *Успенский Л. В.* Имя дома твоего: Очерки по топонимике. Л., 1967.

Филин, 1936 — *Филин Ф. П.* Исследования о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л., 1936.

Филин, 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Хроленко, 1976 — *Хроленко А. Т.* Лексика народной поэзии: (На материале лирической песни): Пособие для студентов-филологов по лингвофольклористике. Курск, 1976.

Хроленко, 1985 — *Хроленко А. Т.* Репрезентативные пары слов в диалектном и устно-поэтическом аспектах // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985.

Цейтлинг, 1911 — *Цейтлинг Г.* Народные игры в Поморье // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера (Журнал жизни Северного края). 1911. № 13.

Чайкина, 1975 — *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

Чайкина, 1980 — *Чайкина Ю. И.* Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского уезда XVI–XVII вв. // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.

Черных, 1956 — *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956.

Чернышевский, 1949 — *Чернышевский Н. Г.* Возвышенное и комическое // Полное собр. соч. Т. II. М., 1949.

Чернякова, 1997 — *Чернякова И. А.* Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997.

Чернякова, 1998 — *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

Чичагов, 1959 — *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий: (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

Шайжин, 1906 — *Шайжин Н.* Старая Пудога с XIV по XVIII век // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 г. Петрозаводск, 1906.

Шанский, 1972 — *Шанский Н. М.* Слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М., 1972.

Шарифуллин, 1979 — *Шарифуллин Б. Я.* К постановке проблемы протоиндоевропейской префиксации: префиксальные модели и типы их значений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 3. Томск, 1979.

Шахматов А. А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия Императорской Академии Наук. 1911. № 10.

Щиплинцева, 1970 — *Щиплинцева О.* Микротопонимия села Сенная Губа (Медвежьегорский р-н Карельской АССР) // Сб. научных работ студентов. Вып. 7. Петрозаводск, 1970.

Элиаш, 1973 — *Элиаш Н. М.* Русские свадебные песни: Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1973.

Эльсберг, 1957 — *Эльсберг Я.* Вопросы теории сатиры. М., 1957.

Янин, 1979 — *Янин В. Л.* Берестяная почта столетий. М., 1979.

Янин, Зализняк, 1986 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты: Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам. М., 1986.

Kalima, 1910 — *Kalima J.* Die Russischen Lehnwörter im Surjanischen. Helsingfors, 1910.

Kalima, 1919 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

Udolph, 1981 — *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1981. Bd.

Словари, картотеки

БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 49. М., 1957.

Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.

ДРС — *Крымова Н. И., Эмзина А. Я., Новакович А. С.* Датско-русский словарь. 3-е изд. М., 1975.

ЖРКП — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

КДРС — Картотека древнерусского словаря (хранится в Институте русского языка РАН, Москва).

КЛРС — *Серейский Б.* Краткий литовско-русский словать / Под ред. В. Косухина и К. Ульвидаса. Каунас, 1948.

КНОС — Картотека Новгородского областного словаря (хранится в Новгородском гос. ун-те им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород).

КПОС — Картотека Псковского областного словаря (хранится в С.-Петербургском гос. ун-те, Санкт-Петербург и в Псковском гос. пед. ин-те, Псков).

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии (хранится в С.-Петербургском гос. ун-те, С.-Петербург, в Карельском гос. пед. ун-те, Петрозаводск, в Петрозаводском гос. ун-те, Петрозаводск).

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований, С.-Петербург).

КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

КЭСРЯ — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителей. 2-е изд. М., 1971.

ЛРС — *Либерис А.* Литовско-русский словарь / Под ред. Х. Лемхенаса. Вильнюс, 1962.

Мамонтова, Муллонен, 1991 — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

НРС, 1959 — Норвежско-русский словарь / Сост. Р. Яньков. Осло, 1959.

НРС, 1963 — Норвежско-русский словарь / Сост. В. Д. Аракин. М., 1963.

Ожегов, 1981 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 13-е изд. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.,1981.

«Опыт», 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Петровский, 1966 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966.

Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–8. Л., 1967–1990; Вып. 9–12. СПб., 1994–1996.

Потахина, 1985 — *Потахина К. Д.* Словарь слов Семеновского и Теребовского сельсоветов Пудожского р-на, забытых со 2-й половины XX в. Петрозаводск, 1985. (Рукопись — хранится на кафедре русского языка Карельского гос. пед. ун-та).

ПРС — *Стыпула Р., Ковалева Г. В.* Польско-русский словарь. М.; Варшава, 1989.

СБСЯ — *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–7. Вологда, 1983–1997.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СКЯМ — Словарь карельского языка: (Ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП — Словарь карельского языка: (Тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

СГП — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–18. М., 1975–1992.

СОГ — Словарь орловских говоров. Вып. 1–5. Орел, 1989–1992.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб., 1994–1999.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–32. М.; Л./СПб., 1965–1998.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

СХРС — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. 4-е изд. М., 1976.

СЯП — Словарь языка А. С. Пушкина. Т. I–IV. М., 1956–1961.

Ушаков — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1935–1940.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ФРС — Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков. М., 1977.

ШРС — Шведско-русский словарь / Сост. Д. Э. Миланова. 2-е изд. М., 1959.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–27. М., 1974-2000.

ЭСЮФЯ — Энциклопедический словарь юного филолога. Языкознание. М., 1984.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–8. Ярославль, 1981–1989.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955.

Источники

Акты СВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.

Атлас — Атлас Ленинградской области и Карельской АССР. Л., 1934.

Гейман — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

ИК, 1972 — История Карелии в документах и материалах: Хрестоматия: Учебное пособие для средних школ Карельской АССР. Ч. I. Дореволюционный период / Под ред. Я. А. Балагурова и Н. Ф. Славина. Петрозаводск, 1972.

ИК, 1987 — История Карелии XVI–XVII вв. в документах: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta / Подгот. к

печ. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; Под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Т. I. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.

ИК, 1991 — История Карелии XVI–XVII вв. в документах: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Т. II / Ред. К. Катаяла, С. Хирвонен. Йоэнсуу, 1991.

ИК, 1993 — История Карелии XVI–XVII вв. в документах: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Т. III / Ред. И. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.

Мюллер — Карелия в XVII веке: Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.

НЛ, 1888 — Новгородская лѣтопись по Синодальному и Харатейному списку. СПб., 1888.

Олон. сб. — Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. Петрозаводск, 1875–76.

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

СГКЭ — «Сотная» «с книг описи» Двинян Якима Романова и Никиты Пятунина на волость Кереть // Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.

СНМ, 1905 — Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. / Сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907.

СНМ, 1926 — Список населенных мест КАССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.

СНМ, 1933 — Список населенных мест (по материалам переписи 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

СНП, 1948 — Список населенных пунктов КАССР, 1948 (машинопись — хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск).

СП — *Докучаев-Басков К. А.* «Строкина пустыня» и ее чернецы: (Опыт исследования жизни монашествующих) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. Т. 3–4. № 3–8. С. 1–80; 1915. Т. 5. № 2–3. С. 81–96.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ИЗ МЕТОДИКИ РАБОТЫ ПО ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЮ

Лингвистическое краеведение довольно разнообразно по содержанию и формам, используемым в практической работе в школе [Барашков, Суворова, 1987]. Мы делаем попытку описания работы кружка лингвистического краеведения в некоторых школах г. Петрозаводска и Карелии. Одна из задач кружка — развитие у учащихся лингвистической наблюдательности и интереса к фактам народной речи. Эти качества позволяют школьникам более глубоко и осознанно понимать, что такое богатство и величие русского языка, насколько многообразна речь в способах выражения тончайших оттенков смыслов. В задачи кружка входит также показать учащимся связь истории языка с историей народа, с историей края. Причем имеется в виду история не в узком смысле слова, а в самом широком, включая историю культуры, социальную и экономическую историю. В целом кружок способствует решению воспитательной задачи — через внимание к слову, к языку пробудить у учащихся чувство родины, научить ценить, бережно относиться к народной речи. «У России, как у большого дуба, большая корневая система. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах», — пишет Д. С. Лихачев [Лихачев, 1983: 49]. Заставить задуматься о наших истоках, о национальном русском в русском языке — важный шаг на пути формирования школьника как личности.

На занятиях лингвокраеведческого кружка, помимо вводных вопросов, можно рассматривать среди прочих такие темы:

- Откуда дует ветер?
- Где мы живем? (О топонимии Карелии).
- Что такое деревня.
- Слова мирные, добрые.

- Как развлекались наши бабушки и дедушки (о народных играх и танцах).
- Как одевались наши бабушки и дедушки.
- Ты и твое имя.
- Собиратели слов (о Г. И. Куликовском и В. И. Дале) и др.

Тематика кружка, как видим, довольно разнообразна. Здесь нашли отражение и социально-экономическая история, и этнография, и нравственно-эстетические представления народа, и собственно история; речь идет и о людях науки. Она охватывает и ономастику (топонимию и антропонимию), что само по себе может служить основой для самостоятельного кружка; Тематика может быть расширена за счет многих других интересных лексических групп, представленных в системе диалекта, например:

- Щи и каша — пища наша.
- Ловись, рыбка, ловись, беломорочка.
- Русь деревянная и т. п.

Каждое занятие основывается на значительном материале, включающем диалектные слова и обороты русских говоров Карелии. Однако это не означает, что мы не используем общеизвестных русских слов по той или иной лексической теме. Наоборот, только тогда анализ своеобразного, местного воспринимается с интересом, когда он производится на фоне известного, обычного. В таком случае и привычное представляется ярче, как новое, более выпуклым становится его смысл. Например, рассказывая о словах, выражающих нравственно-эстетические представления народа, и подчеркивая, что основу эстетической ценности составляет важность предметов, явлений, действий для жизни людей, нельзя обойтись без анализа таких слов, как *мир, чин, порядок, очередь*. На их фоне (а здесь, безусловно, надо представить в доступной для аудитории форме происхождение слов, их изначальную семантику) будут понятны и такие слова, как *баской* 'красивый', *дивья́* 'хорошо, легко', *ладить, обря́дня* 'работа на дому, по хозяйству', *поря́дня* 'чистота, порядок в доме', *поря́дливый* 'опрятный', *рахма́нный* 'добрый, ласковый', *чини́ться* 'прекращать ссору, мириться', *черёдный* 'годный', *череды́ свести* 'исполнить что-л.' и т. п. Проводится анализ ряда примеров, показывающий развитие значений слов от конкретного к абстракт-

ному, например, в слове *ряд*: 'линия, ряд' → 'порядок' → 'аккуратность' → 'чистота'; слово *опрятный* связано с земледельческим термином *прятать* 'убирать пни'; *гряда* имеет в говорах и славянских языках целую систему значений — 'шест, жердь, балка; садовая грядка, возвышение, отмель, пол', в том числе 'две перекладины в избе у печи, на которых сушили дрова' (пск. и ладож.); *загнётка* 'место в предпечье, куда сгребают жар', широко известное по говорам, связанное с *гнетить* 'зажигать'; *исполá ть* 'спасибо' (устаревшее), восходящее к греч. 'многая лета'; *саламáта* 'жидкий кисель, мучная кашица', возникшее, возможно, из *соломата* ← солод; имя героя сказки *Лутонюшка*, видимо, соотносится с пензенским *лутонюшка* 'длинный, тощий парень, подросток'.

Дети не сразу поймут выражение *вывалить лес*, часто встречающееся в сказках, напр., в сказке «Про Ивана-пастушка», записанной в с. Гарницы Сенногубского сельского совета от Петра Ивановича Рябинина-Андреева: «*Пускай он срубит лес за одну ночь, весь вывалит, вспашет, посеет пшеницу…*» [Сказки, 1986: 35]. Без объяснения системы подсечно-огневого земледелия, длительное время существовавшего на Севере, здесь не обойтись. Для сравнения уместно обратиться к тексту перевода «Калевалы»:

Вот поет синица с ветки:
«Не взойдет ячмень у Осмо,
Калевы овес не встанет,
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен» [Калевала, 1978: 28].

Обращение к земледельческой лексике местных говоров, куда входит олонецкое, новгородское *валить* 'расчищать и жечь лес под пашню', дает возможность не только понять содержание сказки, но и мысленно обратиться к истории земледелия на Севере, к географии слова, отражающей процессы миграции и заселения края. Эта тема имеет логическое продолжение в разъяснении понятия «деревня», возникшего первоначально как 'разработанный под пашню участок леса'; в объяснении ряда

наименований населенных пунктов на карте Карелии, наименований, хранящих земледельческую историю.

Выход на историю может быть усилен за счет обращения к памятникам письменности, доступным для школьников. Для этого можно необходимо использовать материалы Хрестоматии по истории Карелии для средних школ республики. Приведем начало отрывка из писцовой книги Обонежской пятины 1563 г., данного под № 29: «*На Олонце ж в Ыльинском приходе Настасьинские деревни на Дедове горе. Деревня на Дедове горе на речке на Куксеньге… обжа…*» [ИК, 1972: 28]. Чтение отрывков сопровождается комментарием ряда слов. *Обжа*, обозначающее 'земельный участок, который может обработать один человек на одной лошади', помогает приоткрыть завесу над загадочным названием населенного пункта *Обжа* на юге Олонецкого района Карелии. Именование-ориентир «*на Дедове горе*» говорит о том, что в XVI в. не существовало таких населенных пунктов, как сейчас, а слово *деревня*, при котором употребляется данное выражение, обозначало разработанный под пашню участок с поселением на нем 1–3 человек. Перед нами не собственно название населенного пункта, а лишь указание ориентира, где расположено поселение, – «*на Дедове горе*».

Учащимся старших классов можно предложить анализ отрывков из книги «Писцовые книги Обонежской пятины» такого типа:

> *Да в Водлозерском же погосте на Настасьинской земле на <u>Мышьих Черевех волочек</u> Кемской, а через тот <u>волочек</u> торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в <u>Заволоцкую землю</u>, а из <u>Заволоцкие земли</u> в Ноугороцкие земли водяным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости из <u>Мышьих Черевех</u> через тот <u>волочек</u> товар <u>волочат</u>, а найму емьлют з беремяни по денги. И на тот <u>волок</u> писец Юрьи Костянтинович положил оброку 4 гривны, и тот <u>волочек</u> ныне пуст, а гости тою дорогою ныне не ездят, – ездят новою дорогою* [ПКОП: 177].

Текст требует не только лексического, но и грамматического комментария.

Подготовительная работа учащихся к занятиям по топонимии предполагает их обязательное участие в собирательской работе по микротопонимии той территории, где они живут. Учитель должен определить круг вопросов, на которые необходимо найти ответ у представителей старшего поколения, знакомых, родственников.

С большим интересом дети узнают об истории фамилий, имен, отчеств. Занятию по антропонимии предшествует некоторая подготовка участников кружка к восприятию истории формирования личных имен. Здесь рекомендуется чтение отдельных глав книги Л. В. Успенского «Ты и твое имя». В дополнение к известным сведениям по антропонимии следует привлечь местные материалы. Писцовые книги Обонежской пятины содержат данные по дохристианским именованиям людей, например, в 1563 г. по Пудожскому краю отмечены *Зайко* Васильев, *Слота* Трофимов, Сенка Иванов *Татарин*, Огафонко Ларивонов *Булат*, Кисель Игнатьев, *Поздяк* Федоров, Федько Васильев *Тяжолого*, *Ишута* Игнатьев и брат его *Сокол*, бобыль *Бурец*, *Немта* Федотов, Орефа Тимофеев *Шипа* и т. п. В грамотах XVI в. по территории Карелии находим: Гридя *Широкий*, Олферей Ондреев сын *Луста*, *Ерш* Сергеев, Федоров Иванов сын *Пятой* Лизунов, Иванко *Огур* Максимов, *Рахманин* Болдырев, *Кайдал* Савельев сын Гладунов, *Бабака* Павлов, *Китай* Бухвостов и др. Ср. в говорах: *бабака* 'бабушка' (Самар., Оренб.), *бурéц* 'большой камень в реке, около которого бурлит вода' (Олон.), *немтá* 'немой человек' (Урал, Сиб.), *лýста* 'ломоть хлеба' (Курск., Орл., Калужск., Пск., Смол., Твер., Брян., Урал), *кайдáл* 'стадо, гурт', 'толпа, шумное сборище людей' (Дон.), *огýр* 'непослушный, упрямый человек' (Владим.), *слотá* 'слякоть' (Вост., Южн.). Сравнение с данными русских говоров дает возможность установить происхождение той или иной фамилии, а также географию древних поселенцев края.

Занятия по антропонимии проходят особенно оживленно, когда учащиеся узнают происхождение фамилий, имен знакомых, родственников, своих фамилий. Здесь уместно обратить внимание на «загадочные» антропонимы, особенно связанные с местной лексикой. Допустимо брать не только ясные по семантической мотивированности и словообразовательной структуре име-

нования (типа *Босиков*, ср. *босики́* 'берестяные лапти для дома, надеваемые на босые ноги' в вятских говорах), но и такие, где затемнена первоначальная семантика. К последним отнесем, напр., *Шелгунов, Калганов, Каверин, Каверзнев, Шеворногов*, где этимологический анализ приводит к выделению древнейших, ныне мертвых приставок *ка-* и *ше-*. Сведения такого рода, несомненно, повышают интерес учащихся к лексическому составу русского языка, к его истории, к истории народа через историю языка.

На занятиях по антропонимии есть возможность показать богатые словообразовательные возможности русского языка. С этой целью рекомендуется использовать «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского [Петровский, 1966], содержащий указатель уменьшительных форм личных имен. Напр., имя *Любовь* имеет 34 такие формы, *Наталия* — 64, *Ольга* — 81, *Петр* — 117, *Сергей* — 53, *Михаил* — 57, *Елена* — 58.

При изучении антропонимии нельзя обойти вопрос о прозвищах. Учитель строит работу на полученном от школьников материале, с использованием методики, предложенной Т. Г. Макаровой [Макарова, 1982]. Думается, что, анализируя прозвища, нужно коснуться истории их возникновения, в связи с чем привлечение местных материалов, поданных на общерусском антропонимическом фоне, обязательно. Среди структурных типов прозвищ XV–XVII вв. выделяются словосочетания: кн. Иван Борисович *Тугой Лук Суздальский*, XV в.; *Тихое Лето* Клим, крестьянин, н. XVI в., Новгород; *Скорая Запись*, гость, XVII в., Москва; кн. Иван Романович *Неблагословенный Свистун* Ярославский, к. XV в.; *Дорогие Щи*, крестьянин, 1484 г., Московский уезд; *Медвежья Голова*, крестьянин, 1496 г., Олонец [Веселовский, 1974: 424, 98, 99, 196]. Ср. с данными местных памятников письменности: Родивонко да Фомка Васильевы *Толстые Нагавицы*, 1563 г.; Третьяк, сапожный швец, *Усталые Глаза*, 1593 г.; Стефан Мартемьянов сын Судоков, а по прозвищу *Орел Малой*, 1587 г.

Лучшему восприятию материала помогает привлечение таких живых жанров, как пословицы, поговорки, загадки. В тему «*Что такое деревня*», например, может быть включена такая загадка:

Косо-лукаво в лес побежало.
Зéлено-кудрявo выспрашивает:
– Косо-лукаво, куда ты бежишь?
– Зéлено-кудряво, тебя берегу!
(Косая изгородь и озимь).

Особую активность проявляют ребята при изучении игровой лексики. Именно здесь они вносят много своего, одновременно включая в собственный багаж считалок хотя бы некоторые из тех, что были известны их дедушкам, бабушкам и прабабушкам, вроде такой:

Шарага – барага,
По кусту – по мосту... (см. с. 210).

Опыт показал, что при изучении этой темы школьники проявляют себя как настоящие собиратели фольклора.

Игровая лексика, уходящая своими корнями в глубокую древность, с одной стороны, и отражающая понятия нового времени – с другой, может быть использована для наблюдения изменений в языке (ср. *Красная Шапочка, эники-беники* [Орел, 1978: 159–160], *мурзилка, московские прятки* и др.).

Проведение занятий кружка лингвистического краеведения предполагает обязательную подготовку ребят к восприятию новой темы, т. е. выполнение домашнего задания. После объявления новой темы им предлагается выяснить ряд вопросов или в беседах с людьми старшего возраста, представителями пожилого поколения преимущественно, или в рекомендуемых книгах. Например, по теме «*Как одевались наши бабушки и дедушки*» даются следующие вопросы: Какую одежду и обувь носили раньше люди? Как она называлась? Обратите внимание на разное назначение одежды – будничная, праздничная; зимняя, летняя; для работы по дому, для леса, для рыбной ловли и т. п. Как называется одежда из меха, из холста? Каковы названия обуви из кожи, из меха, из валяной шерсти? Каково происхождение слов *шуба, кафтан, сарафан, рубаха, рукавицы*? Необходимо обратиться к словарю В. И. Даля, к доступным этимологическим словарям. Попутно дадим этимологическую справку, ориентируясь на «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской: *шуба* – общеславянское заимство-

вание из средневерхненемецкого языка, где оно было усвоено через посредство итальянского из арабского; *кафтан* — заимствование из тюркского языка; *сарафан* — древнерусское заимствование через посредство тюркского из персидского; *рубаха* — собственно русское слово, образованное с помощью суффикса *ах* (*а*) от *руб* 'плохая одежда', а *руб* — безаффиксное образование от *рубить* [КЭСРЯ, 1971: 515, 191, 401, 394].

По теме «*Как рождается хлеб*» можно предложить такие вопросы: Какие вы знаете пословицы и поговорки о хлебе? Как вы понимаете пословицу «*Хлеб на стол – и стол престол, а хлеба ни куска – и стол доска*»? Что значит «*Хлеб да соль*!»? Какие изделия из муки вы знаете? Как объясняется происхождение названий: *хлеб, пирог, калач, буханка, калитка, блин, житник*? Рекомендуется прочитать главу «Хлеб сеют» из книги С. Максимова «Куль хлеба и его похождения» [Максимов, 1985: 69–83] или выборочно из книги Н. Колпаковой «А мы просо сеяли» [Колпакова, 1984]. Для справки: *хлеб* — общеславянское слово, имеющее родственные образования в германских языках; *пирог* — восточно- и западнославянское слово, образованное от *пир*, первоначально обозначало 'праздничный хлеб'; *калач* — общеславянское от *коло* 'колесо', отражающее аканье на письме; *буханка* — собственно русское образование диалектного характера, связанное с польским; *блин* — общеславянское слово, из *млин*, которое образовалось от *молоть* [КЭСРЯ, 1971: 339, 184, 64, 49].

Подобные серии вопросов по каждой теме помогают быстрее включать ребят в беседу, вводить их в сложный мир истории слов, их взаимосвязей. Опора на знания, добытые самими школьниками, дает возможность сконцентрировать внимание на содержательной стороне материала, глубинных связях в языке и довольно свободно и легко использовать местные наименования. Ребята должны вести специальные записи по каждой теме. Иначе говоря, в организации работы кружка существенную роль играет применение поискового метода, самостоятельная деятельность учащихся по предварительной подготовке той или иной темы, что «способствует углублению анализа содержательной стороны материала, помогает выявить его развивающие функции» [Громцева, 1985].

Лингвокраеведческая работа в школе должна способствовать более глубокому знакомству школьников со специальной литературой по языку. Например, необходимо обращение к ряду словарей, к «Энциклопедическому словарю юного филолога» — на первых порах, в младшем звене кружка, к статье «Диалектное слово и реалия» (для 4–5 кл.), а в следующем возрастном звене к другим статьям — «Диалекты и история языка», «Диалекты как свидетели истории народа» и др. [ЭСЮФЯ, 1984]. Большую помощь оказывают доступные для среднего звена книги, вышедшие в серии «Школьная библиотека» [Успенский, 1967; Янин, 1979; Барашков, 1962], а также популярные научные издания [Керт, Мамонтова, 1976], книги для внеклассного чтения и т. п.

На некоторых занятиях кружка целесообразно прослушивание магнитофонных записей, сделанных студентами педуниверситета в диалектологических и фольклорных экспедициях, с комментарием их. Не лишним, на наш взгляд, будет и звучание стихов о народном слове, например, Я. Вохменцева «Родное слово».

В целом работа кружка способствует осмыслению языка как неотъемлемого элемента нации, в котором проявляются неповторимые черты и свойства народа, этнокультурные особенности, помогает воспитанию человека, гражданина, патриота Родины.

Задания по анализу лексики памятников письменности

Предлагаем примерную систему заданий по анализу лексических особенностей, отраженных в памятниках письменности, имеющих отношение к Карелии. Отрывки текстов деловых документов извлечены из опубликованных материалов [Гейман, 1941; Мюллер, 1948; НЛ, 1888].

Учителю русского языка рекомендуем обратить внимание не только на лексический состав предлагаемого текста, но и на фонетические, морфологические и синтаксические особенности. Поэтому примерные вопросы, которыми сопровождаются тексты, выходят за рамки историко-лексикологического содержания. Учитель русского языка, географии, истории может в тексте увидеть интересные факты, которые не нашли отражения в вопросах. В целом задания носят лишь рекомендательный характер, предлагаемые для анализа тексты дают возможность осуществлять творческий подход учителя при изучении языка, истории, географии с опорой на региональный компонент.

Приводятся отрывки из текста с указанием названия документа, источника, перечень вопросов, некоторые справочные материалы (в основном из СлРЯ XI–XVII вв.).

I. Летописные известия о карелах

1143 г. — В то же лето ходиша корела на емь и отбежаша 2 лоиву бити [Гейман: 63].

1149 г. — Тоя же зимы Изяслав поиде на дядю своего Юрья за обиду новгородскую, а с ним брат его Ростислав со смоляны и с новгородци и пьсковичи и с корелы [Гейман: 64].

1227 г. — Того же лета князь Ярослав Всеволодичь, постав, крести множство корел, мало не все люди [Гейман: 65].

1228 г. — Придоша Емь воевать в Ладозьское озѣро в лодкахъ и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгород. <...> Володиславъ; посадникъ Ладозьскый, с ладожаны, не ждя новгородьць, гонися в лодияхъ по нимъ въ слѣдъ, кде они воюютъ, и постиже я, и бися с ними; и бысть нощь, и отступиша в островълець, а Емь на брѣзѣ съ полоньмъ, воевали бо бяху около озера на Исадѣх и Олоньсь. Тои же нощи просивъше мира, и не да имъ посадникъ с Ладожа-

ны; а они, исѣкше полонъ вcovь, а сами побѣгоша на лѣсъ, лодкы пометавъше, пѣши; много ихъ ту паде, а лодкы ихъ ижгоша. Новгородьци же стоявъше в Неве неколико днии, створиша вѣче и хотѣша убити Судимира; и съкры и князь въ насаде у себе; оттоле въспятишася въ Новгородъ, ни Ладожан ждавъше; послѣдь же оставъшеся Ижеряне, усрѣтоша ихъ бѣгающе и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбежеся, куды кто видя, нъ тѣх Корѣла, кде обидуче, в лѣсе ли или на нивѣ или в вежах, выводяче, избиша, бе бо ихъ пришло творяху 2000 или боле, бог вѣсть. Мало же ихъ въ свою землю убѣжаша, а то все мертво [НЛ: 224].

1269 г. — Князь же хоте ити на корелу. И умолиша и новгородци не ити на корелу. Князь же отосла полкы назад [Гейман: 70].

1284 г. — Воевода немецской Трунда с немци в лоивах и в шнеках внидоша Невою в Ладоское озеро ратью, хотяше на кореле дань взяти. Новгородци же с посадником Сменом и с ладожаны и ехавше и сташа на усть Невы и дождавше избиша их, а прочее их убежаша месяца сентября 9 [Гейман: 72].

1338 г. — Воеваша немце с корелою много по Обонижью, после же и Ладогу пожгоша, пригонивше, посад, нъ города не взяша. Потом же ходиша молодци новгородстеи с воеводами и воеваша городецьскую корелу немечкую и много попустошиша земли их, и обилье пожгоша, и скот иссекоша, и придоша вси здрави с полоном [Гейман: 82].

1419 г. — Того же лета пришед мурмане воиною в 500 человек в бусах и в шнеках, и повоеваша а Арзуги погост Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельском монастырь святаго Николы, Конечный погост, Яковлю курью, Ондреанов берег, Киг остров, Михаилов монастырь, Чиглоним, Хечинима, 3 церкви сожгли, а християн и черноризець посекле, а заволочане две шнеки мурман избиша, а инии избегоша на море [Гейман: 90–91].

Задание

1. Какие исторические события XII — н. XV в. отражены в отрывках из летописей?

2. Какие названия прибалтийско-финских народностей отмечены в летописях?

3. Какие населенные пункты упоминаются в приведенных отрывках?

4. Что обозначают слова *лоива, шнека, буса*?

5. Укажите глагольную лексику, обозначающую действия воюющих сторон? Чем она отличается от современных однокорневых слов? Проведите сопоставительный морфемный анализ.

6. Отметьте случаи необычного для вас написания известных слов. Чем можно объяснить эти написания?

7. Приведите примеры морфологических особенностей, характерных для текстов XII–XV вв.

Для справки

насад — речное судно;

Исады — нас. п. на нижнем течении Волхова;

ижеряне — финское племя, близкое карелам и населявшее Ингерманландию (местность, ограниченную с севера Невой и Финским заливом) [Гейман: 68];

посад — торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости;

обилье — хлеб на корню или немолоченный хлеб в снопах;

городецкая корела немецкая — выборгская корела [Гейман: 82];

мурмане — норвежцы [Гейман: 91].

II. 1415–1447 гг. — Запись карела Никиты Ивановича новгородскому тысяцкому Дмитрию Васильевичу о возмещении убытков от нападения карел на его ловцов на реке Выгу

Се доби челомь Микита Ивановичь тысячкому новгорочкому Дмитрею Васильевичю и срядися рядом с Дмитреем Васильевицом Микита Иванове: что послал тысячкой Дмитреи Васильевичь своих ловцов на корелской год, на свою куплю на Выг, и корела тысячкого Дмитрееве люде исгониле, и сети выкинуле корела, хто в Выгу участки; и да Микита Иванове тысячкому Дмитрею Васильевичю за себя, за свою вину, рубль, а иных участников свою братью корелю вывечае, а уведается тысячкои Дмитреи Васильевичь сь ими по своеи исправе. А по том Миките Иванову не вступатся в тысячкого Дмитрея Васильевича куплю

по купным грамотам тысячкого Дмитрея Васильевича. А на то рядци с обе половине: Есиф Васильевичь, Яким Яколичь, Лука Ондроников. А хто сии ряд поруши(т), дасть князю и владыце гривну золота [Гейман: 100].

Задание

1. Как вы понимаете слова *ряд, рядец*, сочетания *срядить ряд, порушить ряд*?

2. Что значит *дать за свою вину, уведаться по своей исправе*?

3. Определите значение слова *купля*, сочетания *купная грамота*.

4. Каковы были условия пользования рыболовными участками на реке Выг местными жителями и новгородскими феодалами?

5. Обратите внимание на именование лиц в документе. Каковы их варианты?

6. В чем проявляется смешение звуков *ч* и *ц*? Отметьте другие фонетические, а также морфологические особенности.

Для справки

вывечать – оправдывать;

исправа – судебное разбирательство; решение, принятое в результате разбирательства.

III. 1447–1454 гг. – Купчая на земли по рекам Выгу, Шуе... купленные новгородским посадником Дмитрием Васильевичем у Ховры Тойвутовой

Се купи посадник новгорочкии Дмитрии Васильевичь у Ховре у Васильеве дочере у Кокуеве, а у Давыдове жене у Тойвутове, отцину еи и дедену на море на Выгу, и в Шуе реке, и в Кеме реке, и в Килбоострове, и по морьскому берегу, и Поньгама река по обе стороне и по лешим озерам еи отцина, [и] в Лешеи Лопе еи участок, и в Кутоозере еи отцина, и Кемь река с верховьем, куды володел отец еи Васель Кокуи, и в Соловках на море во островех отцина еи и в Кузовех в островах; куды володел Ва [се] ль Кокуи, туды володеть посаднику новгородчкому Дмитрию Васильевичю ж землею страдомою и водою и полешим лесом и Лопью, и его детем. И да посадник новгородчкий Дмитрии Васильевичь на тои земли и на воде и всом том на еи отцине Ховре Васильеве дочере пол четверта рубля. Собе ввекы и своим детем. А у печати

стоял и серебро взял в Ховрино место муж еи Давыд Тойвет. А Ховра продала посаднику Дмитрию Васильевичю отцину свою Рокольского роду. А на то послухе: Юрьи Костянтинов, Олександр Сидоров, Иван Ондреев, Нефедьи Микулин [Гейман: 101].

Задание

1. Как вы понимаете значение слов *отчина* и *дедина*?
2. Какие владенья входили в отчину Ховры Рокольского рода?
3. Кто был свидетелем купли-продажи?
4. Что значит *страдомая земля* и *полеший лес*?
5. Какова структура женского имени в отличие от мужских имен?
6. Приведите примеры смешения звуков *ч* и *ц*.
7. Обратите внимание на вариантность форм отдельных слов. Как ее можно объяснить?

Для справки

в Ховрино место — вместо Ховры;
пол четверта — три с половиной.

IV. 1548 г. — Уставная грамота игумена Соловецкого монастыря Филиппа крестьянам Виремской, Сумской, Шиженской и Сухонаволоцкой волостей

Божиею милостию господа нашего Иисуса Христа и боголепного его преображения пречистые его матере честнаго и славного ея успения и святого чюдотворца Николы и святых преподобных и великих чюдотворцов Зосимы и Саватия. Се яз игумен Филипп Колычев Соловецкого монастыря, посоветовав священники и с келарем и с казначеем и старцы соборными и со всею еже о христе братиею, благословил и пожаловал есмя крестьян своих виремские волостки, и Шиженские, и сухонаволочан, и сумлян, и Слободку монастырьских крестьян, дали есмя им свою грамоту уставную, как у них быти по нашему благословению старцу приказщику да старцу келарю да слузе нашему доводчику и свои поминки з году на год имати. Тако ж благословил и пожаловал есмя крестьян своих Виремские волостки: давати им приказщику з житейских дворов с тяглых з 20-ти луков да с 3-х, за кем сколько угодья, по розщету с лука приказщику по 4 денги московскую, да келарю виремскому по дензе по московской же, а доводчику по две денги по московской же, то им поминка з году

на год и с Великим днем, а с бобылей, кои живут о себе дворами, с тех имати приказщику по две денги по московскую, а келарю виремскому по полудензе, а доводчику по дензе по московской, а келарю имати по полудензе с виремских казаков со всех, то ему на год поминка и с Великим днем. ...Тако ж благословил и пожаловал есмя старца приказщика: которой хрестьянин выдаст замуж дочь или сестру или племянницу ис Сумы, и из Вирмы, и из Сухово наволока, и из Шижни, и из Слободки в ыные волости, и приказщику на том взяти, хто выдаст, за куницу два алтына; а промеж собя в наших волостках понимаютца, и приказщику взяти на князе и на княгине алтын; а приведут хто из-за волости в наши волости или в Слободку, и приказщику взять со князя и со княгини 4 денги московская; а приидет каков казак незнаемой, или преж сего живал, а похочет в Вирме и в ыных наших волостках и в Слободке жити и промышляти, и у кого станет жити, и тому человеку с ним идти к приказщику и к доводчику да его явити, а явки приказщику дати 2 московки, а доводчику московка; ...старец наш приказщик или доводчик коего хрестьянина или казака изобидит чем ни буди, или не по сей нашей грамоте что на них возмут, и им от нас быти в ползе и в смиреньи; и кого чем изобидят, и нам на них велети доправити вдвое [Гейман: 159–160].

Задание

1. Какие монастырские служители делали установленные игуменом поборы?
2. Кому вменялось в обязанность платить деньги монастырю?
3. Кто такие князья и княгини, жившие в Вирме и соседних селах и подчиненные приказчику?
4. За какую куницу приказчик брал 2 алтына?
5. Каково было социальное положение казака?
6. Как вы понимаете выражение *промеж собя понимаются*?
7. Что за *дворцы* были у бобылей?
8. Отметьте особенности синтаксиса в данном отрывке.

Для справки

доводчик – должностное лицо, ведавшее сбором всевозможных налогов;

келарь — монастырский эконом; инок, ведающий монастырскими поместьями;

житейский двор — хозяйство, обрабатывающее запустевшую землю и платящее налоги за нее;

дворец (бобыльский) — хозяйство, не владеющее землей и не платящее налогов, податей;

поминок — вид подати;

понимати — брать в жены.

V. 1572 г. — Челобитная крестьянина Егорьевского погоста с Кузаранды Селивестра Антонова сына о разрешении на вторичный брак

Великому и честнейшему господину преосвященному Леониду, архиепископу Великого Новагорода и Пскова, бьет челом из Обонежские пятины из Заонежья из Егорьевского погоста с Кузаранды Селивестр Онтонов сын. Был есми, государь, женат год, да жена, государь, моя от меня сошла безвестно тому 13 лет; а мы, государь, люди страдные, без семьи жити не мочно. Государь святый архиепископ Леонид, покажи милость, благослови мне женитца. А без твоего святого слова никоторой священник не венчает.

А назаде челобитной пишет: Лета 7081-го декабря в 6 день господин преосвященный Леонид, архиепископ Великого Новагорода и Пскова, по сей челобитной Селивестру ослободил женитца, иж будет так, как в сей челобитной писано. А припись и письмо назаде все архиепископля дияка Меньшего Нефнева. И челобитная Селивестру отдана [Гейман: 223].

Задание

1. Как вы понимаете сочетание *люди страдные*?

2. Обратите внимание на разные формы прошедшего времени глагола в этом и других текстах. Чем они обусловлены?

3. Каковы особенности употребления предлога *из* в данном памятнике?

Для справки

ослободить — позволить, разрешить;

пятина — административно-территориальная единица Новгородской области, делившейся на пять основных частей. Карелы обитали в пределах смежных Обонежской и Водской пятин,

начинавшихся, как и все пятины, у самого Новгорода и распространявшихся далеко на север [Гейман: 394].

VI. 1581 г. — Духовная Елены Пиногоревой на движимое и недвижимое имущество, завещанное Соловецкому монастырю, притчу Кемской церкви и другим лицам

Во имя отца и сына и святого духа. Се яз раба божия Елена Юрьева дочь, а Никифоровская семья Пиногорева, пишу сию духовную память своим целым умом и разумом, кому мне что отдати, или на ком что взяти. Отдати мне руги священнику Харитону 9 денег, дьяку Богдану полосьмы деньги. А пошлет бог по душу смерть, и яз приказываю после своего живота на Соловки в монастырь по Никифоре и по мне Елене мерин саврас, да поллука угодья, да коробью з замком, а в коробьи что ни будет, то все в монастырь, да избу без места. Да на Двине на Иване Косицыне рубль взяти, да на Парфенье за рожь взяти рубль на лето на Петров день, взяти в монастырь, да 2 бочки ржы, да пречистой в дом да Николе чюдотворцу на причет церковной, что у Василья у Родионова у Спицы взято дворовое место и с полями, земля и с пожнями и с хоромишками, в вечную поминку на сорокоуст; в Кемь же попу Харитону на причет полной, да шапка бархат зелен в сороуст же вчести, да Гурью в Печенгу сорокоуст. А сени и с подсеньем и с подклетом и земля дворовая Микуле Борисову сыну, что он ставил своими денгами и за своим хлебом. А что мелково рухледишка оставалось, то Микуле продавати да нищим роздати и нас поминати. Да отцу моему душевному в духовне Харитону однорядка нова вишнев цвет; да сестре на Двину моей тулуп ношеной да шушун да 2 сорочки да сарафан белой; да Шойкую Конану рубашка да портки; да Маланье перстень да сарафан белой; да Ивану Косицыну на Двину братина; да брату старцу утиральник да ширинка. ...А нет никому, ни роду моему ни племени, дела до моих статков, опришно того, что в сей духовной написано. А у сее духовные сидел отец мой душевной священник Харитон Иванов сын да волостные люди Иван Кирилов сын Лопинов, да Парфей Иванов сын, да Михайло Иванов сын. А духовную память писал кемской диячек Богданец Никитин лета 7090-го октября...

А назади пишет духовные памяти: Отец духовной Харитон руку приложил [Гейман: 277–278].

Задание

1. Каковы начальная и конечная формулы духовной грамоты?

2. Каково было хозяйство Елены Пиногоревой? Из чего оно состояло?

3. Выделите лексику, обозначающую предметы домашнего обихода, объясните значения слов.

4. Проанализируйте морфологические и синтаксические особенности памятника.

Для справки

однорядка – верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки;

шушун – (?) сарафан, из красной кумачины, с воротом и висячими позади рукавами, «Олон.» [Даль, IV: 650];

братина – сосуд, в котором подавались напитки;

коробья – короб, плетенный или выгнутый из луба, драни; сундук или большая корзина округлой формы с крышкой;

опришно – кроме.

VII. 1593 г. – Дозорная книга на пустующую вотчину Климецкого монастыря на Някине губе в Никольском погосте в Шуньге

Лета 7101-го июля во 2-й день. По наказу государева боярина и воеводы князя Василья Ивановича Шуйского с товарищи, за приписью государева дьяка Семена Емельянова, Оштенского стану приказчик Вошняк Нечаев [далее перечисляются имена нескольких десятков людей] ...да Павел Остафьев, да Кондрат Михайлов и все государевы дворцовые крестьяне Никольского погоста Шунского дозирали Климяцкого монастыря вотчины на черном лесу на Някине губе пашни и коровья дворца, и на усть Доманской ручки мельницы. И по дозору приказщика Вишняка Нечаева да священников и старост и волостных людей та Климяцкого монастыря вотчина на черном лесу на Някине губе пуста, не пахана, а коровей дворец стоит один, и тот пуст; да на усть Доманской речки мельница пуста же. И всего впусте на Някиной губе пол выти. А в черте того Климяцкого монастыря старцам двема неводы рыба им промеж государевы крестьяны по госуда-

реве грамоте ловити, чим им в монастыри питатися. А дозорные книги писал спаской дьячок кижской Третьячко Степанов.

К сим дозорным книгам никольской поп Шунского погоста и в детей своих духовных место руку приложил [Гейман: 340–341].

Задание

1. Среди участвующих в дозоре лиц названы: *Нечай Ондронов сын Бучнев, Мокруша Данилов, Неудача Михайлов, Ушак Степанов, Огапит Васильев сын, Короткой Федоров, Рагоза Фалелеев, Негодяй Сидоров, Третьяк Ермолин, Башмак Чюлков, Судак Иванов, Ворсан Антонов, Исак Омельянов сын Шишка, Кот Лазарев, Огарок Остафьев, Первой Павлов*. Что послужило основой для некалендарного компонента именований?

2. Найдите слова, имеющие семантику, отличающуюся от современной.

3. Проведите синтаксический и морфологический анализ текста.

Для справки

дозорные книги — книги, содержащие описание населения, пахотных земель и угодий на какой-л. территории по данным добавочного обследования (дозора).

VIII. 1657 г. — Отписка Ивана Дивова в Новгородский приказ о злоупотреблениях в денежной отчетности старост Важенского погоста, с приложением выписки из распросных речей старост

Да олонецкие ж, государь, и Заонежских погостов старосты в росходных книгах пишут, что будучи для твоих государевых дел на Олонце в городе, с мирскими людми зборные денги в харчах проедают и на вине и на пиве пропивают. И я холоп твой против книг салдатов и всяких жилецких людей спрашивал: по их веленью старосты с мирскими людми, будучи в городе, в харчах денги проедают й на вине и на пиве пропивают? И в допросе мне холопу твоему салдаты и всякие жилецкие люди сказывают, что оне про то ни про что не ведают, а проедают и пропивают старосты зборные денги не со многими мирскими людми, с ябедники, для того чтоб их по вся годы в старосты выберали. ...А в росходных книгах у старост тот платеж перед отписми написан вдвое; ...писали книги воровством своим: где дано одному чело-

веку 5 алтын, а в тои статьи переправлено: дано 15 человеком 3 рубли [Мюллер: 123–124].

1684–1689 гг. — Дело о взыскании денег посадским человеком Андреем Чусовым с крестьян Кижского погоста

И для правежу тех вышеписанных денег… велено их с понятыми людми сыскать… и мирских людей Нефедку Шестакова с товарыщи человек с пять прислать на Олонец… старосту Ивашка Потапова, также и мирских людей Федку Шестакова, Ивашка Анисимова… сыскали и государьской указ при многих сторонних людех им вычитали и поруки у них просили: и оне Ивашко поруки по себе не дали и в том учинились сильни.

Ответчик слалсе на мирские челобитные, что он староста Федка человек доброй, и те челобитные в приказной избе есть. Да он же ответчик слался на челобитные Федки Приезжего, что он при животе своем бил челом, чтоб ево Федку в погосте в приходе и в расходе мирским людем счесть; и они де мирские люди к счету не пошли и крепостей ево Федкиных не лживили… без мирского ведома в городе платежев никаких не платить и подрятчиков никаких не подряживать… А в выборе, каков дали ему Федке мирские люди за руками 104 человека…

С понятыми людми сыскать… ослушников Мишку Омута да Гришку Лазарева, Митку Стафеева, а сыскать за их ослушанье с волостными провожатыми и с стрельцы на их подводах к наказанью прислать их на Олонец тотчас безсрочно… [Мюллер: 283–285].

Задание

1. Определить значение слов *воровство, жилецкий.*

2. Какие слова и сочетания слов отсутствуют в современном русском литературном языке? Каково их значение?

3. Как вы понимаете выражение *учинились сильни*?

4. Какие формы слов для вас являются необычными? Попытайтесь объяснить их происхождение.

5. Объясните написания: *в росходных книгах, салдаты, зборные, выберали, понадобитца, подрятчик.*

6. Какое значение слова *мир* отражают сочетания прилагательного *мирской* с другими словами?

7. Почему в XV в. могли писать: *денги, Федка, Митка, Федка, людми, стрелцы*?

Для справки

крепость — документ, подтверждающий право на владение кем-, чем-л.;

лживити — объявлять (документ) ложным, подложным;

товарищ — участник, сотоварищ.

IX. 1647 г. — Грамота из Новгородского приказа старостам и крестьянам Заонежских погостов об упразднении воевод в погостах

А для росправных дел меж себя выбирали в судейки людей добрых и верных погодно со всего мирского ведома и росправу во всяких делех меж волостных людей *чинили* в правде по нашему крестному целованью, другу *не дружили*, а недругу не мстили, и *тесноты* молотчим крестьяном никому ни в чем и *обиды не делали*. А будет хто учинит в каком деле хотя малую неправду или кому обиду, а после про то сыщетца, и тем быть в великом наказанье и в ссылке, а *животы* их возмут на нас. Да и того берегли накрепко, чтобы у вас в Заонежских погостех нигде никаких воровских людей не было; а будет у вас учнут объявлятца в волостях какие *воры*, и вы б их не укрывали, от воровства унимали; а толко от ково объявитца какое *воровство болшое*, и вы б о том к нам писали имянно, а отписки велели отдавать в Новгородцкой четверти диаком нашим думному Назарью Чистого да Алмазу Иванову да Никифору Демидову; а воров до нашего указу держали б естя за приставы или в тюрме [Мюллер: 59].

Задание

1. Выделить слова и словосочетания, отличающиеся своим значением от соответствующих современных.

2. Сопоставить семантику выделенных слов в XVII в. и современном русском языке, особенности сочетаемости.

3. Определить особенности делового стиля, отражающиеся в лексике, синтаксисе.

4. Выделить именования лиц (антропонимы), определить их строение.

5. Указать особенности морфологического и фонетического характера, отражение их в орфографии.

Для справки

будет — если (условный союз);

а будет... и — если... то;

четверть — область в Русском государстве XVI–XVII вв. и учреждение, заведующее ею (Новгородская четверть);

животы — все, что нажито; имущество;

учнут — начнут;

думный дьяк — лицо, ведавшее делопроизводством Боярской думы; низший думный чин в русском государстве XVI–XVII вв.

X. 1642 г. — Мирская челобитная крестьян Кижского погоста

А те подьячие тож тяглые твои крестьянци, а нас государевых крестьян росогнали своим воровством... не вели, государь, нам быть у тех подьячих в неволи, что нам от их насилства вконец погинуть... И россылщики ездят по волостям и ззывают крестьян для своих подарков, и мироеды сами руки прикладывают и выставочным попам велят силно поневоле руки прикладывать к излюбам, чтоб им и впредь крестьянство погубить. ...Собирали с нас сирот в московское челобитье болши тысящи рублев, как те подьячие били челом тобе государю на Москве о приказных людех лошно [Мюллер: 50–51].

1649 г. — Челобитная крестьян Шунгского погоста

А нас сирот ни к какому мирскому делу не припускают и з деревень зживают нас сирот, и в Паницкой трети по тому ж съедают, и кровь с нас выпили те мироеды, а сами не платят оне ничего... от тех людей окабалены и обдолжены... чтоб тебе, государь, ведомо было, сколко оне съели денег мирских [Мюллер: 93].

Задание

1. Как ведут себя *государевы люди* в отношении крестьян?

2. Что значит *руки прикладывать*?

3. Каково значение слова *деревня*?

3. Какие слова исчезли из употребления?

4. Какие слова изменили семантику?

5. Проведите анализ фонетических особенностей, отраженных в тексте.

Для справки

излюб — документ, запись о согласии на избрание кого-л. на ту или иную должность, для выполнения какого-л. поручения;

мироед — тот, кто живет чужим трудом;

выставка — церковь или монастырь, устроенные отдельно от главного прихода, монастыря;

подьячий — лицо, занимающееся составлением частных актов, челобитных, переписных бумаг: с XVI в. — на Руси низший чин приказной администрации, выполняющий под руководством дьяков основную делопроизводственную работу в центральных и местных учреждениях;

обдолжить — заставить войти в долги, много задолжать;

окабалить — связать долговыми обязательствами.

XI. 1657 г. — Челобитная солдат г. Олонца

Приезжали из-за рубежа от Корелы города многие воинские немедцие люди на Олонец и в ти задние порубежные волости... А твою государеву службу мы бедные розореныя достальные холопишка твои в городе Олонце служим беспрестанно межу иными салдаты в рят, иноземцы и учителные люди нас же сирот..., с караулу соймя, водят на поле на ученье беспрестанно по вся дни [Мюллер: 122].

1647 г. — Отписка Василия Золотарева в Новгородский приказ о мероприятиях по введению солдатской драгунской службы крестьян

...И Остречинского погосту старосты и которые добрые крестьяне сказали, что ради служит тебе государю твою государеву службу головами своими, и принесли мне холопу твоему за поповыми и за своими руками такую же челобитную. А которые худые малоумные немногие людишки на тех добрых людей и на старост закричали, что челобитную принесли, а говорили: станем де хотя втрое денги ежегод платить, а служить не хотим [Мюллер: 62].

1651 г. — Память олонецкого воеводы Василия Чеглокова подьячему Ивану Карпову о высылке на Олонецкий посад зажиточных людей из Шунгского и Кижского погостов и Кузарандской волости

...И по погостам у началных людей велити б имать салдат с теми посадцкими людми в провожатых, чтоб те посацкие люди ехали на Олонец тотчас. А будет которые посатцкие люди учнут чинитца силни и на житье в город на Олонец з женами и з детми не поедут, и ты б, взяв у началных людей салдат, сколко человек надобно, да с теми салдаты по тому ж их с салдаты выслал в город на Олонец. А Кижского погоста посатцким людем Приезжему Кирилову да Гришки Захарьеву дать срок до Николина дни, чтоб им поднятца з животами полою водою. И тебе б по нем Приезжейки и по Гришки взять поручные записи в том... [Мюллер: 112].

1666 г. — Памяти...

...Посыланы были с Олонца в Заонежские погосты для сыску и высылки беглых салдат и нетчиков началные люди, капитаны и порутчики, и новокрещены, и те началные люди и новокрещены... сыскали... салдат и нетчиков не всех [Мюллер: 146].

1671 г. — Запись олонецкого стрельца Павла Гурьева

Се аз Олонецкого города стрелец Павел Гурьев подрядился есми в государеву казну в городе Олонце перед думным дворянином и воеводою Иваном Ивановичем Баклановским... поставить... 11 четвертей с осминой ржи, овса то ж число в приимочную меру под гребло на срок февраля в 20 ден... [Мюллер: 200].

Задание

1. Что вы узнали об условиях солдатской службы в XVII в.?

2. Кто такие *немецкие люди*?

3. Выделите названия лиц, связанных с воинской службой.

4. Определите среди них историзмы. Какие из этих слов употребляются в современном русском языке?

5. Какие слова свидетельствуют о социальном расслоении населения в XVII в.?

Для справки

достальной — последний, оставшийся;

соймя — деепричастие от глагола *снять*;

приимочный — единица измерения, которой пользовались на таможнях для определения количества товара, принятого для производства торговых операций в данной местности и исчисления пошлин;

под гребло — вровень с краями меры, снимая излишек (верх) греблом;

гребло — совок, лопатка, которой снимают излишек при отмеривании сыпучих продуктов, равняя с краями меры;

мера — единица измерения (протяженности, площади или веса чего-л.);

нетчик — отсутствующий, не явившийся, не оказавшийся налицо;

новокрещен — тот, кто недавно крестился, принял христианство;

начальные люди — начальники, представители власти (в различных областях управления, в войске, в церковной ограназации и т. п.).

XII. Не раннее 1664 г. — Сказки разных лиц о причинах недобора кабацких и таможенных пошлин на Олонецком кружечном дворе и в таможне

А кружечного двора голова Анисим Назарьев сын Найков с товарыщи, будучи на Олонецком кружечном дворе у збору великого государя питейные прибыли, радели с великим раденьем неоплошно и государевой казной не корыстовались, не пили и не бражничали, и питья сами себе даром не имали и иным никому не давали, и раденье у збору питейные прибыли было... в зборе на Олонце многие ратные люди три полку началных людей с драгуны и салдаты и новгородские стрелцы и донские казаки были, и питью был росход. ...А началные люди, полковники и подполковники, и драгуны и салдаты были на службе великого государя. И от того на кружечном дворе ему головы Анисиму Найкову с товарыщи учинился недобор. А сей после медных денег серебряная денга в мере стала скудна, и питухов было мало.

То наша и скаска. Скаску писал земской дьячек Васка Ульянов [Мюллер: 179].

Задание

1. Выделите лексику, связанную со сбором пошлин.
2. Что было одной из важных статей доходов в XVII в.?

Для справки

корыстоваться — получать выгоду, пользу для себя в результате какого-л. вида деятельности, обогащаться;

имать — брать;

питух — человек, пристрастный к чрезмерному употреблению хмельных напитков;

кружечный двор — питейный дом, кабак.

XIII. 1641 г. — Мирская челобитная крестьян Корельского уезда шведской королеве Христине об освобождении их от уплаты тягла ввиду неурожая

Велеможнейшие и высокороженные княжны и государыны, государыны Хрестины, божиею милостию Свейские, Гоцькие и Аенвенские обранной королевы и наследницы, великой княжны Финской земли, арцухны Эстьланской и Корелской, и государыни Ижерской земли, вашего королевы величества Корельского уезда всех Подсеверских 14 погостов подданные крестьянишки все лутчие, середные и молотчие, вам, государыне нашей королеве, бьем челом и плачемся, чтоб ведома была вам, государыне нашей королеве, наша бедность... (далее речь идет о неурожайных годах, о том, что все позябло и засохло, о неурожае. —*Л. М.*) ...недоплатов лонских платить есть много... И от того страху наши казачки и бобыли и одинокие люди и досталь сошли на Русь, боялись того, что их всех в солдаты возмут, для того что он ходил силне, многих крестьян вязал (о действиях фельдфебеля Ортемия Михайлова. —*Л. М.*), а имал рядом всякого без сыску. А тех иманных людей из Выбора всех отпустили, что сыскались прямые люди, толки будет ли их осталось человека 2 или 3. И которые то доведались отпуск с Выбора, и ныне назад пришли с зарубежья... [Мюллер: 45–46].

Задание

1. Как обращаются челобитчики к шведской королеве?

2. Что заставило жителей Карелии обратиться к шведской королеве за помощью?

3. Проанализируйте лексику отрывка в историческом плане.

Для справки

арцухна – герцогиня;
велеможный – могучий, могущественный;
лонской – прошлогодний;
прямые люди – справедливые люди;
отпуск – освобождение, избавление.

XIV. 1657 г. – Грамота из новгородского приказа Соловецкому монастырю о постройке острога в Кеми средствами монастыря

...Свейские воинские люди хотят приходить войною на наши великого государя порубежные поморские места Кемою рекою и озерками водяным путем в судах, и воевать Кемскую волость и все поморские места; а в той Кемской волости никакие крепости и ратных людей нет [Мюллер: 127].

1660 г. – Челобитная олонецких посадских людей

...Сыскивал... Заонежскими околними погосты и волости всяких чинов людми болшим повалныи обыском. А в обыскех обыскные люди, попы по священству, а старцы и старицы по иноческому обещанию... во всех погостех сказали одни речи, что Повенецкий рядок за тобою великим государем был... А те Вяжицкого монастыря приказные старцы и Толвуйского погоста горланы, приезжая на Повенецкий рядок многими людми многажды, и у торговых людей лавки и анбары ломали, и товары и животы грабили, и нас сирот твоих побивают и всячески нас теснят и насилуют [Мюллер: 138].

1665 г. – Мирская челобитная драгун

Черкаско Федоров за ево Черкасово великое воровство и братьев [ево] родных Богдашка и Сенки... пытаны были в государеве слове на многих пытках... и велено было [сыскать] про ево Черкасово ябедничество и про мирской от него налог, что без перемены по все годы по стачке сродичей своих старостил и

лишные розметы для своей корысти чинил. И он Черкас, ведая ту свою вину, умысля воровски, возвал к себе на дом тово попа Ивана и, напоя ево, и тое грамоту отняв, розпечатал мимо тово Василья Золотарева. И про то ево воровство Василий Золотарев сыскал и наказанье учинил при многих людех. А он Черкаско и ныне старостит, а сын ево Иван на Олонце у государевых дел в подьячих. А он подьячей Иван записан был в драгуны в Виницком погосте с своей тяглой деревни. И не хотя тот Иван великому государю службы служить, подставкою взял твою великого государя грамоту, утая свое драгунство, чтоб быть на Олонце в съезжей избе в подьячих. И ныне он Иван седит в съезжей избе в подьячих и ездит по погостом и налоги и продажи и приметы нам холопем и сиротам твоим в напрасне от него многие, и воевод и началных людей на нас научает... чтоб нам... от ево Иванова ябедничества и многих составных приметных вымыслов вконец не разоритца... И не вели... тому ябеднику в старостах у мирских дел в подьячих на Олонце быть впредь [Мюллер: 183].

Не ранее 1675 г. — Мирская челобитная «маломожных» крестьян Оштинского погоста

А велено ему выбрать в Оштинском погосте при себе ко 184 году в старосты людей добрых, душею прямых, животом пожиточных, кому б вытное число за добычей было, а не горланов и не миропродавцев... человек добр, душею прям, животом пожиточен, а не горлан и не миропродавец, и лишних налог от него никаких нам не бывало [Мюллер: 228].

Задание

1. Опишите события, отраженные в приведенных отрывках.
2. Проведите комплексный историко-лингвистический анализ.

Для справки

свейский — шведский;
стачка — договоренность;
подставка — подлог;
продажа — денежная пеня за преступление.

Для определения сохранности слов, представленных в отрывках памятников, приводим данные СРГК, а в случае отсутствия в

СРГК – словарей СРНГ, В. И. Даля. Географические пометы, используемые в этих словарях, приводятся без изменений:

братина – `большая общая миска для питья и еды' Тер. [СРГК, I: 107];

в мое место – `вместо меня' Сев.-Двин. [СРНГ, XVIII: 130];

выставка – `тип однодворного поселения' без указ. места [СРНГ, VI: 30];

вывечать – `узнавать, спрашивать о чем-н.' Медв., Тер. [СРГК, I: 254];

городецкий – `городской' Горьк. [СРНГ, VII: 57];

городицкий – `городской' Кириш., Тихв. [СРГК, I: 373];

гребло – `приспособление для выгребания зерна, картофеля и т. п.' Медв., Пуд., Карг., Онеж., Выт. [СРГК, I: 390];

дворец – `помещение для скота' Казан., Киров. [СРНГ, VII: 297];

достальной – `остальной' Медв., Подп. [СРГК, I: 496];

дозорный – `опрятный, чистоплотный' Волог. [СРНГ, VIII: 94];

дозорить – `наблюдать за чем-н., присматривать, ухаживать' Арх., Волог., Урал. [СРНГ, VIII: 94];

думный – `умный' Выт., Кириш. [СРГК, II: 10];

житейский – `бывалый, знающий жизнь' Медв., `такой, который содержит жизненные сюжеты, бытовой' Кондоп. [СРГК, II: 66];

излюб – `о том, что избрано или кто избран, облюбован кем-либо' Вост. [СРНГ, XII: 141];

корела – `местность, где проживают карелы' Пуд. [СРГК, II: 422];

коробья – `сундук или ящик из гнутого луба для хранения одежды' – известно широко в говорах [СРНГ, XIV: 349];

корыстоваться – `присваивать (чужое)' Волог., Костром., Перм., Сарат, Сиб. [СРНГ, XV: 35];

лонской – `прошлогодний' Медв., Пуд., Карг., Карг., Вашк., Лод. [СРГК, III: 146];

мурман – `житель норвежских берегов' Арх. [СРНГ, XVIII: 357];

насад – `судно, изготовленное из одного цельного дерева с набитыми бортами из досок' Олон. [СРНГ, XX: 147];

начальный – *фольк.* `лучший из всех, превосходящий других в каких-л. отношениях; первый' Онеж. [СРНГ, XX: 280];

немецкий – *фольк.* `чужеземный, иностранный' [СРНГ, XXI: 79];

нетчик — `до революции — кто отказывается или не в состоянии уплатить недоимки, несостоятельный должник, человек' Олон., `тот, кто отсутствует или не явился куда-л. к назначенному времени' Урал., Сиб. [СРНГ, XXI: 182];

обдолжить — `одолжить' Вят., Орл. [СРНГ, XXII: 23];

обилье — `хлеб на корню' Сег., Онеж., Карг., Выт. [СРГК, IV: 81];

однорядка — `род верхней крестьянской (мужской или женской) одежды в виде халата' Пудож. Олон., Сиб. [СРНГ, XXIII: 50];

окабалить — `надоесть чем-н.' Брян. [СРНГ, XXIII: 105];

опричь, оприча, опричe — `кроме, помимо' Выт., Уст., Тихв., Чуд. [СРГК, IV: 224];

опришно — `отдельно, обособленно' Борович. Новг. [СРНГ, XXIII: 297];

ослободить — `разрешить, позволить войти куда-л.; пустить' Олон., Север. [СРНГ, XXIV: 2];

питух, питуха — `тот, кто пьет чай' Медв. [СРГК, IV: 522];

поминок — `предмет, вещь в знак памяти о ком-л.' Костром., Сиб. [СРНГ, XXIX: 215];

понять — `взять в жены, женить; жениться' Новг., Смол. [СРНГ, XXIX: 262];

посад — `город' Арх., Север., `село' Арх., Сев.-Двин., `одна из сторон деревенской улицы' Медв., Влад., Яросл., Костром., Пск., Твер., Волог., Ленингр., Моск. [СРНГ, XXX: 130–131];

стачка — действие по глаг. *стакиваться, стакнуться* `заране тайком условиться, сговориться, быть соумышленником, стоять заодно' без помет [Даль, IV: 314];

учать прм., **учнуть** пск. — `начать' [Даль, IV: 528].

Этот незначительный список слов, сориентированный на лексику, помещенную в разделе «Для справки», дает возможность увидеть в некоторой степени развитие семантики слов, употребленных в памятниках письменности, «законсервированность» ряда слов в лексической системе говора, определить географию бытования их в настоящее время.

Учитель может расширить систему упражнений, определяемую конкретным лингвистическим материалом памятника.

В целом в работе представлены материалы, относящиеся к разным районам Карелии, что практически дает возможность опираться на местный материал во всех школах Карелии.

ОБРАЗЕЦ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

У нас всё по-деревéньски говоря́т, все однáко говоря́т. Ру́ки боля́, нóги боля́т. Сын в гóроде, с áрмии сын пришóл, уéхано прáзновать. Я однá э́тта, вóсимисят два года. Ниграмотна, ни читáть, ни писáть, ничовó на мáлтаю. Брéвен вози́ть в лес отпрáвят. А смéрти ворожу́-ворожу́... Пéрвого-то уби́ли на войны́. Вси мá линьки. Свекрóва затéяла уéхать в гóрод. Со всимá мужыкáмы [работала], в войну́-то две корóвы дёржáла. Всё тикё. Я вся больня́я, желу́док, бокá кóлет, под сéрцо — виздé. Желу́дком вся худáя. Внук пришóл, вну́чат мнóго, прáвнуков. Одну́ дéвку вы́дала зáмуж, муж розби́лсэ. Мóжо, сам, а мóжо, и снарóку посклáли [кирпичей], чáша [верхняя часть головы] вся розби́лась.

Я у рéчки [живу]. Я стáрой чоловéк, глинóй. Я в э́том глинóтнике [старом, разрушающемся доме], нá зиму придéтсе уéхать, я однá боюси жыть. На крежу́, у рéчки. Дров сыновья́ заготóвя, накóлют и нанóся. Жывéшь, у́ши заглухáют, обóи у́ши. Поби́тосе, поробóтано стóлько!

Шéина, ру́ки, спи́на... Холмó — спервá мя́кко у ноги́. Чáша — то óсобе. Зу́бы на чеснокáх. У тя чесноки́ хорóши, здорó вы, а зубóв нéту. Три глины́х зу́ба. Три крóкаля, три зу́ба остá лись, крокали́ — зу́бы. Лáлаки вверху́ за зубáмы. Щёки, подборó док — большóй, меньшóй. Это кочаны́ аль штó [о суставах пальцев]?

(Мария Ивановна Сёмина, 82 года, д. Колово Пудожского р-на, 1997 г. *Запись сделана автором*).

Список рассмотренных слов*

---

* В данный список включены слова только исследуемой территории.

Оглавление

Научное издание

МИХАЙЛОВА Любовь Петровна

ИСТОРИЯ КРАЯ В НАРОДНОМ СЛОВЕ

РУССКИЕ ГОВОРЫ В КАРЕЛИИ

При оформлении обложки использована фотография Белого моря
М. С. Скрипкина

Главный редактор *Е. А. Нетылько*
Редактор *Е. А. Иванова*
Компьютерная верстка *М. А. Пошехонов,*
Г. О. Предтеченский
Компьютерный набор *Л. П. Михайлова*

Лицензия № 040333 от 24.11.97

Подписано в печать 12.07.2003. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Book Antiqua. Печ. л. 18,0. Тираж 500 экз.
Заказ № 3292.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Карельский государственный педагогический университет»
Республика Карелия. 185000, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП РК "Республиканская типография им. П. Ф. Анохина", 185005, г. Петрозаводск, ул. Правды, 4

Михайлова Любовь Петровна, заслуженный деятель науки Карелии, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета. Участник первой студенческой диалектологической экспедиции Новгородского педагогического института в 1958 г. на оз. Селигер по программе «Диалектологического атласа русского языка», затем ежегодно руководитель многочисленных экспедиций в села Новгородской, Вологодской обл., а с 1977 г. по Карелии. Ученица известного диалектолога В. П. Строговой и историка языка Б. Л. Богородского. С 1970 г.член редакционной коллегии «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», возглавляемой проф. СПбГУ А. С. Гердом, автор многих словарных статей, один из ответственных редакторов шестого выпуска словаря (отрезок Т-Я). Автор свыше 100 научных публикаций, бóльшая часть которых посвящена исследованию лексики русских говоров Карелии в историко-этимологическом аспекте. Активный собиратель и ценитель золотых россыпей русской народной словесной культуры.